

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

A7
Lange, N.N.
Opravakh sobstvennosti

Bd. Nov. 1928

HARVARD LAW LIBRARY

Received July 18. 1922

О ПРАВАХЪ

24

СОБСТВЕННОСТИ СУПРУГОВЪ

X

ПО ДРЕВНЕ РУССКОМУ ПРАВУ.

C

О. Ф. ЛАНГЕ.

O. von Lange

I. О раздѣльности имуществъ между супругами по свидѣтельству
лѣтописей и древнихъ актовъ.

II. Ученіе о dos и pretium-emptionis. Историческое изслѣдованіе
сущности и понятія выраженія лѣтописца:

а љоутра пришо аху у то на не в да ду хе.

ПОВѢСТЬ ВРЕМЕННЫХЪ ЛѢТЪ по Ипатскому списку, ст. 10.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. М. Стасюлевича. Вас. Остр., 2 л., 7.

1886.

X

[1244]

JUL 18 1022

JUL 18 1922

Дозволено цензурою С.-Петербургъ 29-го января, 1886 года.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	стр.
Предисловіе	v
О раздѣльности имущества между супругами по свидѣтельству лѣтописей и древнихъ актовъ	1
Ученіе о dos и pretium - emtionis.—Историческое изслѣдованіе сущности и понятія выраженія лѣтописца	15
Дополненіе 1-е	142
" 2-е	146
" 3-е	147
" 4-е	153

ВАЖНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ:

<i>страница:</i>	<i>строка:</i>	<i>напечатано:</i>	<i>слѣдуетъ читать:</i>
4	13	сверху	исчезаетъ
13	15	"	съ 1521
19	14	снизу	исчезаетъ
20	20	сверху	ни по идеѣ
26	19	снизу	„даръ
26	4	"	Lex
27	7	сверху	nobilis
28	20	снизу	qualeunque
28	7	"	futura
30	2	сверху	достоенъ
30	6	"	optare
30	8	"	Aut
30	8	"	juxta
30	9	"	puella
30	8	снизу	facta и sponsare
31	4	сверху	Bignoniane
31	12	"	Marceulfi
33	14	"	morè и fastnop
35	10	"	adfert
39	12	"	существуетъ
39	4	снизу	Цааджикъ-Бичикъ
41	1	сверху	одно и то же
44	18	снизу	fit
45	11	сверху	si jure
45	21	"	propries
49	9	"	tout
49	12	"	de ce qu'il estiment de tous les contracts
49	14	"	par abréviation
49	17	"	nots
49	5	снизу	въ 1684 году
49	4	"	Sc. Vallejanum
52	7	сверху	тягостей
73	15	"	смаютъ
			исчезаетъ
			съ 1521 г.
			исчезаетъ
			ни по понятію
			„награда
			Lex
			nobiles
			qualecunque
			futuro
			достоинъ
			optare
			Aut
			juxta
			puella
			facto и sponsuro
			Bignonianae
			Marculfi
			mòrc и fastnod
			affert
			существуютъ
			Цааджинъ-Бичикъ
			одно и то же
			sit
			si juri
			proprias
			tant
			de ce qu'il estiment de grande conséquence.
			par abréviation
			mots
			въ 1683 году
			Sc. Vellejanum
			тягости
			емлютъ

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Послѣдующее изслѣдованіе имѣетъ своею цѣлью изученіе вопроса о правахъ собственности женщинъ въ древней Руси. Первое, съ чѣмъ сталкивается изслѣдователь, посвятившій себя изученію, или, скорѣе, выясненію этого вопроса,—то неопровержимое положеніе, составляющее для каждаго изслѣдователя правъ собственности супруговъ основаніе всей его дальнѣйшей работы. Положеніе это слѣдующее: раздѣльность имуществъ между супругами была положительнымъ принципомъ русскаго законодательства съ древнѣйшихъ временъ, о которыхъ до насъ дошли свидѣтельства, и, что не было на Руси времени, когда бы этотъ законъ подвергнулся измѣненію въ противоположномъ ему духѣ. Права, предшествующія правамъ собственности супруговъ въ древней Руси, можно раздѣлить на двѣ отдѣльныя группы: раздѣльность имуществъ, приданое. Изъ нихъ только послѣдняя категорія правъ—приданое—представляетъ громадный всесторонній историческій интересъ и богатую тему для изслѣдователя. Оно не было самобытнымъ, чисто національнымъ законодательнымъ институтомъ, но было пересажено, путемъ заимствованія, на почву русскаго права, со временемъ потеряло свой первоначальный смыслъ и окончилось тѣмъ, что вошло въ составъ первой группы правъ: отдѣльнаго имущества одного изъ супруговъ. Изслѣдованіе, относительно этого отдѣла права, будетъ доведено до законодательныхъ памятниковъ новѣйшаго вре-

мени, а именно: до законодательства о приданомъ Петра I. Относительно же другаго вопроса, неразрывно связаннаго съ первымъ: можетъ ли, въ дѣйствительности, существовать полная раздѣльность имущества и чтобы одинъ супругъ не распоряжался имуществомъ другаго, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, то, этотъ вопросъ составляетъ уже другую сторону предмета и долженъ быть изслѣдованъ отдѣльно.

Что касается дотальнаго права, то тотчасъ же представится, что базисомъ его служить Римское Право. Если, въ этомъ случаѣ, изложеніе основанія не предшествуетъ русскому дотальному праву, какъ, можетъ быть, слѣдовало бы, то никто болѣе меня не можетъ сознавать всю глубину этого недостатка. Къ этому побудили меня слѣдующія причины: 1) изложеніе Римской дотальной системы завело бы насъ такъ далеко, въ страны столь отдаленныя, что мы долго не дошли бы до изложенія русскаго дотальнаго права, которое само принадлежитъ къ области, весьма мало изслѣдованной; 2) имѣя въ виду полное изложеніе Римской дотальной системы въ будущемъ, ибо „неужели гений—умственный капиталъ, нашедшій себѣ достойное выраженіе въ римскомъ правѣ, этотъ дивный итогъ тысячелѣтняго наблюденія и опыта, не имѣетъ столько же правъ на уваженіе челоуѣчества, какъ чудеса греческаго искусства и идеи Платона и Аристотеля?“—я придерживаюсь умышленной краткости: имѣя передъ собою основаніе, я опираюсь на него лишь въ крайнемъ случаѣ; оно излагается настолько, насколько оно необходимо для пониманія явленія. Оно, такъ сказать, заложено въ самомъ основаніи русскаго дотальнаго права, на неизмѣримой глубинѣ, „въ багряномъ сумракѣ“. Предлагаемое изслѣдованіе, по существу своему, по предлагаемому матеріалу, который давно уже составляетъ собственность архивовъ, можетъ, кажется, рассчитывать на весьма ограниченное число читающей публики; но я осмѣливаюсь, все-таки, выразить надежду, что предлагаемое изслѣдованіе—этотъ посильный опытъ разсвѣтать тьму, насъ окружающую,—не пройдетъ совсѣмъ незамѣченнымъ, не перейдетъ

сразу въ достояніе архивовъ, а, быть можетъ, даже, на что я питаю еще меньшую надежду, вызоветъ рядъ изслѣдованій въ мало изслѣдованныхъ областяхъ правовѣдѣнія.

Могу прибавить одно, что отъ времени окончанія этого изслѣдованія до его выхода въ свѣтъ, прошелъ довольно значительный промежутокъ времени: меня удерживало сомнѣніе, сомнѣніе въ зрѣлости проводимыхъ идей, которыя въ этотъ промежутокъ времени постоянно подвергались точной провѣркѣ, какъ и весь демонстративный матеріалъ, служащій ихъ основаніемъ,— и хотѣлось бы надѣяться, что въ отношеніи передачи этого матеріала не допущены погрѣшности—и если я рѣшаюсь, наконецъ, издать это изслѣдованіе, то только потому, что мною руководитъ убѣжденіе, что я могу, кажется, нѣсколько удовлетворить научной потребности. До сихъ поръ, изслѣдователи въ области исторіи и правовѣдѣнія пользовались исключительно методомъ историческимъ по преимуществу, возлагая на него слишкомъ большія надежды. Я не вижу, въ чемъ заключается его преимущество и считаю за совершенно безсильный проникнуть въ причину и сущность явленія, при исключительномъ его пользованіи. Демонстративный матеріалъ, на которомъ основано мое изложеніе, не только достаточенъ для того, чтобы составить себѣ самостоятельные взгляды, но, даже, по своей обширности, по относительно громадному числу фактовъ, неминуемо ведетъ къ принятію и установленію этихъ взглядовъ. Эти взгляды вытекаютъ изъ демонстративнаго матеріала, но не стоятъ рядомъ съ нимъ, а возвышаются надъ нимъ. Отдѣлъ о раздѣльности имущества между супругами есть не болѣе, какъ введеніе въ дотальное право, демонстративный матеріалъ котораго намъ будетъ необходимъ при изложеніи дотальнаго права.

О. Л.

2 апрѣля, 1886 года.
С.-Петербургъ.

О РАЗДѢЛЬНОСТИ ИМУЩЕСТВЪ МЕЖДУ СУПРУГАМИ ПО СВИДѢТЕЛЬСТВУ ЛѢТОПИСЕЙ И ДРЕВНИХЪ АКТОВЪ.

Первые слѣды раздѣльности имуществъ супруговъ, которые черезъ сотни лѣтъ были такъ положительно выражены въ Сводѣ Законовъ, мы находимъ въ письменномъ договорѣ Олега съ Греками, заключенномъ въ 912 году: „Аще кто убьетъ или хрестьянина Русинь, или хрестьянинъ Русина, да умереть, идѣже аще сотворить убійство. Аще ли убежить сотворивый убійство, да аще есть домовить, да часть его, сирѣчь иже его будетъ по закону, да возьметъ ближній убьенаго, а и жена убившаго да имѣть толлицемъ же пребудетъ по закону“¹⁾. Хотя, изъ этой статьи договора, не видно, въ чемъ именно состояла „законность владѣнья“, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ говоритъ о существованіи закона, или скорѣе обычая,—взошедшаго впоследствии въ положительное законодательство,—раздѣльности имуществъ супруговъ, какъ выражается это слѣдующей статьей договора: „если убійца убѣжить и если онъ домовить, то часть, принадлежащую ему по закону, возьметъ ближній убитаго, а жена убійцы возьметъ то, что ей принадлежитъ по закону“.

Но не только право раздѣльности имуществъ супруговъ, какъ слѣдствіе всеобщаго правосознанія народа, обрисовывается въ договорѣ, но насколько оно было развито въ то время, указываетъ то, что въ договорѣ нѣтъ статьи, въ силу которой, жена была бы обязана отвѣчать своимъ имуществомъ за вину или преступленіе

¹⁾ Лѣтопись по Лавр. списку, стр. 33, изд. 1872 г. Спб.

своего мужа. Однако, со временем, статья Русской Правды: оже станеть безъ вины на разбои, постановила, что личность жены „разбойника“, т.-е. жены предумышленного убійцы, подвергается отвѣтственности за совершенное преступленіе мужа, какъ и онъ самъ съ своею собственностью отдается, по выраженію закона: „на потовъ и на разграбленіе“. Эта отвѣтственность жены разбойника не уничтожается даже и въ томъ случаѣ, когда жена не принимаетъ активнаго участія въ предумышленномъ убійствѣ. Совершенно напротивъ, постановленія Русской Правды относятся къ преступленіямъ холоповъ. Жена холопа не подвергается преслѣдованію, напр., въ воровствѣ мужа, если сама не принимаетъ въ немъ участія. Эта статья Русской Правды, распространяющая наказаніе даже на жену и семейство дѣйствительнаго убійцы, свидѣтельствуетъ о той нетерпимости, какую питаетъ общество къ предумышленнымъ убійцамъ: оно не только не старается защитить ихъ, а, напротивъ, исключаетъ, какъ нетерпимыхъ членовъ изъ своей среды, распространяя даже это наказаніе на жену и дѣтей и предоставляя имущество разграбленію. Кромѣ вышесказанной статьи Русской Правды, представляющей единственный случай, когда жена могла быть привлечена къ отвѣтственности за преступленіе мужа, какъ будто лично участвовала въ совершеніи его, древніе законодательные памятники не содержатъ указаній, чтобы жена раздѣляла участь мужа или рисковала бы потерей своего имущества, при обращеніи его въ рабство за долги, или за преступленія противъ правъ собственности, или за нарушеніе личныхъ правъ. Между юридическими актами находятся два заемные акта, отъ 1562 и 1563 гг., написанные отъ имени мужа и жены вмѣстѣ и доказывающіе, что жена только тогда можетъ подвергнуться отвѣтственности и преслѣдованію со стороны кредиторовъ за долги его, когда лично вступила вмѣстѣ съ нимъ въ обязательство, или когда приняла его на себя, какъ гласитъ, напр., заемный актъ № 243: „Се язъ Пребылой Павловъ сынъ, да своею женою съ Овдоміею съ Даниловою дочерію занялъ есмя у Григорья у Иванова сына Охлебинина четырнадцать рублей денегъ безъ четверти Московскихъ ходячихъ... А въ сребрѣ есмя и въ ростѣ и съ дворомъ одинъ человекъ, кой *насъ заимчи-*

ковъ въ лицѣхъ на томъ денги и ростъ, не розвычивая; а не отъиматись отъ правезу, отъ сее кобалы, всякими Царя Великого Князя несудимыми грамотами... гдѣ ся кабала *насъ заимщыковъ* ни застанеть, тутъ свои денги правити любымъ приста-вомъ“¹⁾. Относящіяся къ вышесказаннымъ преступленіямъ статьи Русской Правды: О закупѣ, судъ о душегубствѣ, о убійствѣ судъ, а также статьи: А се о купци оже истопиться, о долѣ аще кто многимъ долженъ будетъ, точно такъ же, какъ и въ соотвѣтствующихъ статьяхъ П. Судной грамоты говорится только о преступникѣ лично, и за совершенное преступленіе подвергается отвѣтственности только онъ одинъ. Въ Законахъ Іоанна III и въ Судебникѣ Іоанна IV, постоянно встрѣчаются указанія о выдачѣ преступника головою впредь до выкупа, притомъ, во всѣхъ случаяхъ, говорится о выдачѣ его одного, не упоминая о женѣ или о дѣтяхъ, ни объ обязанности ея вознаградить изъ своего имущества кредитора мужа, или вознаградить истца. Напр.: „А доведоуть на кого татбу, или разбои, или душегубство, или лядничество, или иное какое лихое дѣло, и будетъ вѣдомой лихой, и Боаринъ того велѣти казнити смѣтноу казнью а исцево велѣти доправити изъ *его статка*... А Гдѣкому оубоицѣ и коромольникѣ, цѣковномъ татю и головному, и подымщикѣ, и зажигалникѣ, вѣдомому лихому члѣ, живота не дати, *казнити его смертною казнью*“²⁾. Или: „А доведуть на когѡ татбу, или розбои, или душегубство, или лядничество, или иное какое лихое дѣло, а будетъ вѣдомой лихой, и емъ того велѣти казнити смѣтноу казнью, а исцево доправити изъ *его статка*“³⁾...

Обращаясь къ Законамъ Іоанна III, а затѣмъ къ Судебнику Іоанна IV, мы видимъ, что, какъ въ Законахъ, такъ и въ Судебникѣ, мы не находимъ статьи, подтверждающей законъ Русской Правды объ отвѣтственности жены „разбойника“, т.-е. предумышленнаго убійцы. „А доведуть на кого розбои, или душегубство, или лядничество, или подписку или иное какое лихое дѣло, а будетъ вѣдомой лихой члѣ, и Боаринъ велѣти того казнити смертною

¹⁾ Акты Юридическіе № 243. См. акты, относящіяся до Юрид. быт. др. Росс. Т. II, № 127, I, II, III, X, XIX. Также Т. III. № 359, III, IV.

²⁾ Законы I. III. W татбѣ.

³⁾ Idem. W татѣхъ оуказъ, См. далѣе тамъ-же. О заимѣхъ.

казнью, а исцово велѣти заплатити изъ его статка, а что ся его статка за исповымъ останеть и то ѿдати ѿ прогоны“... ¹⁾ и далѣе ²⁾ „А Гдѣрьскому ѿбоицѣ, і градцкомъ здавцѣ, и коромолниѣ, і цѣрковномъ татю, і головномъ татю, и подметчиѣ і зажитальниѣ, вѣдомомъ лихомъ члѣкѣ, живота не дати, казнити его смертною казнью. А бѣдетъ ис тѣхъ [комъ лихомъ истецъ, і заплатити исцово изъ его статка, а что ся его остатка останеть за исповымъ, и то ѿдати ѿ прогоны; а не бѣдетъ ѿ которого лихого столво статка, чѣмъ исцово заплатити, ино его истцѣ въ его гибели не выдати, казнити его смертною казнью“. Такимъ образомъ, въ законодательствѣ, послѣдующемъ Русской Правдѣ, статья о привлеченіи къ отвѣтственности жены „разбойника“ исчезаетъ и этимъ указываетъ, что она выражала законъ времени, современному лишь Русской Правдѣ.

Въ древнѣйшихъ извѣстіяхъ мы находимъ, что право раздѣльности имущества, распространялось на недвижимую, такъ же какъ и на поземельную собственность. Одно изъ древнѣйшихъ свидѣтельствъ, сюда относящихся, есть сообщеніе Нестора ³⁾, что Вышгородъ составляетъ отдѣльную собственность Ольги, на которую шла треть древланской дани; что у нея было свое село, свои мѣста звѣриной ловли: „И иде Вольга по Дервьѣстѣй земли съ сыномъ своимъ и съ дружиною, уставляючи уставы и уроки; *суть становища ея и ловища*“. И далѣе: „Иде Вольга Новгороду, и уставы по Мѣстѣ повосты и дани и по Лузѣ оброви и дани; *ловища ея* суть по всей земли, знаманья и мѣста и повосты, и сани ея стоятъ въ Плесковѣ и до сего дне, и по *Днѣпру перевѣсища* и по *Деснѣ*, и есть село ея *Оможици* и *доселе*“.

Въ другомъ мѣстѣ, лѣтописецъ, между прочимъ, сообщаетъ подъ 1159 годомъ ⁴⁾: „Изяславъ же съ княгинею пойде изъ Гомья въ Вятичемъ, и *взя городъ княгининъ* на щитъ Святославлеѣ“. Въ договорной грамотѣ Новгорода съ В. К. Тверскимъ, Михаиломъ Ярославичемъ отъ 1305 года, Новгородцы пишутъ ⁵⁾:

¹⁾ Судебникъ Іоанна IV. гл. ѿѡ.

²⁾ Idem. гл. ѡа См. также гл. ѿб, ѿѣ, ѿб, ѿз, ѿн, ѡ, ѿ.

³⁾ Лѣтопись по Лавр. списку, стр. 58.

⁴⁾ Лѣтопись по Ипатскому списку, стр. 344.

⁵⁾ Собр. Румянц. Ч. I, № 8.

„А что, Княже, сель твоихъ, и Владычныхъ, и *Княжениныхъ*, и Боаръ твоихъ, и слугъ твоихъ на Новгородской земли“ ... и т. д. Русская Правда, къ которой мы обращаемся, какъ къ законодательному памятнику, слѣдующему за письменнымъ договоромъ Олега и Игоря съ Греками, не имѣетъ ни одной статьи, относящейся прямо и исключительно къ семейственному праву; единственная, хотя и косвенная, которая можетъ быть сюда включена, относится скорѣе къ наследственному праву. Но, все-таки, это постановленіе Русской Правды о наследствѣ, по которому дѣти отъ двухъ разныхъ отцевъ получаютъ, тѣ и другія, наследство только послѣ своего отца, а дѣти отъ разныхъ матерей, только наследство послѣ своей матери — имѣетъ своимъ основаніемъ раздѣльность имуществъ супруговъ. „Будутъ ли дѣти, то что первой жены, тѣ то возьмутъ дѣти матери своей... аже будутъ двою мужю дѣти, а единой матери, то онѣмъ своего отца сстатокъ, а онѣмъ своего отца“ ¹⁾. Слѣдовательно, настоящая статья разрѣшаетъ вопросъ въ духѣ старинныхъ русскихъ законовъ, такъ какъ, въ сущности, одинакова съ такой же статьей Олегова договора. Въ обоихъ памятникахъ говорится объ отдѣльной имущественной части, принадлежащей женѣ по праву собственности.

Но кромѣ свидѣтельствъ изъ прямыхъ законодательныхъ источниковъ, въ актахъ историческихъ и вообще въ актахъ, относящихся до юридическаго быта древней Руси, которые разберемъ ниже хронологически, мы найдемъ также данныя о раздѣльности имуществъ супруговъ, которыя, неопровержимо и положительно доказывая, что раздѣльность имуществъ была положительнымъ закономъ русскаго законодательства съ древнѣйшихъ временъ, черезъ это и, какъ прямое логическое слѣдствіе, приведутъ насъ къ разбору вопроса того законнаго положенія, въ которомъ находились оба супруга, какъ въ отношеніи другъ друга съ одной стороны, такъ и въ отношеніи своего имущества — съ другой.

---

¹⁾ Калачовъ, Русская Правда, стр. 168, 170. Постановленіе о томъ же Псковской Судной грамоты слѣдующее: „А у котораго человека помретъ жена, безъ рукописанія, а у ней останется отчина ино мужу ея владѣти тою отчиною, до своего живота, толко не оженится; а оженится, ино корми ему нѣтъ. П. Суд. Гр. стр. 14.

Изъ дошедшихъ до насъ источниковъ, историческихъ или юридическихъ, не видно, чтобы право пользованія и распоряженія собственностью одного изъ супруговъ, было бы ограничено закономъ и, вообще не видно, что законъ допускалъ бы одного супруга къ самостоятельному распоряженію имуществомъ другого. Напротивъ, эти источники доказываютъ, что при совершеніи различныхъ юридическихъ актовъ, какъ-то: при дарѣ, куплѣ, продажѣ, при совершеніи вкупчихъ и т. д. соблюдалась строгая раздѣльность имуществъ, причемъ право совершенія различныхъ юридическихъ дѣйствій надъ данной собственностью распространялось только на имущество, которое по праву принадлежало одному изъ супруговъ.

Изъ данныхъ, вкладныхъ, различнаго рода грамотъ и прочихъ юридическихъ актовъ, относящихся большею частью ко времени Судебниковъ, видно, что въ то время былъ весьма распространенъ обычай жаловать монастыри и церкви имуществомъ; жаловать льготныя грамоты людямъ сель и деревень, принадлежащихъ монастырямъ и вообще духовенству. Благодаря этому обычаю, мы имѣемъ массу юридическихъ актовъ, содержаніе которыхъ ясно представляетъ намъ права собственности супруговъ древней Руси. Относительно такихъ данныхъ или вкладныхъ читаемъ подъ 1432 годомъ ¹⁾: „Се яз княгиня Огрофѣя княжа Аѳонасьева Ивановичъ съ своими дѣтми, со княземъ Семеномъ да со княземъ Васильемъ Аѳонасьевичи, дали есмы в домъ стѣй Троицы в Сергѣевъ монастырь игумену Зиновію з братаю, или кто по немъ иныи игуменъ будетъ въ своей отчинѣ на Шохъстѣи монастырекъ стго Николу и з землею с Н..., и с пожнями и с лѣсомъ“... и т. д. По Новгородской данной, 1557 года, собственности Агафѣи Кудесниковой, Кириллову монастырю дается въ даръ дворъ ²⁾: „Се язъ Огаѳея Семенова дочь, а Захаріина жена Кудесникова, дала есми Пречистой въ домъ и Чудотворцу Кирилу игумену Ѳедосью съ братаю, или кто по немъ инъ игуменъ будетъ, дворъ въ Каргополѣ, на посадѣ“...—Въ данной позднѣйшаго времени: 1619 года, мужъ пишетъ, что по призыванію

¹⁾ Акты, относящіяся до Юрид. быта древ. Росс. Т. I, № 63, VII.

²⁾ Акты Юридическіе, № 113.

своей жены, отдаетъ вотчину послѣдней, въ собственность церкви ¹⁾: „Се язъ Сила, прозвище Бажънъ, Овдовимовъ сынъ Трескинъ, государевъ сытникъ, да язъ приказщица старица Маремьяна Маклакова Ивановскаго монастыря дали есмь, по приказу язъ, Бажънъ, жены своей Фетиньи Ивановой дочери Савельева сына Ромъкова, а язъ старица Маремьяна племянницы своей, родственную вотчину въ домъ пречистые Богородицы и великимъ чудотворцомъ Петру и Олексѣю и Ионѣ... въ вѣчный поминокъ въ Кашинскомъ уѣздѣ село Бѣли съ деревнями..., и мнѣ Бажъну и жены моей Фетиньину роду и племяни до той вотчины по ее приказу до села Бѣлей съ деревнями дѣла нѣтъ, потому что *вотчина жены моей у Фетиньина отца у Ивана Ромъкова и брата ее Елистратя съ его родомъ розведена и досталась та вотчина по ихъ роздѣлу на отца ее на Ивановъ жеребей Ромъкова а отецъ ее Иванъ Ромъковъ тое вотчину село Бѣли съ деревнями отказали ей Фетинѣ, и та вотчина, по приказу жены моей Фетиньи, въ домъ пречистые Богородици... въ вѣчный вкладъ безъ выкупу по моей женѣ Фетинѣ и по отцѣ ея и по матерѣ и по ея родителехъ по ее приказу*“. Въ льготной грамотѣ 1441 года, жалованной людямъ, вновь призываемымъ и селимымъ на пустошахъ, „Сѣземскіе земли“ Бѣлозерскаго Кириллова монастыря, В. К. Софья говоритъ отъ своего имени, что она пожаловала въ Кирилловъ монастырь „*свои пустоши Сѣземскіе земли*“ ²⁾. Та же Великая Княгиня, въ льготной грамотѣ 1448 года, пожалованной людямъ села Кувакинскаго, принадлежащаго Троицкому Сергіеву монастырю, говоритъ о *своихъ селахъ и волостяхъ* ³⁾. Въ льготной грамотѣ 1453 года, пожалованной В. К. Маріей людямъ деревни Микулинской, принадлежащей тому же монастырю, Великая Княгиня пишетъ ⁴⁾: „По мтри своей грамотѣ великіе князи Соои, се язъ княгиня великая Мрія пожаловала есмь Блгвщнског игумена Протасія зъ братією или хто по немъ иныи игуменъ будетъ отъ великіе Троици: что ихъ деревня Микулинская Тутолмина в мои волости в

¹⁾ Акты, относящ. до Юрид. быта др. Росс. Т. I, № 63, XXI.

²⁾ Idem, № 31, VI.

³⁾ Idem, № 31, X.

⁴⁾ Idem, № 31, XII.

Марининъ слободкѣ, и которыхъ людей игумен Протасей призоветъ къ собѣ в ту деревню из иныхъ княжен, а не из великогъ князѣа, *ни из моихъ селъ кнѣи великіе*“ и т. д.

Въ жалованной грамотѣ, 1455 года, Великаго Князя Василя Васильевича людямъ Угличскихъ сель, Троицкаго Сергіева монастыря, В. К. говорить о селехъ своей Великой Княгини, точно такъ же, какъ Несторъ, повѣствуя объ Ольгѣ, перечисляетъ собственность, ей принадлежащую. „Се яз князъ великии Василю Васильевичъ пожаловалъ есмь Троицкаго игумена Васыана Сергѣева монастыря зъ братьею: что ихъ села въ Оугличскомъ оуѣздѣ, и которые люди отъ нихъ вышли изъ ихъ сель в мои села великогъ князя или *в села в мою великѣ княгини* и в боярскіе села сего лѣта“ ¹⁾ и проч.

Въ актахъ Западной Россіи ²⁾ находятся двѣ жалованныя грамоты: отъ 1461 года и позднѣе: 1492—Мстиславской княгини Іуліаніи, Николаевской церкви, въ погостѣ Даниловскомъ, на сельцо Грідьково, съ угодьями и доходами и грамота Слуцкой княгини Анны, Слуцкаго Троицкаго монастыря Арх. Макарію, на село Дробышевское, съ правомъ продажи и передачи его. Великая Княгиня Марія, въ грамотѣ 1462 года, пожалованной игумену Благовѣщенскаго монастыря, въ которой, воспрещая людямъ, живущимъ въ монастырскихъ селехъ и деревнѣхъ, принимать на свои братчины, пиры и праздники незваныхъ людей, говорить о волости, въ которой находятся эти монастырскія села и деревни, какъ о своей собственности ³⁾.

Великій Князь Иванъ Васильевичъ пишетъ въ льготной грамотѣ 1462 года, пожалованной людямъ, живущимъ на Бѣ-

¹⁾ Idem, Т. I, № 37.

²⁾ Акты Западной Россіи, Т. I №№ 65 и 99.—См. также: Акты З. Россіи, Т. II № 8, 1507 годъ. Жалованная грамота Короля Польскаго Польской Королевы Еленѣ Іоан., его невѣстѣ, на замокъ Бѣлоскъ съ угодьями и доходами, въ пожизненное владѣніе.

Тамъ-же № 27, 1507 года. Жалованная грамота Мстиславскаго князя Михаила Ивановича и супруги его К. Іуліаніи Мст., Нагорному Николаевскому монастырю на четыре семьи людей въ Рясненскомъ округѣ, съ доходами и съ данями.

Тамъ-же № 101, 1518 годъ. Отказная грамота Пинской княгини Александры Семеновны, на „дворецъ“ Крапотчичи съ угодьями, въ пользу Пинской епископской кафедры.

³⁾ Акты, отн. до юридическаго быта древней Россіи, Т. I, № 38.

жецкихъ земляхъ Симонова монастыря ¹⁾: „По отца своего грамоте великог князя Василя Васильевич, се яз князь великий Иван Василевич пожаловаль есмь архимандрита Симановского монастыря Аванасья з братею или кто по нем ины архимандрит будет: что их села... ском Версѣ, что им дала Олена Михайлова жена Федорович... ело Весь Егоньскую да Кузмидемьянское село и з деревнями“... и т. д. Въ одной грамотѣ 1470 года, князя Юрія Васильевича, сына Вел. Князя Василя Васильевича, жалованной имъ людямъ, живущимъ на землѣ Симонова монастыря, упоминается о деревняхъ и селахъ, данныхъ монастырю княгиней Афросиньей ²⁾).

Въ жалованной льготной грамотѣ, 1471 года, В. К. Маріей людямъ, живущимъ въ селѣ Негловскомъ, принадлежащемъ Махрицкому монастырю, В. К. пишетъ: „Святых ради живоначальныхъ Троицы, се язъ княгини великая Марья пожаловала есми игумена Махрицского Аврамья съ братею, или кто по немъ ины игумень будетъ, что ихъ купля село Нѣгловское монастырское *въ моей волости въ Марининѣ слободкѣ*, и кого къ собѣ перезовуть людей жити изъ иныхъ княженей, а не изъ *моихъ великіе княини волостей и селъ*, ино тѣмъ людемъ монастырскимъ, пришлымъ инокнязцомъ, ненадобѣ имъ ни ямъ, ни подвода, ни мытъ, ни тамга, ни осменичее ни вона моего не кормять, ни сѣнъ моихъ не косять, ни двора волостелева не ставятъ, ни портново давати, ни къ сотскимъ, ни къ дворскимъ, ни къ старостѣ не тануть ни въ какіе проторы и розметы, также имъ ни иные некоторые пошлыны ненадобѣ“ ³⁾).

Въ жалованной грамотѣ отъ 1472 года, В. К. Ивана Васильевича III, Марьѣ Копниной, объ освобожденіи деревень ея отъ постоя ѣздовыхъ и отъ подводъ, Великій Князь пишетъ: „Се язъ князь великій Иванъ Васильевичъ, пожаловаль есми Марью Васильеву жену Копнина, что ми била челомъ, а сказываетъ: ставятца деи *у нее въ ее деревняхъ* въ Свѣчинѣ да въ Измайловѣ да въ Глуховѣ всякіе ѣздови, и кормы де и подводы и проводники у ее хрестьянъ емлютъ силно, да хрестьянъ деи

¹⁾ Idem, № 31, XIV.

²⁾ Idem, № 31, XVIII.

³⁾ Сборникъ Муханова, № 301, ст. 584.

вытравливають.—И язъ князь велики Марью пожаловалъ, въ тѣхъ *ее деревняхъ* не ставятца мои князи и бояря и ратные воеводы и дѣти боярьскіе и всякіе ѣздоки, и кормовъ и подводъ и проводниковъ у *ее* хрестьянъ не емлютъ, и гонцы мои великого князя подводъ и проводниковъ у нихъ не емлютъ, опрочъ ратные вѣсти. А хто у нее въ тѣхъ деревняхъ станетъ, или что возметъ силою у *ее* хрестьянъ, и тому то платити вдвое безъ исправы, а отъ мене отъ великого князя быти ему въ казни“ ¹⁾.

Въ отводной на деревни 1506 года, данной В. К. Аграфеной Покровскому монастырю, что на Кутскомъ озерѣ, Великая Княгиня пишетъ: „Се язъ великая княгини Огрофена придала есми въ домъ къ маностырю пречистой Покрову святыне Богородица и великому Ивану Богуслову и великому чудотворцю Николѣ въ нустыню на Кутское озеро игуменьѣ Огрофенѣ съ сестрами село свое *Бельниччи-Татариново съ деревнями съ Баклановымъ, да съ Ныловою поляною, да съ деревнею на рѣчкѣ на Нахабнѣ, на усть Кузнева верха Гусевыхъ, да съ деревнею на рѣчкѣ на Любобужѣ Мити Калинина, съ нивами и пожнями и съ бобры въ рѣкѣ Осетрѣ, отъ усть Кудосны до рѣчки до Грустыни оба берега, а отъ усть Грустыни до усть Нахабны правой берегъ, и съ землею съ бортною и съ поземомъ и со всѣмъ съ тѣмъ, что къ тому селу и деревнямъ изъ старины потегло“ ²⁾.*

Мы видимъ, что въ льготныхъ грамотахъ, жалованныхъ людямъ сель и деревень, принадлежащихъ монастырямъ, постоянно встрѣчаются выраженія, ясно свидѣтельствующія о полной раздѣльности имуществъ супруговъ. Если мы обратимся теперъ отъ грамотъ къ купчимъ, то всѣ сомнѣнія, если только они могли существовать, или, если они могутъ еще быть послѣ всѣхъ изложенныхъ грамотъ и вообще послѣ всѣхъ вышеприведенныхъ свидѣтельствъ о полной раздѣльности имуществъ супруговъ, то, всѣ сомнѣнія на этотъ счетъ должны уничтожиться сами собой, даже при самомъ поверхностномъ знакомствѣ съ купчими. Между Новгородскими купчими XIV и XV вѣка находится такая, гдѣ

¹⁾ Сборникъ Муханова, № 328, ст. 604.

²⁾ Сборникъ Муханова, № 332, ст. 608.

мужъ покупаетъ у своей жены, а также у ея зятя и его жены недвижимую собственность ¹⁾: „*Се купилъ Филмпей Семеновичъ у Ульянъ, у своей жены и у еѣ у зятя у Нофлока, и у его жены Марьи, землю Сеньбинскую, на Иѣшинъ островъ, и дворъ за рѣкою...; а купилъ себѣ въ одеренъ и своимъ дѣтемъ*“. Въ купчей 1510 года, покупательница пишетъ ⁶⁾: „*Се язъ Олена Володимерова дочь, Никитинская жена Θεодорова сына Жабина, съ своими дѣтми съ Даниломъ, да съ Иваномъ, да съ Васильемъ купили есмя у Сидора у Θεодорова сына Жабина его отчины половину его трети земли Жабинскіе деревни, съ луги и съ лѣсомъ, и съ всѣми угоды... А купила есми ту землю себѣ и своимъ дѣтемъ въ прокъ безъ выкупа*“.

Въ правой грамотѣ 1534 года, по спорному дѣлу о сельцѣ и деревнѣ, проданныхъ Шарапомъ Баскаковымъ Троицкому Махрицкому монастырю, находимъ купчую, принадлежащую его матери. Актъ этотъ ясно изображаетъ юридическое положеніе супруговъ въ отношеніи своего имущества, какъ и въ отношеніи другъ друга. Эта купчая содержитъ въ себѣ слѣдующее ³⁾: „*Се язъ Анна Семенова жена Гаврилова Михайлова дочь Мещеринава купила есми у своихъ братаничевъ у Явова у Плохова да у Родивона у Смирного у Васильевыхъ дѣтей Мещеринава свою отчину село Полосино да починокъ Глинево въ Переславскомъ уѣздѣ...; а купила есми собѣ и своимъ дѣтямъ въ прокъ безъ выкупа; а въ музехъ имъ у меня взять лугъ жо собѣ на два искоса на шестьдесятъ копенъ на прокъ еъ своей деревнѣ къ Дурносопову*“. Но въ болѣе позднѣйшемъ актѣ, а именно, въ актѣ отъ 1692 года, въ данной Осипа Рудина дочери его Евкаторинѣ Чертковой на вотчину, въ которой отецъ пишетъ, что даетъ своей замужней дочери, въ ея полную собственность, свою вотчину, — „... и владѣть тою вотчиною со крестьяны и со всѣми угоды по писцовымъ и по переписнымъ книгамъ съ женами и съ дѣтми, и съ братьями, и съ племянники, и со внуцеты, и съ примышши ей дочерь моей *Екатеринъ* и дѣтямъ еѣ по сей даной“ ⁴⁾...—это юридическое отношеніе супруговъ

¹⁾ Акты Юридическіе, № 71, XXVIII.

²⁾ Акты, отн. до юридическаго быта древ. Росс. Т. II, № 149, VIII.

³⁾ Акты, отн. до Юрид. быта др. Росс. Т. I, № 52, IV.

⁴⁾ *Idem.* № 66, II.

изображено полнѣе и опредѣленнѣе, причѣмъ на оборотѣ этой данной читаемъ слѣдующее прибавленіе: „въ Помѣсномъ Приказѣ думному дьяку Автамону Ивановичю Иванову съ товарищи сю даную на вотчину явилъ столникъ Василей Ивановъ сынъ Чертвовъ и по сей даной та вотчина за женою его Катериною Осиповою дочерью справлена“.

Всѣ вышеизложенные акты должны имѣть для насъ существенную важность, такъ какъ открываютъ передъ нами дѣйствительную юридическую правоспособность личности той отдаленной эпохи, къ которой они относятся и, такимъ образомъ, мѣшаютъ ложному объясненію и даютъ намъ вѣрный способъ къ пониманію этого положенія такимъ, какимъ оно было въ дѣйствительности, а не такимъ, какимъ желаютъ представить его нѣкоторые изслѣдователи.

Эти положительные данныя, такъ ясно и краснорѣчиво говорить сами за себя и за приведенный нами основной принципъ полной раздѣльности имуществъ супруговъ, со всѣми его послѣдствіями, что дѣлаютъ лишними дальнѣйшія объясненія. Изъ нихъ видно, что супруги могли вступать также и другъ съ другомъ въ обязательства, относительно купли и продажи, что мы уже видѣли въ вышеизложенной Новгородской купчей (стр. 11), гдѣ одинъ супругъ покупаетъ себѣ у другого его недвижимую собственность.

Изъ нихъ ясно, что о какомъ-нибудь позволеніи или разрѣшеніи одного супруга другому на право владѣнія, пользованія, распоряженія или на право продажи, купли, дара и другихъ, какихъ бы то ни было, дѣйствій надъ своимъ имуществомъ, не можетъ быть и рѣчи. Еслибы мы пришли къ этому утвержденію не путемъ послѣдовательно излагаемыхъ актовъ, а ограничились бы только одними краткими положеніями древнихъ законодательныхъ памятниковъ, то и въ послѣднемъ случаѣ такой выводъ не былъ бы ошибоченъ. Онъ вполнѣ вытекаетъ изъ сущности закона, ибо положительное законодательство, признавая своимъ принципомъ полную раздѣльность имуществъ, т.-е. давая каждому супругу право имѣть свою отдѣльную собственность, черезъ это вручаетъ ему, одновременно, всѣ права дѣйствія надъ ней, такъ какъ, въ противоположномъ случаѣ, со

стороны положительнаго законодательства, право собственности безъ права полнаго и свободнаго распоряженія ею равнялось бы положительному абсурду; ибо, въ строгомъ юридическомъ смыслѣ, не можетъ существовать право собственности безъ права распоряженія, это было бы уже не право собственности, а полная фактическая невозможность для обладанія этимъ правомъ. Это была бы безсобственная собственность! т.-е. было бы ничто иное, какъ чистѣйшая нелѣпость. Это значило бы: дать право собственности и одновременно отнять его.

Но рядомъ съ историческими свидѣтельствами, постоянно подтверждающими принципъ полной раздѣльности имущества супруговъ, идетъ рядъ историко-юридическихъ актовъ, доказывающихъ, что и общее владѣніе какой-либо собственностью допускалось при законѣ раздѣльности имущества супруговъ. Такъ, цѣлый рядъ купчихъ съ 1521, помѣщенныхъ въ древнихъ актахъ, содержитъ въ себѣ данныя относительно продажи и купли недвижимаго имущества, находящагося въ общемъ владѣніи нѣсколькихъ лицъ. „По господинову слову Данила“, пишетъ покупатель въ купчей 1526 года ¹⁾, „митрополита всеа Руси, се язъ Русинъ Ѳеодоровъ сынъ Ѳомичя купилъ есмь въ домъ пречистыа Богородици и святыхъ чудотворцевъ Петра и Алексѣа и Іоны и государю своему Данилу, митрополиту всеа Руси, у Аванася у подьячю у Григорьева сына Каликина и у его жены у Олены три полосы земли Жабинскіе Завражицу“... Собственникъ Василій Дьяконовъ пишетъ въ купчей 1550 года ²⁾: „Доложа дворскаго Бѣлоозерскаго Якова Михайлова сына Гнѣвашева се язъ Василей Левонтьевъ сынъ Дьяконовъ купилъ еси собѣ и своимъ дѣтемъ, у Марьи у Ивановскіе дочери Курачева, а у Гавриловскіе жены, и у ея сына у Григорья у Гаврилова сына у Заломы и у его жены у Дарьи у Ивановы дочери у Игумновы и у Заломовыхъ дѣтей у Евсевья да у Фоки пожни шесть остожей на Шекеянѣ рѣкѣ и по Понжѣ рѣкѣ, и съ лѣсомъ, которой лѣсъ пришелъ къ тѣмъ пожнямъ, сзади и по сторонамъ тѣхъ пожень“... и т. д.

¹⁾ Акты, отн. до юрид. быта др. Росс. т. II, № 149, X.

²⁾ Акты Юридическіе, № 83.

Въ купчей отъ 1632 года читаемъ ¹⁾: „По государеву цареву и великого князя Михаила Ѳеодоровича всеа Русіи и отца его государева, великого государя святѣйшого патріарха Филарета Никитича Московского и всеа Русіи, указу, Ѳеодоръ Васильевичъ Волынской да дьяки Неуповой Коккошвинъ, да Венедиетъ Маховъ, да Василей Ключаревъ *продали Михайлу Петрову сыну Волынскому и его женѣ и дѣтемъ*, въ Московскомъ уѣздѣ, въ Лукомскомъ стану, изъ порозжихъ земель, пустошь Кореневу да пустошь Авиниху, въ вотчину, съ пашнею, и съ сѣнными покосы, и съ лѣсы, и со всѣми угоды“ и проч. Остальныя купчія (См. купчія въ Актахъ, отн. до юридическаго быта древ. Россіи, т. II., № 147, XXIII, XXV; № 149, IX, XV, XVI; см. также купчія тамъ-же № 147, XXVIII, XXXI; № 148, XXIII; а также въ Актахъ, отн. до юридич. быта, т. I № 57, IX; № 66, VI; или данную XV вѣка № 63, II; акты юридическіе № 110, V) содержать то же, т.-е., что лицо покупаетъ у мужа и жены, или продаетъ женѣ и мужу совокупно собственность, или послѣдній пишетъ въ купчей, что купилъ данное имущество себѣ, своей женѣ и дѣтамъ. Но всѣ эти свидѣтельства подтверждаютъ въ сущности, лишь принципъ раздѣльности имуществъ супруговъ, такъ какъ, въ нихъ говорится о части, принадлежащей одному лицу или одному супругу, о части, принадлежащей другому, о части, принадлежащей третьему лицу и состоящему съ предъидущими лицами въ родствѣ, и т. д., какъ напр., эти отдѣльныя части собственности ясно изображены въ купчей 1525 года ²⁾. „По господинову слову Данила, митрополита всеа Руси, се азъ Русинъ Ѳеодоровъ сынъ Ѳомича купилъ есмь въ домъ пречистыя Богородици и святыхъ чудотворецъ Петра и Алексѣя и Іоны, и государю своему Данилу, митрополиту всеа Руси, *у Акакія у Шадры у Борисова сына Елдеина, да у Марыи у Истомины жены Елдеина и у ея дѣтей у Иваша у Меншого, да у Леонтія, да у Данила у Истоминыхъ дѣтей Борисова сына Елдеина, да у Орофены у Тишинскіе жены Елдеина у Павловы дочери, и у ея дѣтей у Бориса, да у Ивана, да у Матвея ихъ отчину, половину селца Степановскаго Елдеинскіе земли*

¹⁾ Акты, отн. до юридическаго быта, т. II, № 149, XIV.

²⁾ Idem, № 147, XX.

изъ три жеребьи: Шадринъ, и Истоминскіе жены и ея дѣтей, и Тишинскіе жены и ея дѣтей“ и пр.

Въ сущности, эти купчи повторяютъ то-же, что мы видѣли ранѣе, еще въ договорѣ Олега съ Греками, заключенномъ въ 912 году, въ которомъ говорится объ отдѣльной имущественной части, которой жена владѣетъ по закону. Ибо, еслибы имущества супруговъ по общему закону уже считались общими, то нѣтъ надобности вносить выраженіе въ актъ, говоря отъ имени обоихъ супруговъ; совершенно достаточно было бы писать отъ имени одного, существованіе другого уже подразумѣвалось бы само собой, ибо въ такомъ случаѣ, оно было бы нераздѣльно.

УЧЕНИЕ О DOS И PRETIUM — EMTIONIS. — ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНИЕ СУЩНОСТИ И ПОНЯТІЯ ВЫРАЖЕНІЯ ЛѢТОПИСЦА:

„а доу трапрнош аху утона не н даду хе.“

(Повѣсть временныхъ лѣтъ, по Ипатскому списку, стр. 10).

Предстоящее изслѣдованіе будетъ исключительно посвящено ученію dos и pretium-emptionis. Но передъ тѣмъ, какъ перейти къ предмету изслѣдованія, мы должны выяснитъ себѣ то положеніе, которое занимаетъ **ПРАВО** относительно наукъ историческихъ и въ какомъ отношеніи оно находится къ естественному знанію въ особенности? Что право, въ тѣсномъ смыслѣ, можетъ быть вѣрно понято только при основательномъ изученіи исторіи права—фактъ давно извѣстный. Если мы будемъ слѣдить, шагъ за шагомъ, исторію развитія извѣстнаго юридическаго института съ самаго перваго момента его появленія, на основаніи положительныхъ историческихъ фактовъ, то мы прямо и положительно можемъ сказать, что до этого онъ не существовалъ въ реальной дѣйствительности, ибо мы не располагаемъ тѣмъ положительнымъ историческимъ матеріаломъ, на основаніи котораго мы могли бы доказать противоположное: что данное постановленіе

до опредѣленнаго времени уже существовало. Таковъ, въ сущности, методъ историческій, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, методъ, не вполне удовлетворительный. Можетъ ли онъ открыть намъ причину существованія даннаго юридическаго института? Можетъ ли онъ дать намъ твердый, положительный отвѣтъ, почему существуетъ именно этотъ, а не другой юридическій институтъ? Нѣтъ, не можетъ, не въ состояніи. Онъ можетъ лишь быть вспомогательнымъ методомъ и въ этомъ положеніи, дѣйствительно окажется серьезнымъ орудіемъ доказательства въ рукахъ болѣе совершеннаго метода, метода твердаго, положительнаго, основательнаго — метода сравнительнаго. Но чтѣ известно намъ о примѣненіи этого метода при изслѣдованіяхъ въ области правовѣдѣнія? Здѣсь, мы на первыхъ же шагахъ сталкиваемся у изслѣдователей, съ весьма темной фразеологіей о вліяніи окружающихъ жизненныхъ условій на институты права.

Мы должны принять за положительное основаніе развитія всѣхъ вообще юридическихъ институтовъ, — фактъ, что какъ физическіе, такъ и общественные организмы развиваются ТОЛЬКО при наличности тѣхъ извѣстныхъ окружающихъ жизненныхъ условій, необходимыхъ для ихъ развитія, ибо право есть такой же организмъ, какъ и физическій, но только ОТВЛЕЧЕННЫЙ и развивающійся при однихъ и тѣхъ же жизненныхъ условіяхъ, по однимъ и тѣмъ же естественнымъ законамъ природы. Или: право есть ничто иное, какъ результатъ воздѣйствія окружающихъ жизненныхъ условій народа на духовную его сторону. Разъ эти необходимыя условія отсутствуютъ — нѣтъ почвы для развитія права. Это мнѣніе, нисколько, не находится въ противорѣчій съ формулой главы исторической школы, Савиньи: „единственный источникъ права — общее сознаніе всего народа вмѣстѣ взятаго“ ¹⁾, но дополняетъ его въ томъ смыслѣ, что служитъ ВТОРИЧНОМУ явленію предшествующей ПЕРВИЧНОЙ основной причиной: воздѣйствіе окружающихъ жизненныхъ условій на духовную сторону народа и выраженіе этого воздѣйствія въ мірѣ реальной дѣйствительности въ формѣ опредѣленной ИДЕИ права. Одинъ и тотъ-же законъ господствуетъ, какъ въ матеріальномъ, такъ и въ духовномъ мірѣ. Мы видимъ непрерывный обмѣнъ: воздѣйствіе

¹⁾ System, Th. VII, S. 533.

внѣшнихъ условій и проистекающей отсюда эффектъ. Воспріятіе и выраженіе, и выраженіе въ той именно формѣ, въ какой дѣйствовало на меня извѣстное окружающее условіе, при которомъ данное воспріятіе происходило. Духовный міръ, слѣдовательно, управляется тѣмъ же закономъ эндосмоса и экзосмоса, на основаніи котораго, мы будемъ въ состояніи понять причину существованія и образованія того или другого юридическаго института. Остановить обмѣнъ и притокъ внѣшняго воспріятія и заставить организмъ развиваться ТОЛЬКО на свои ВНУТРЕННІЯ средства — равносильно его смерти, ибо, съ остановкой обмѣна, произойдетъ его распадѣніе. Подъ жизненными условіями мы должны понимать: климатъ, почву, природу, однимъ словомъ, всю жизненную обстановку, все, насъ окружающее, находящееся, такъ сказать, внѣ моего сознательнаго я, но все, что окружаетъ меня. Еслибы правовѣдѣніе располагало матеріаломъ, который содержалъ бы въ себѣ ВСѢ наблюденія объ окружающихъ жизненныхъ условіяхъ народа данной мѣстности, при возникновеніи и развитіи даннаго юридическаго института; еслибы мы имѣли наблюденія о ВСѢХЪ мельчайшихъ жизненныхъ условіяхъ, при которыхъ ТОЛЬКО данный юридическій институтъ возникаетъ, ибо мы никакъ не можемъ, оставаясь на строго-научной почвѣ, допустить мысль о самопроизвольномъ возникновеніи даннаго института, — то мало того, что мы могли бы констатировать самый фактъ его существованія, мы могли бы пойти далѣе и, на основаніи всей суммы наблюденій, при которыхъ ТОЛЬКО данный юридическій институтъ возникаетъ и развивается — строго и положительно, чисто съ математической точностью, предсказать, что, на основаніи того, что намъ извѣстенъ народный бытъ до самыхъ мельчайшихъ обстоятельствъ, при которомъ ТОЛЬКО данный институтъ возникаетъ — въ извѣстной мѣстности будетъ неперемѣнно существовать, какъ *conditio sine qua non*, данный юридическій институтъ и никакой другой, ибо, располагая матеріаломъ, содержащимъ въ себѣ положительные факты, сосредоточивающимъ въ себѣ наблюденія о ВСѢХЪ ТѢХЪ окружающихъ жизненныхъ условіяхъ, при которыхъ ТОЛЬКО данный юридическій институтъ существуетъ, мы чрезъ это отрываемъ ОБЩІЙ ЗАКОНЪ, который управляетъ всѣмъ юридическимъ

міромъ. Но вѣдь намъ далеко неизвѣстны всѣ тѣ мельчайшія подробности, окружающія соціальный организмъ, при развитіи того или другого юридическаго института; скорѣе, намъ совсѣмъ еще неизвѣстны всѣ тѣ подробности, при которыхъ развивается тотъ или другой институтъ. Это громаднѣйшій пробѣлъ въ нашей литературѣ, ничѣмъ не заполненный и составляющій *tabulam rasam* юридической литературы.

Мы располагаемъ однимъ только фактомъ, что самый фактъ существованія извѣстнаго юридическаго института въ прямой зависимости отъ вліянія жизненныхъ условій, которыми окруженъ народъ данной мѣстности. Слѣдовательно, фактъ грубый, неразработанный, безъ малѣйшихъ деталей, но сравнительно и это много, что мы имъ располагаемъ.

Представимъ себѣ право, какъ общественный организмъ и будемъ наблюдать, при какихъ жизненныхъ условіяхъ оно способно возникнуть и развиваться. Но мы будемъ производить наблюденія не на одной какой либо точкѣ земнаго шара, а постараемся произвести наивозможно большее количество наблюденій въ различныхъ мѣстностяхъ. Сумма этихъ наблюденій будетъ именно тѣмъ общимъ закономъ, управляющимъ развитіемъ даннаго юридическаго института, какъ сложнаго организма. Разъ мы располагаемъ такимъ закономъ, — можемъ, если намъ скажутъ, что въ такой то мѣстности, такія то жизненныя условія, такой то бытъ — строго и положительно утверждать, что въ такомъ случаѣ данный юридическій институтъ существуетъ **непременно**, какъ *conditio sine qua non*. Сравнительное изученіе правовѣдѣнія положительно доказало, что различные народы въ извѣстный періодъ своего развитія выказывали сходныя потребности, которыя проявлялись въ созданіи повсюду одинаковыхъ учрежденій. Естественно, что и по праву можно знать народный бытъ, если разъ по народному быту мы будемъ знать право.

Сравнительно-научный методъ въ связи съ сравнительнымъ изученіемъ окружающихъ жизненныхъ условій, — есть та сила, которая двинетъ и утвердитъ правовѣдѣніе на положительной почвѣ. Сравнительное изученіе права народовъ, стоящихъ на различныхъ ступеняхъ развитія, приведетъ въ уничтоженію „мертвыхъ словъ“ и являющееся слѣдствіемъ этого различіе въ толкованіи, допу-

стивъ только одно и оживить „мертвый“ матеріалъ, которымъ должны пользоваться историки и юристы. Ученый или положительный правовѣдъ поставленъ къ своему предмету въ такое же отношеніе, какъ естествоиспытатель—въ своему. Общественные организмы, какъ и организмы физическіе, возникаютъ, развиваются, видоизмѣняются ТОЛЬКО подѣ влияніемъ извѣстныхъ жизненныхъ условий, которыми они окружены. Если мы возьмемъ любой юридическій институтъ, хотя бы институтъ *dos* и *pretium*'а, такъ какъ имъ посвящено настоящее изслѣдованіе, то на основаніи того, относительно громаднаго матеріала, который предоставленъ въ наше распоряженіе — мы можемъ, шагъ за шагомъ, прослѣдить развитіе института *dos* не только съ самаго перваго момента его появленія на свѣтъ, его появленія въ исторіи, со всѣми послѣдующими его измѣненіями, но, даже, мы можемъ прослѣдить процессъ его зарожденія, со всѣми послѣдующими фазами его развитія, и этому процессу предшествуетъ причина, которая намъ положительно извѣстна.

Мы не можемъ такъ подробно прослѣдить развитіе *pretium*'а, такъ какъ, его начало существованія, его зарожденіе относится къ періоду доисторическому, о которомъ до насъ не дошли свидѣтельства. Онъ къ намъ является не въ молодомъ возрастѣ, а въ своемъ старческомъ періодѣ и даже весьма почтеннымъ старцемъ, съ одними старческими измѣненіями. Его идея угасаетъ на нашихъ глазахъ, погибаетъ, умираетъ, **НО НЕ ИЗЧЕЗАЕТЪ**, это мы должны твердо помнить, даже вопреки всѣмъ авторитетамъ — не **изчезаетъ**, а видоизмѣняется въ другой институтъ—институтъ *dos*. Даже здѣсь, даже въ такой отвлеченной области, какъ область права, мы можемъ наблюдать законъ вѣчности вещества, вѣчности силъ. Какъ вещество и сила не творятся и не пропадаютъ, а лишь видоизмѣняются,—интеллектуальная сила народа, выраженная въ формѣ идеи права— не творится и не пропадаетъ, а лишь видоизмѣняется въ слѣдующую идею права.

Всѣ видоизмѣненія даннаго юридическаго института въ прямой зависимости отъ всей суммы влиянія окружающихъ жизненныхъ условий на общественный организмъ. Вопросъ можетъ состоять лишь въ томъ, въ какое время или: при какихъ жизнен-

ныхъ условіяхъ *pretium* переходитъ въ *dos*? Какое событіе произвело такой переворотъ? Мы должны искать причину въ измѣненіи понятія о цѣнности, происшедшее отъ измѣненія въ жизненныхъ условіяхъ и которое съ этихъ поръ управляется экономическимъ закономъ. Родъ смотритъ на дочь, какъ на производительную мускульную силу, съ выходомъ которой онъ теряетъ приносимую ею пользу, которая равняется, положимъ, цѣнности 25 быковъ. Слѣдовательно, цѣнность должна вознаградиться цѣнностью, ибо „даромъ такую цѣнность никто не дастъ“. Съ постепеннымъ измѣненіемъ понятія объ этомъ рода одушевленной цѣнности, какъ о производительной рабочей силѣ—оно управляется закономъ спроса и предложенія. Въ Римѣ, понятіе о дочери, какъ о производительной рабочей силѣ, не существуетъ: мы видимъ предложеніе невѣсты и спросъ жениховъ; послѣдніе, пользуясь экономическимъ закономъ требуютъ *dos*, какъ *ad matrimonii onera ferenda*, ибо при такомъ воззрѣніи на дочь происходитъ именно „тяжесть брака“. Идея *pretium*'а основана на понятіи цѣнности, идея же *dos* — на понятіи, прямо противоположномъ первому. Слѣдовательно, *pretium* и *dos* не могутъ быть однимъ и тѣмъ же, ни въ сущности, ни по идеѣ, такъ какъ, основаны на двухъ разнородныхъ идеяхъ. Какъ въ эпоху *pretium*'а, мужъ платитъ за жену, такъ въ эпоху *dos*, наоборотъ, жена платитъ за мужа. Это основное различіе въ зависимости отъ закона спроса и предложенія. Съ постепеннымъ измѣненіемъ понятія о дочери, какъ о цѣнности—возникаетъ понятіе о *dos*. Потому, у народовъ въ разное время появляется понятіе о *dos* и различно оно въ возникновеніи настолько, насколько различно въ возникновеніи измѣненія понятія о цѣнности, которыя въ прямой зависимости отъ жизненныхъ условій, окружающихъ общественный организмъ. Невозможно принять объясненіе д-ра Пфафа, автора народнаго права Осетинъ ¹⁾, не смотря на всю солидность этого изслѣдованія, что переходъ отъ *pretium*'а къ *dos* произошелъ подъ вліяніемъ распаденія рода на отдѣльныя семьи, слѣдствіемъ чего естественно явилось уменьшеніе матеріальныхъ средствъ отъ дробленія родового имущества и родители нашли необходимымъ давать средства для устройства

¹⁾ Сборникъ свѣд. о Кавказѣ, т. II, стр. 297.

новаго хозяйства. Но, во-первыхъ, что намъ извѣстно положительнаго о родовомъ бытѣ нашихъ предковъ? Возьмемъ любое изслѣдованіе по этому предмету и, на первыхъ же шагахъ, мы встрѣчаемся съ весьма темной фразеологіей о родовомъ бытѣ и первобытномъ состояніи, что и заявляется самымъ почтеннымъ изслѣдователемъ. Но если даже, мы примемъ подобное объясненіе, то естественно является вопросъ, отчего же при распаденіи рода на отдѣльныя семьи произошло измѣненіе понятія о цѣнности. Слѣдовательно, это измѣненіе понятія произошло подъ вліяніемъ семьи. Но отчего же, въ такомъ случаѣ, семья стала иначе смотрѣть на этого рода цѣнность, чѣмъ родъ. Какія причины, въ такомъ случаѣ, заставили измѣнить понятіе? Отчего то же понятіе не могло остаться и въ семьѣ? Не произошло же оно подъ вліяніемъ уменьшенія матеріальныхъ средствъ, вслѣдствіе мелкаго дробленія родоваго имущества? Скорѣе, это послѣднее способствовало бы къ большому еще укорененію понятія цѣнности. Всѣ эти вопросы, безъ отвѣта на которые невозможно принять приведенное мнѣніе, которые и являются, какъ естественное слѣдствіе этого мнѣнія, остаются у почтеннаго изслѣдователя безъ объясненія.

Въ предстоящемъ изслѣдованіи, мы встрѣтимся съ мнѣніями, которыя, не смотря на то, что, высказывались довольно почтенными авторитетами, должны быть опровергнуты, какъ невѣрныя. Одни изслѣдователи утверждаютъ, что *pretium*—деньги, на которыя покупается жена, стоящая, будто бы, на ряду съ рабой, другіе—относятъ это постановленіе къ идеѣ *dos*, а нѣкоторые утверждаютъ, что *dos* существуетъ съ незапамятныхъ, древнѣйшихъ временъ. Но вѣдь мы имѣемъ положительные историческіе факты, которые намъ говорятъ, что *pretium* древнѣйшій юридическій институтъ, что онъ настолько древенъ, что мы не имѣемъ даже никакихъ историческихъ свидѣтельствъ о началѣ его существованія, что *dos* есть позднѣйшее, новѣйшее развитіе народнаго права, что она не только не существуетъ съ незапамятныхъ временъ, но, что на основаніи положительныхъ фактовъ мы можемъ даже точно опредѣлить время ея появленія въ исторіи законодательства. Но разъ, мы имѣемъ положительные факты, какъ можемъ мы терпѣть такой явный абсурдъ: относить идею *pretium*'а къ идеѣ *dos*, искать идею предшествую-

щаго въ идеѣ послѣдующаго; это все равно, что сказать: послѣдствіе предшествуетъ причинѣ. По своей глубинѣ, абсурды будутъ равны. По обычаю нѣкоторыхъ племенъ, какъ мы увидимъ *pretium* составляетъ собственность родственниковъ невѣсты, и супруги имъ даже не пользуются во время брака. Мы видимъ, слѣдовательно, что предстоящее изслѣдованіе не должно ограничиться простымъ изложеніемъ науки, но должно подняться на степень критики положительнаго и обычнаго права. Но, такъ какъ, критика отвлекла бы насъ отъ главнаго предмета изслѣдованія и нарушила бы цѣльность изложенія и постепенный ходъ развитія мысли, то я даю ей мѣсто въ дополненіяхъ.

Отсутствіе *dos* въ историческихъ свидѣтельствахъ древней Руси—поразительно. Ни одинъ летописецъ, повѣствуя о древнихъ временахъ Руси, о жизни и нравахъ жителей ея въ древности, описывая браки между ними, ничего не говоритъ о существованіи обычая, который позднѣе сталъ извѣстенъ подъ именемъ приданаго или *dos*. Другими словами, что въ древности, на Руси никто не имѣлъ понятія объ этомъ позднѣйшемъ институтѣ права. Несторъ ¹⁾, перечисливъ первоначально племена, населявшія древнюю Русь, говоритъ, что каждое племя слѣдовало законамъ своихъ предковъ, своимъ обычаямъ, преданьямъ, нравамъ. Описывая нравы Полянъ, онъ говоритъ, что брачный обычай состоялъ въ томъ, что „не хожаше зять по невѣсту но приводяху вечеръ а завѣтра припошаху по ней что вѣдуче“.

Именно, это краткое и еще болѣе неясное выраженіе летописца, стараются объяснить такъ, какъ будто „завѣтра припошаху по ней что вѣдуче“ не можетъ ничѣмъ инымъ быть, какъ только приданымъ, хотя Несторъ не только ничего не говоритъ о приданомъ, но даже ничего не сообщаетъ, какъ видимъ, объ имущественныхъ отношеніяхъ вообще супруговъ того времени. Впослѣдствіи мы увидимъ, что Несторъ не могъ даже употребить слово „приданое“, такъ какъ, въ его время слово „приданое“ еще не существовало; оно вошло въ употребленіе только въ XV вѣкѣ. Даже позднѣе, въ письменномъ договорѣ Олега съ Гре-

¹⁾ Повѣсть временныхъ лѣтъ по Лаврентьевскому списку, стр. 8.

ками, въ которомъ говорится объ имущественной части жены убійцы, нѣтъ и рѣчи о приданомъ или объ имуществѣ, равномъ ему по сущности и по понятію. А между тѣмъ, въ позднѣйшихъ законодательныхъ памятникахъ или юридическихъ актахъ постоянно говорится о приданомъ: о назначеніи его, о его судьбѣ во время брака, о судьбѣ его по прекращеніи брака, о возвращеніи его и т. д. Но объ этомъ нѣтъ и тѣни въ договорѣ Олега. Опредѣливъ, что законную часть имущества убійцы беретъ ближній убитаго, а жена убійцы беретъ то, что ей принадлежитъ по закону, и принявъ мнѣніе тѣхъ писателей, которые утверждаютъ о существованіи приданаго въ эту отдаленную историческую эпоху, то становится необъяснимымъ, какъ первый письменный законодательный памятникъ хранить столь глубокое молчаніе не только о приданомъ, но объ имуществѣ, равносильномъ ему по сущности. Онъ не опредѣляетъ, къ кому переходитъ оно: къ родственникамъ ли убитаго, къ женѣ ли убійцы, или къ какомунибудь другому лицу? Но съ другой стороны, совершенно ясно, какъ могъ бы утверждать относительно приданаго договоръ, предложенный народомъ, который не могъ имѣть о немъ понятія, какъ о правѣ или просто, какъ объ обычаѣ, еще не существующемъ. Такого рода предположеніе, ни на чемъ положительно не основанное, которое привело нѣкоторыхъ авторитетныхъ ученыхъ къ столь произвольному толкованію этихъ затемненныхъ словъ Нестора, имѣетъ одно объясненіе или, скорѣе, отговорку, что ставъ на точку зрѣнія новѣйшаго законодательства, эти слова лѣтописца не могутъ означать ничего другого, кромѣ приданаго. Но, ставъ на точку зрѣнія древнихъ, населявшихъ Русь еще задолго до принятія ею христіанства—мы не будемъ имѣть за собою ни одного положительнаго доказательства, кромѣ произвольнаго предположенія.

Профессоръ Соловьевъ предлагаетъ намъ слѣдующее объясненіе. Онъ говоритъ: „если мы примемъ чтеніе Лаврентьевскаго списка: „а завѣтра приношаху *по ней*, что *вдадуче*“, то подъ *приношаху по ней, что вдадуче*, мы не можемъ разумѣть ничего иного, кромѣ приданаго: приносили по ней, вслѣдъ за нею (?), т.-е. изъ родительскаго дома; (?) подразумѣвать здѣсь подарокъ жениха невѣстѣ странно: женихъ дарилъ (?) и между

тѣмъ къ нему (?) въ домъ приносили, неизвѣстно откуда, вслѣдъ за невѣстой? Что *приношаху по ней, что вѣдуче*, означаетъ приданое, указываетъ нынѣ употребительное выраженіе: *взять за женою*, *взять то, что будетъ принесено за женою*“¹⁾.

Профессоръ Бѣляевъ на этомъ даже не останавливается; онъ идетъ еще далѣе и говоритъ: „Бракъ опредѣлялся по договору, которымъ опредѣлялось количество приданого за невѣстой“²⁾. Если я скажу: безпричинное явленіе, то этотъ абсурдъ не будетъ столь глубокъ, какъ только-что приведенный. Можетъ быть, это выраженіе нѣсколько рѣзко, но вѣдь если мы не можемъ чего нибудь понять и объяснить, хотя бы это „по ней“ лѣтописца, то изъ этого не слѣдуетъ еще, что непонявшій въ правѣ говорить абсурды, а другой изслѣдователь обязанъ ихъ за нимъ повторять. Непонявшій можетъ сказать только одно: не знаю, не понимаю. Для положительнаго, серьезнаго, объективнаго изслѣдователя то не существуетъ, что онъ не можетъ положительно доказать; возможнаго онъ никогда не приметъ за истину, онъ не станетъ вѣрить тому, кто безъ доказательствъ, основываясь на одной только возможности, станетъ утверждать о существованіи того, что не существуетъ; положительно извѣстное онъ не можетъ и не долженъ жертвовать абсолютно неизвѣстному. Такой изслѣдователь можетъ допустить только одно: въ области возможнаго и гадательнаго предоставить думать каждому, что ему угодно.

Лѣтописецъ, обращаясь затѣмъ къ описанію обычаевъ остальныхъ племенъ, населявшихъ древнюю Русь, говоритъ, что Древляне жили по-звѣрски, убивали другъ друга, ѣли все нечистое и бракъ состоялъ въ похищеніи, у воды, женщинъ. Радимичи, Вятичи, Сѣверяне имѣли одинаковые обычаи: они жили въ лѣсахъ, какъ звѣри, питались всѣмъ нечистымъ и бракъ состоялъ въ томъ, что они сходились на игры, происходившія между сель, и тутъ, заранѣе согласившись съ женщиной, похищали ее. Такъ, мы читаемъ по Лаврентьевскому списку. Но обратимся

---

¹⁾ Очеркъ нравовъ, обычаевъ и религій Славянъ, преимущественно восточныхъ, во времена языческія. Проф. С. Соловьева Архивъ Ист. Юридич. свѣдѣній Калачова. I, стр. 9. Отд. I.

²⁾ Лекціи по исторіи русскаго зак. Бѣляева, стр. 17.

къ другому свидѣтельству, которое, быть можетъ, пролеть свѣтъ на „завтра приношаху по ней что владуче“—Нестора. Есть другое свидѣтельство, а именно: описаніе обычаевъ у тѣхъ-же племень по Ипатскому списку. Лѣтописецъ ¹⁾, описывая нравы и обычаи Полянъ, говоря о бракѣ между ними, пишетъ слѣдующее: „и брачныи обычаи (и)мѣаху“. т.-е. Поляне „не хожаше женихъ по невѣсту но привожаху вечеръ

а злотра принош аху утотаненіа да дуче.“

Подъ выраженіемъ лѣтописца: „а зотра приношаху что на ней владуче“, подразумѣвается купля со стороны жениха: онъ не ходитъ самъ за невѣстой, но ему ее приводятъ, а на другое утро или на другой день приносятъ то, что онъ „на ней“ или за нее даетъ, т.-е. приносятъ плату. Но о какихъ бы то ни было имущественныхъ отношеніяхъ, въ средѣ этихъ племень, нѣтъ и рѣчи у лѣтописцевъ. Въмѣсто приданого у нихъ упоминается совсѣмъ другой обычай—вѣно. В. К. Владиміръ, женившись на сестрѣ Греческихъ Императоровъ, возвращаетъ имъ за вѣно завоеванный у нихъ городъ Корсунь: „Вдасть же (Владиміръ) за вѣно Грекомъ Корсунь опять царицѣ дѣля, а самъ приде къ Киеву“ ²⁾. Или по Ипатскому списку: „Вдасть же за вѣно Корсунь Грѣкомъ царицѣ дѣля, а самъ прииде Киеву“ ³⁾. Когда сестра В. К. Ярослава вышла за Польскаго короля Казимира, то послѣдній возвращаетъ Ярославу за вѣно 800 людей, которыхъ взялъ въ плѣнъ Болеславъ, побѣдивъ Ярослава: „В сии же времена вдасть Ярославъ сестру свою за Казимира, и вдасть Казимиръ за вѣно людей 8 сотъ, еже бѣ полонилъ Болеславъ, побѣдивъ Ярослава“ ⁴⁾. Чтобы вполнѣ убѣдиться, что свидѣтельство Ипатскаго списка дѣйствительно указываетъ на куплю и что это утверженіе не представляетъ ничего необыкновеннаго или невѣроятнаго, такъ какъ, одна изъ первоначальныхъ формъ заключенія брака народовъ, состояла въ покупкѣ—мы должны, первоначально,

¹⁾ Повѣсть временныхъ лѣтъ по Ипатскому списку, ст. 10.

²⁾ Лаврентьевскій списокъ, ст. 114.

³⁾ Ипатскій списокъ, ст. 80.

⁴⁾ Ипатскій списокъ, стр. 108.

обратиться къ общему развитію дотальнаго права народовъ вообще. Что касается формы заключенія брака, то, первоначально, у европейскихъ народовъ эта форма состояла изъ *pretium-emptionis* — „плата-покупки“. Въ Саксонскихъ законахъ читаемъ: „*Uxorē ducturus CCC. sol. det parentibus ejus: si autem sine voluntate parentum, puella tamen consentiente ducta fuerit, bis trecentos solidos parentibus ejus componat*“ ¹⁾ И далѣе: *Qui viduam ducere velit, offerat tutori pretium emptionis ejus... hoc est, solid. CCC* ²⁾. „*Lex Burgundionum* говорить тоже ..... *et pretium quod de nuptiis ejus inferendum est... habeat*“ ³⁾.

Въ древней Руси, по свидѣтельству Ипатскаго списка, происходитъ наоборотъ: плата не предшествуетъ браку, какъ у Западныхъ народовъ, но вручается на другой день послѣ брака. Размѣръ платы лѣтописецъ совсѣмъ обходитъ молчаніемъ. Этотъ *pretium-emptionis* носить различныя названія. На сѣверѣ, въ странахъ, гдѣ господствовало Скандинавское право, онъ называется *mundr*, вслѣдствіе чего жена носить названіе *mundi keyрт*, также *mundi каура*, и бракъ дѣйствителенъ лишь тогда, когда ему предшествуетъ *pretium*, т.-е. *mundr*. Въ Лонгобардіи *pretium* носить названіе *mēta* или *mieta* „даръ, плата“, т.-е. когда что-нибудь даютъ взаимнъ за полученное. „*Si quis coniugi suae metam dare voluerit, ita nobis justum esse comparuit, ut ille qui est iudex, dare debeat, si voluerit sol. CCCC*“ ⁴⁾ и т. д. *Lex Salica* называетъ *pretium* — *reippus* ⁵⁾. *Lex Burgundionum-Wittemon*: „*Mulier quae ad secundas nuptias traditur, Wittemon ejus à prioribus parentibus mariti vindicetur. Si vero tertium maritum, accipere deliberat, Wittemon quod maritus dederit, mulieri proficiat*“. И далѣе: „*De Wittemon vero si demandaverit pater ut non quaeratur, demandatio ejus non valeat sed sicut lex alia expressit, proximus parens accipiat*“ ⁶⁾.

Мы остановимся, первоначально, на Лонгобардскомъ законодательствѣ, какъ ближайшемъ наслѣдникѣ Римскаго Права.

¹⁾ *Lex Saxonum*, VI.

²⁾ *Idem*, VII, 3.

³⁾ *Lex Burg.* XLII, 2.

⁴⁾ *Le Longb.* 2, IV, 2, 3.

⁵⁾ *Lex Salica*, XLVI.

⁶⁾ *Lex Burg* LXIX, LXXXVI, 2.

Форма брака была ничто иное, какъ покупка, *pretium*, носившій названіе *mêta*. Мы выше уже видѣли, что лонгобардскій *pretium-mêta* необходимъ для дѣйствительнаго брака, ибо таково содержаніе 2 прг. 4 титула второй книги Лонгобардскихъ законовъ: „*Si quis coniugi suae metam dare voluerit ita nobis justum esse comparuit, ut ille qui est iudex, dare debeat, si voluerit sol CCC. amplius non minus quomodo placuerit. Reliqui nobilis homines debeant dare sol. CCC. amplius non. Et si quisquunque alter homo minus dare voluerit det quomodo convenit et ipsa meta sub estimatione fiat data et appretiatâ*“. Если невѣста умираетъ до заключенія брака и *meta* была уже вручена ея родителямъ, то женихъ получаетъ ее обратно ¹⁾. Обязанность мужа дать или заплатить *meta* доходить до того, что если мужъ *meta* не дастъ, то наслѣдники обязаны это сдѣлать. Лишь въ случаѣ, когда женщина выходитъ замужъ безъ согласія родителей, она не можетъ требовать *meta* отъ наслѣдниковъ мужа. Это запрещеніе является какъ наказаніе за непослушаніе волѣ родителей: „*pro eo quod negligenter sine voluntate parentum suorum ad maritum ambulaverit*“ ²⁾. *Meta* или *pretium* и „*morgengab*“ строго различаются другъ отъ друга. Это различіе представляется въ слѣдующемъ предписаніи: „*Si quis Longobardus decedens voluerit uxori suae usumfructum de rebus suis iudicare, et filios et filias ex ea reliquerit, non amplius ei per usum fructum iudicare possit, quam medium de sua substantia, super illud, quod ei in morgengab et in meta secundum legem datum fuerit. Et si filios aut filias ex alia uxore reliquerit unum aut duos, possit uxori suae tertiam partem ad usumfructum relinquere: et si fuerint tres, quartam portionem*“ и далѣе: „*Morgengab et metam quae ei data est, legibus habeat in antea. Si quidem nupserit, postea autem mortua fuerit, ususfructus in integrum ad heredes revertatur: de meta vero et morgengab fiat secundum antea edictum*“ ³⁾. Изъ этого закона видно, что *morgengab* и *pretium-meta* были двѣ совершенно различныя вещи, которыя не могли замѣнить одну другой; что *morgengab* не былъ также

¹⁾ L. Long. II, I, 7.

²⁾ L. Long. II, III, 2, 5.

³⁾ L. Long. II, IV, 4.

pretium-meta, и послѣдняя не была первымъ — неоспоримый фактъ. Во всѣхъ постановленіяхъ, относительно meta и morgengab, мы видимъ, какъ законъ рѣзо проводить границы между meta и morgengab: никогда подъ meta не подразумѣвается также morgengab и наоборотъ, точнотакъ же, какъ законъ одновременно говорить о meta и о morgengab: „habeat sibi morgengab et methium“ ставить ихъ другъ подлѣ друга.

Лонгобардская meta передается мужемъ женѣ и эта meta находится въ ея власти. „Et meta quae exacta fuerit, sit in potestate puellae, aut mulieris“ ¹⁾. Сумма платы можетъ простираться до 300 и 400 солидовъ ²⁾. Morgengab по Лонгобардскимъ законамъ составляетъ четвертую часть имущества жениха ³⁾. Уже это различное опредѣленіе размѣра meta и morgengab: 300 и 400 солидовъ и четвертая часть имущества жениха — наводитъ насъ на мысль, что утренній даръ и meta не могли быть однимъ и тѣмъ же. Одновременно, законъ воспрещаетъ Лонгобардцу давать или дарить что нибудь своей женѣ, подъ другимъ именемъ, кромѣ meta и morgengab. Напр. „Nulli sit licentia coniugi suae de rebus suis dare amplius per qualenquaque ingenium, nisi quod ei in die votorum *in methio et morgengab dederit*, secundum antirius edictum, et quod super dederit, non sit stabile“ ⁴⁾. Кромѣ meta и morgengab, которыми располагаетъ жена при замужествѣ, она получаетъ отъ отца или отъ брата fadersium „отцовскія деньги“ ⁵⁾. Какихъ либо особенныхъ правъ на федерзіумъ жена не можетъ имѣть; послѣдній, скорѣе походить на одолженіе со стороны родителей, такъ какъ, законъ говорить, что жена должна довольствоваться тѣмъ подаркомъ, который ей сдѣлали родственники и болѣе ничего не требовать ⁶⁾.

Pretium у Вестготовъ, т. е. у древнихъ Испанцевъ, не былъ менѣе священнымъ, чѣмъ у Лонгобардцевъ. Въ Вестготскихъ законахъ читаемъ: „Si inter sponsum et sponsae parentes... *dato precio et*, sicut consuetudo est, ante testes facto placito de futura

¹⁾ L. Long. II, I, 1.

²⁾ L. Long. II, IV, 2.

³⁾ L. Long. II, IV, 1.

⁴⁾ L. Long. II, IV, 3.

⁵⁾ L. Long. II, I, 4.

⁶⁾ L. Long. II, XIV, 14, 15.

conjugio facta fuerit definitio ¹⁾. И „Eandem legem praecipimus custodiri, si pater de filiae nuptiis definierit et de precio convenierit... ²⁾ Какъ главное условіе брака, является у Вестготовъ брачный даръ. Постановленія относительно послѣдняго носятъ такой характеръ, что становится сомнительнымъ, чтобы Вестготъ могъ бы себѣ представить осуществленіе брака безъ брачнаго дара. Еслибы послѣдняго не было, то, по его мнѣнію, нѣтъ ручательства за достоинство брака: „*Nam ubi dos nec data est nec conscripta, quod testimonium esse poterit, in hoc coniugio dignitatem futuram?* quando nec coniunctionem celebratam publica roborat dignitas, nec dotalium tabularum hanc comitatur honestas.“ ³⁾ „*Nam ubi dos nec data est nec conscripta, quod testimonium esse poterit in hoc coniugio dignitatem futuram*“, ибо **такъ** долженъ былъ Вестготъ называть брачный даръ. „*Quod si contigerit, ut, quicumque parentum pro filio suo, in nurus suae nomine, dotem concribere debeat: eodom modo de eo, quod eidem filio post obitum parentum suorum in portione evenire poterat, decimam exinde partem per dotis titulum conferat, quod mulier vel puella nuptiis traditura optineat*“ ⁴⁾. Эта dos мужа составляетъ десятую часть его имущества, въ составъ котораго входятъ разнородныя вещи: движимыя и недвижимыя, точно такъ же, какъ и холопы обоего пола, лошади и цѣнныя украшенія, не превышающія 1000 солидовъ: „*insuper decem pueros, decem que puellas, et caballos XXX, seu in ornamentis quantum mille solidorum valere summam constiterit*“ ⁵⁾. Эти подарки сохраняются у отца или матери неврѣсты, а за неимѣніемъ послѣднихъ, у брата или ближайшихъ родственниковъ ⁶⁾. Если жена бездѣтна, то она можетъ дѣлать съ брачнымъ подаркомъ—съ dos viri—все, что ей угодно; умираетъ ab intestato—брачный даръ переходитъ къ мужу или къ heres mariti ⁷⁾. Требовать болѣе, чѣмъ установлено закономъ для dos viri, родители не-

¹⁾ L. Wis. III, IV, 2.

²⁾ L. Wis. III, I, 2.

³⁾ L. Wis. III, I, 9.

⁴⁾ L. Wis. III, I, 5.

⁵⁾ L. Wis. III, I, 5.

⁶⁾ L. Wis. III, I, 6.

⁷⁾ L. Wis. III, I, 5.

вѣсты не могутъ; она можетъ увеличиться только въ одномъ случаѣ и этотъ случай въ Вестготскихъ законахъ достоинъ глуповаго вниманія. Опредѣливъ брачный даръ: dos мужа и права на него жены: „Nec erit ultra licitum puellae parentibus, seu etiam puellae vel mulieri, ab sponso vel ab sponsi parentibus plus quidquam petere, vel in suo nomine conscribendum obtare, nisi quantum nunc legis hujus institutio continet“, законъ продолжаетъ такъ: „Aut si forte, juxta quod et **legibus Romanis** recollimus fuisse decretum, tantum puellia vel mulier de suis rebus sponso dare elegerit, quantum sibi ipsa dari poposcerit“. Т.-е. „но если жена имѣетъ dos какъ это принято по Римскимъ законамъ“ или: Римскіе законы нужно возстановить, т.-е. что женщина также должна имѣть dos, какъ это было принято въ Римскомъ Правѣ и т. д. Это обращеніе къ авторитету Римскихъ законовъ ясно показываетъ намъ, насколько уже Римское Право было распространено между Вестготами. Но не такъ подробно, какъ въ упомянутыхъ законахъ, говорится о pretium-emptionis, какъ вообще о формѣ заключенія брака, lex Salica. Послѣдняя называется pretium-reipps, который состоитъ изъ tres solidi et denarius. Чѣмъ, въ сущности, были эти tres solidi et denarius, былъ ли это просто символическій pretium, который никогда не превышалъ tres solidi et denarius для вдовы и solidum et denarium для незамужней женщины; или же это была дѣйствительная плата, сумма которой составляла максимумъ или минимумъ платы, которую возможно было измѣнить, смотря по соглашенію—lex Salica оставляетъ безъ объясненія ¹⁾). Появляются sponsalia, носяція названія per solidum et denarium, также secundum legem Salicam. У Сancieri ²⁾ находимъ слѣдующую брачную формулу. Жениха зовутъ Фабій, невѣсту Семпронія: „Hoc facta et a sponsare precio supradicto repario dato... orator dicat o Fabi, da Senece vadimonium ut faciat Semproniam, que defensione Senece regitur jure tuo securitatem, scripturalem et tercię portionis omnium rerum quas nunc habes vel acquisitionis tam mobilium quamque immobilium seu familie et si hoc non feceris ut componas decem libras auri“

¹⁾ L. Sal. XLVI.

²⁾ Leges barbarorum antiq. II, 476, 477.

и далѣ: „Quo facto, tunc Fabius eam subarret annulo, et post tradantur cartulae donationis et dotis et scriptae ibi legantur, et Seneca det conjugem Semproniam Fabio“. Въ пятой Formulae Bignoniane, женихъ даритъ своей невѣстѣ имѣніе со всѣми принадлежностями, таѣь какъ, онъ намѣревается жениться по lex Salica, т.-е. per solidum et denarium „...mansis ad commanendum, cum casticiis, suprapositis, terris arabilibus et mancipiis, vel quiquid in ipsa portione est aspectum, tibi dico esse donatum atque firmatum“ ¹⁾ и далѣ: „Dum et ego te per solidum et denarium secundum legem salicam visus fui sponsare, ideo in ipsa amoris dulcedine debeo ergo tibi a die praesente“. Такие брачные подарки встрѣчаются въ Marceulfi Formularum II, 15; но здѣсь даритъ не женихъ, но отецъ жениха; въ его другой формулѣ, брачный подарокъ дается женихомъ ²⁾. Такой же подарокъ дается въ Formulae Veteres Mabillonii ³⁾. Изъ Formulae Veteres XXXIX вытекаетъ, что не только тѣ, которые женятся по lex Salica, дѣлаютъ невѣстѣ брачный подарокъ, но и тѣ, которые женятся согласно предписаніямъ Римскаго Права... qualiter te secundum legem Romanam sponsatam visus sum habere“. Послѣ передачи брачнаго дара и послѣ платы pretium-reirus—происходитъ заключеніе брака. Тѣ tres solidi et denarius, которые платить тотъ, кто женится на вдовѣ, долженъ вручить при заключеніи брака названный reirus, причемъ заключеніе брака происходитъ передъ Центенариусомъ ⁴⁾. Франки опредѣляютъ брачный даръ въ третью часть имущества жениха ⁵⁾. Подробнѣе объ этомъ говорятъ Бургундскіе законы. Форма брака въ послѣднихъ, какъ и въ первыхъ, былъ pretium; „...et majorem nuptialis pretii partem sponso adnumerante perciperit“ ⁶⁾... Уже въ выше приведенномъ мѣстѣ это выраженіе яснаѣ: „...et pretium, quod de nuptiis ejus inferendum est... habeat“ ⁷⁾.. Для заключенія брака недостаточно только согласія родителей, но необходимо таѣже согласіе самой невѣсты: „non solum ex parentu

¹⁾ Form. Big. V; Canciani II, 270.

²⁾ Appendix, 37.

³⁾ Canciani III, 469.

⁴⁾ Lex Salica XLVI.

⁵⁾ L. Rip. 37.

⁶⁾ L. Burg. LII.

⁷⁾ L. Burg. XLII.

consensu verum etiam proprio arbitrio et voluntate donaverit“¹⁾... Если разъ pretium заплаченъ, то бракъ необходимо существуетъ²⁾. Если женщина безъ согласія родителей соединилась съ мужчиной, то послѣдній обязанъ заплатить pretium родителямъ: „Quaecunque mulier natione Barbara ad viri coitum spontanea voluntate forte convenerit, nuptiole pretium in simplum tantum ejus parentibus dissolvatur“³⁾. Выше мы уже замѣтили, что pretium въ Бургундскихъ законахъ носитъ названіе wittemon: „Mulier quae ad secundas nuptias traditur, Wittemon ejus à prioribus parentibus mariti vindicetur“ или „Si verò tertium maritum accipere deliberat Wittemon quod maritus dederit, mulieri proficiat“⁴⁾. Или „De Wittemon vero si demandaverit pater ut nun quaeratur, demandatio ejus non valeat sed sicut lex alia expressit, proximus parens accipiat“⁵⁾. Третью часть этого pretium-wittemon, за неимѣніемъ отца и братьевъ, получаетъ мать, другую—близжайшіе родственники. Если нѣтъ матери, то одну треть получаютъ сестры, другую—братъ отца⁶⁾. Отъ pretium nuptiale отличается donatio nuptialis или брачный даръ: dos⁷⁾. Кроме того, говорится также о morgengeba: „De morgengeba verò, quod priori lege statutum est, permaneat. Nam si a tempore obitus prioris mariti infra annum nubere voluerit, habeat liberam potestatem: et tertiam substantiae partem, quam permissa fuerat possidere, dimittat. Ceterum si emenso anno vel biennio maritum voluerit accipere, omnia sicut dictum est, quae de priore marito habuit, derelinquat, et pretium quod de nuptiis ejus inferendum est, accipiat; et parentibus defuncti mariti debetur hereditas“⁸⁾.

Что касается сѣвера, то, кажется, pretium тамъ еще рѣзче выражается. Гриммъ⁹⁾ сообщаетъ намъ слѣдующее о бракѣ по англо-саксонскимъ законамъ: „gif man mægd *gebyrceð* *ceære*,

¹⁾ L. Burg. LII.

²⁾ Idem. LII.

³⁾ L. Burg. LXI.

⁴⁾ L. Burg. LXIX.

⁵⁾ Idem. LXXXVI, 2.

⁶⁾ Idem. LXVI.

⁷⁾ L. Burg. XXIV.

⁸⁾ L. Burg. XLII, 2.

⁹⁾ D. Rechtsalterthümer, S. 422.

geceáþóð si, gif hit unfácne is, gif hit donne fácne is, áfter át hám gebrenge and him man his *sceat ágefe*“ ¹⁾).

Насколько рѣзко выражается *pretium*, мы видимъ въ Скандинавскомъ правѣ, въ которомъ форма заключенія брака, какъ и у всѣхъ остальныхъ народовъ, состоитъ въ покупке. Въ Исландіи, точно такъ же, какъ въ Швеціи, Норвегіи и Даніи, бракъ считается не дѣйствительнымъ, если за жену не былъ заплаченъ *mundr*. *Codex juris Islandorum antiquissimus, qui nominatur Gragás*, прямо ставятъ въ зависимость право наслѣдованія отъ брака — *pretium-mundr*. *Gragás* ²⁾ говорятъ, что дѣти неспособны наслѣдовать, если они не происходятъ отъ матери *mundi keypt*, т.-е. купленной, хотя бы за самую незначительную плату. „*Sa madr er eigi arfgengr, er modir hans er eige mundi keypt, möre edr meira fe, edreigi brullaup til—gert, edr eigi fastnop*“. Т.-е. *In haereditatis sacra non habeatur, cujus mater aut non marca vel majoris pretii antiphernis coemta est, aut justis nuptiis vel sponsaliis habitis matrimonium non ingrediebatur*—ибо, если она не *mundi-keypt*, т.-е. за нее не былъ заплаченъ *mundr*, слѣдовательно, бракъ не дѣйствителенъ.

Въ древнихъ законахъ варваровъ всюду выступаетъ впередъ *pretium*—*emtionis*, вслѣдъ за которымъ слѣдуютъ постановленія о *dos*. Но то, что древніе законы называютъ *dos*—не была Римская *dos*. Первоначально, отъ римскаго института *dos*, въ древніе законы варваровъ, перешло только одно названіе. Всюду, гдѣ говорится о *dos*, это *dos* мужа, т.-е. ничто иное, какъ его брачный даръ, его имущество. *Dos* варваровъ, это имущество, которое дается не женой мужу, а, напротивъ, мужемъ женѣ. Общее предписаніе древнихъ законовъ таково: не жена должна имѣть *dos*, а, напротивъ, мужъ долженъ вступать въ бракъ съ *dos*. Не *filiafamilias*, а, напротивъ, *filiusfamilias* долженъ имѣть *dos*. *Dos* варваровъ и *dos* современныхъ народовъ или Римская *dos*—два различные и крайне противоположные института права. Они настолько различны, насколько *dos viri* противоположна *dos mulier*. Утвержденіе Гримма ³⁾, что *pretium* и *dos* варва-

¹⁾ Lex Æthelbirhti, 76.

²⁾ I, 175.

³⁾ Jacob Grimm. D. Rechtsalt. S. 423 и слѣд.

ровъ, такъ какъ, онѣ являются отъ одного и того же лица,— суть одно и то же—есть одно изъ глубочайшихъ заблужденій. Не нужно обладать особенной проницательностью, чтобы понять, что pretium былъ pretium, а dos—dos. Всюду въ древнихъ законахъ различаютъ pretium отъ дара и не соединяютъ ихъ вмѣстѣ. Это заблужденіе Гримма основано частью на непонятномъ свидѣтельствѣ Тацита (De mor. G. с. 18) въ которое онъ недостаточно вникъ. Желая проникнуть въ сущность того, что варвары называютъ dos, Гриммъ говоритъ, что одновременное существованіе такихъ двухъ крайне противоположныхъ институтовъ, какъ pretium и римская dos, невѣроятно, что „если саксонецъ, получая 300 солидовъ платы за свою дочь, сталъ-бы ей назначать еще dos, ибо, если она покупалась, то она составляла своего рода цѣнность и зачѣмъ отецъ сталъ-бы уменьшать количество платы? ¹⁾ Но отъ вниманія Гримма ускользнуло то, что pretium и dos варваровъ: даръ, свадебный подарокъ, противоположны какъ въ сущности, такъ и по понятію, ибо, если я плачу—я покупаю и желаю получить то, за что я плачу, если я дарю—я просто дѣлаю только подарокъ, и могу и не имѣть въ виду, что-либо получить взаменъ, а тѣмъ менѣе требовать ²⁾.

Что всегда бросается въ глаза у изслѣдователей древняго дотальнаго права, такъ это смѣшиваніе различныхъ понятій. Если мы желаемъ сохранить точность въ изслѣдованіи, то какимъ образомъ можемъ мы называть однимъ и тѣмъ же именемъ два противоположныя понятія. Мы знаемъ, что dos не плата, слѣдовательно, какъ мы можемъ называть этимъ именемъ и сливать въ одно цѣлое лонгоб. mēta, reipus lex Salica, бургундскій wittemon, mundr скандинавскихъ законовъ, другими словами, сливать въ одно цѣлое всѣ pretium'ы, носяція у народовъ различныя названія, сливать въ одно цѣлое два противоположныя понятія. У Sanciani находимъ слѣдующее, относительно только-что сказаннаго: „Vittemon in lege Burgundionum“ такъ какъ Vittemon былъ pretium, то мы можемъ предположить, что Sanciani подъ этимъ вообще подразумѣваетъ pretium-emptionis и

¹⁾ V. 423.

²⁾ Дополненіе I.

остальныхъ народовъ — „non est dos“ — non est dos — твердо должны помнить это — „...sed pretium uxoris, quod pater aut proximi cognati pro puella accipiebant“¹⁾. Если Тацитъ, свидѣтельство котораго, послужило поводомъ для подобнаго объясненія Гримма, говоря о старыхъ германцахъ, пишетъ: „Dotem non uxor marito, sed uxori maritus offert, intersunt parentes et propinqui ac munera probant, munera non ad delicias muliebres quaesita, nec quibus nova nupta comatur, sed boves et frenatum equum et scutum cum framea gladioque in haec munera uxor accipitur, atque invicem ipsa armorum aliquid viro adfert“²⁾— и если дѣйствительно, онъ подразумѣваетъ подъ выраженіемъ dos, pretium, какъ брачный даръ, какъ думаетъ Гриммъ, то въ этомъ мы должны видѣть только перенесеніе римскихъ возрѣній на древнее германское право.

Этотъ всеобщій историческій ходъ развитія dos у народовъ: чѣмъ болѣе pretium получаетъ смыслъ символической покупки, тѣмъ болѣе dos заявляетъ свои права на существованіе во время брака и, что тамъ, гдѣ pretium не имѣетъ символическаго значенія, а составляетъ реальную дѣйствительность, dos не условіе для дѣйствительности брака или же совсѣмъ не существуетъ—мы можемъ прекрасно прослѣдить въ іудейскомъ правѣ, сопоставивъ древнееврейское или Моисеево право съ новымъ или Талмудомъ. Евреевскій бракъ, по Моисееву праву, ничто иное, какъ покупка. Другой формы для дѣйствительнаго заключенія брака еврейскій народъ не имѣетъ и не знаетъ. Лаванъ цѣнитъ свою дочь въ семилѣтнюю работу Іакова, и когда онъ обманываетъ послѣдняго, то за младшую дочь, онъ требуетъ не меньшую плату³⁾. Когда Сихемъ просилъ Іакова выдать за него дочь свою Дину, онъ сказалъ ему: „назначьте самое большое вѣно и дары; я дамъ, что ни скажете мнѣ: только отдайте мнѣ дѣвицу въ жену“⁴⁾. Бракъ—pretium у древнихъ евреевъ служилъ поводомъ къ весьма страннымъ и непонятнымъ опредѣленіямъ платы. Когда Саулъ предложилъ Давиду жениться на его дочери, отецъ не захотѣлъ другого דָּוִד „мохаръ“ кромѣ

1) Sanciani, vol. 4 p. 31.

2) Tacitus, De mor. Germ. c. 18.

3) Бытiе, XXIX, 20 и 30.

4) Idem. XXXIV, 12.

„ста краеобрѣзаній Филистимскихъ“. Эта плата, вѣроятно, не показалась Давиду слишкомъ высокою, такъ-какъ, онъ, съ истинной рыцарской готовностью и неустрашимостью, увеличиваетъ ее сумму, вручая отцу вмѣсто ста, двѣсти филистимскихъ краеобрѣзаній ¹⁾). Пророкъ Осія сообщаетъ, что онъ купилъ себѣ жену за *пятнадцать серебрянниковъ и за хомеръ ячменя, и полхомера ячменя* ²⁾). Моисей, говоря о вынужденныхъ бракахъ, приказываетъ, въ такихъ случаяхъ, „купить жену“ и жениться на ней, т.-е. заплатить „мохаръ“. Но если отецъ невѣсты не согласенъ выдать ее за него, то женихъ „пусть заплатитъ отцу *столько серебра, сколько полагается на вѣно двѣмъ*“ ³⁾). Все-таки, законодатель старается опредѣлить среднюю плату и въ Пятой книгѣ законовъ ⁴⁾ онъ опредѣляетъ плату въ размѣрѣ *пятидесяти сиклей серебра*. Такъ какъ, это была самая высокая плата по закону Моисея за холопа отъ 20 до 60 лѣтъ, то, основываясь на этомъ Михаэлисъ ⁵⁾ первый доказалъ, что плата или *pretium* за жену и плата за холопа у древнихъ евреевъ была, приблизительно, одна и та же. Михаэлисъ старался открыть еще другую форму заключенія брака: безъ покупки, но это стараніе осталось тщетнымъ, когда всѣ свидѣтельства не говорятъ ни о какой другой формѣ для заключенія брака. Это еще не доказательство, которое онъ приводитъ: потому, что дочери Лавана роптали, что отецъ продалъ ихъ или, что Сара и Ревекка обладали значительной властью въ домѣ — существовалъ бракъ и безъ покупки. Онъ долженъ былъ-бы доказать въ такомъ случаѣ, что дочери Лавана говорили **ТОЛЬКО** о себѣ, а не о судьбѣ всѣхъ женщинъ, вступающихъ въ бракъ; и изъ того, что Сара и Ревекка обладали властью, еще не слѣдуетъ, что онѣ поэтому не были куплены, ибо изъ того, что онѣ покупались, не слѣдуетъ, что онѣ **НЕ МОГЛИ** обладать властью. Онѣ покупались и одновременно могли обладать властью въ домѣ, ибо присутствіе власти и вліянія въ домѣ не есть непремѣнное слѣдствіе брака—покупки или безъ

¹⁾ Самуила I, гл. XVIII, 25, 27.

²⁾ Осія III, 2.

³⁾ Исходъ XXII, 16, 17.

⁴⁾ Michaelis, Mosaiches Recht Th. II, S. 87.

⁵⁾ XXII, 29.

покупки. Она является совѣтъмъ изъ другихъ источниковъ. Мы непременно должны провести строгую границу между куплей холопа и куплей-бракомъ. Указаніе на это различіе мы еще встрѣтимъ при изложеніи обычнаго права. Когда онѣ покупались, ихъ не покупали въ рабство; это не была покупка чело-вѣка въ полномъ смыслѣ, т.-е. это не была покупка рабы, это не была покупка въ строгомъ юридическомъ смыслѣ, точно такъ же, какъ *dos* не есть плата или покупка въ строгомъ юри-дическомъ смыслѣ, а только признанная необходимая форма заключенія брака: это былъ не болѣе, какъ всякій другой священный обрядъ, необходимый для дѣйствительности брака. Какъ у современныхъ европейцевъ церковный обрядъ состоитъ въ вѣнчаніи, точно также у древнихъ европейцевъ и азіа-товъ онъ состоялъ въ покупкѣ. Изъ этого уже видно, что если древнія еврейки властью не обладали, то это было не слѣд-ствіе брака-покупки. Никто теперь не станетъ утверждать, что потому, что два лица были записаны въ брачный контрактъ для дѣйствительности брака, слѣдствіемъ этого явится присутствіе или отсутствіе власти. Если бы мы имѣли доказательство, что при бракѣ-покупкѣ жена у древнихъ евреевъ обращается въ рабу, какъ и всякій несвободный чело-вѣкъ, тогда мы имѣли-бы положительное основаніе считать это слѣдствіемъ брака-по-купки. Но эти доказательства не существуютъ. Моисеево право не знаетъ совѣтъмъ *dos*, а требуетъ другого для заключенія брака, именно покупки, которая является въ законахъ ничѣмъ инымъ, какъ реальной дѣйствительностью. Между тѣмъ, какъ Моисеево право знаетъ только одну форму для дѣйствительнаго заключе-нія брака, новѣйшее еврейское право: Талмудъ уже имѣетъ и различаетъ три формы: деньги или цѣнный подарокъ, догово-рь и сожительство⁴⁾. Первая форма есть ничто иное, какъ измѣненная единственная форма для заключенія брака изъ Мои-сеева права. Въ то время, какъ въ Моисеевомъ правѣ *pretium* составляетъ реальную дѣйствительность, въ Талмудѣ, этотъ *pre-
tium*, имѣетъ не болѣе, какъ символическое значеніе. Жен-щина считается только тогда супругою, когда приняла выше-сказанный символъ обрученія. Мужчина, вручая символъ жен-

⁴⁾ Eben Haezer, Kidouschin, XXVI, 4.

щинѣ при двухъ свидѣтеляхъ и передавая ей деньги или цѣнную вещь, произноситъ слѣдующія слова: „Симъ будь посвящена мнѣ“, и иногда прибавляя: „по закону Моисея и Израиля“. Цѣнность символа должна, по крайней мѣрѣ, равняться вѣсу половинѣ ячменнаго зерна изъ чистаго серебра ¹⁾. Это послѣднее опредѣленіе ясно указываетъ намъ на дѣйствительное значеніе *pretium*'а, значеніе чисто символическое, дошедшее и оставшееся только по преданію, что и заявляется самимъ Талмудомъ, который объясняетъ намъ происхожденіе этого обычая ²⁾. „Съ тѣхъ поръ, какъ данъ законъ съ горы Синайской, если мужчина хочетъ жениться, онъ долженъ *купить* женщину при *двухъ свидѣтеляхъ*, тогда она будетъ его женою“. И, какъ только *pretium* теряетъ свой прежній смыслъ, становится простой символической необходимостью, **ПРОТИВОПОЛОЖНЫЙ ИНСТИТУТЪ** постепенно возникаетъ. Талмудъ дѣлаетъ рѣзкое различіе между тѣмъ, что даетъ жена мужу *נְיֻוּת* „недунья“ и имуществомъ, которое назначаетъ мужъ женѣ *קִטְוּבָה* „кетуба“ ³⁾. Моисеево право понятія не имѣетъ, что такое *dos*. Талмудъ знаетъ ее не хуже Римлянъ, ибо Талмудъ заимствовалъ ее у Римлянъ. Что ученіе о *dos* заимствовано изъ Римскаго Права — первый обратилъ на это вниманіе Эдуардъ Гансъ, въ 1824 году (*Das Erbrecht in Weltgeschichtlichen Entwicklung*, I); въ виду этого, я считаю бесполезнымъ останавливаться долѣе надъ разборомъ этого ученія. Мнѣ не удалось, несмотря на мои старанія, получить важное сочиненіе для Мусульманскаго права: *A Digest of Mohummudan Law, according to the tenets of the Twelve Imams, compiled, under the superintendence of the late Sir William Jones... and translated from the original Arabic by order of the Suprence government of Bengal with notes illustrative of the decision of other sects of the Mohummudan lawyers on many leading and important questions by Captain John Baillie, Professor of the Arabic and Persian languages.* Въ другомъ отношеніи, счастье болѣе благопріятствовало, когда мнѣ удалось получить для индѣйскаго права важное сочиненіе Colebrooke: *A Digest of Hindu*

¹⁾ Eben-Haezer, *Kidouschin* XXVI, XXVII.

²⁾ Eben-Haezer, *Kidouschin* XXVI, см. прим.

³⁾ Eben-Haezer, *Ketouboth* LXVI, 1. См. форму брачнаго договора „кетубу“ въ прим. *idem*.

law on contracts and successions translated from the original Sanscrit, 1801, которое оказалось въ Отдѣленіи Азіатскаго Музея Имп. Академіи Наукъ.

Если въ Коранѣ Магомета владычество брака—*pretium* не такъ рѣзко выражено, какъ въ Моисеевомъ правѣ, все-таки само понятіе этой формы брака лежитъ въ его неясномъ опредѣленіи: Михаэлисъ сообщаетъ намъ, что у арабовъ „*Mechigo*“: проданная и обрученная—были синонимы, означали одно и то же понятіе, какъ у древнихъ германцевъ выраженіе: „*er Kaufte sie*“ — означало: онъ женился на ней. Михаэлисъ приводитъ также свидѣтельство путешественника *Argieux*, что у Магометанъ существуетъ три рода женъ: замужня, купленные и взятая въ долгъ ¹⁾. Во многихъ предписаніяхъ Корана о брачномъ дарѣ говорится, какъ о необходимой священной обязанности жениха ²⁾. Въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ: „не слѣдуетъ отнимать у жены то, что ей дали“. Если вы желаете „замѣнить одну жену другою“, т.-е. бросить первую и жениться на другой, „то не отнимайте у первой сто динаріевъ, если вы ей дали“ ³⁾. Подъ этимъ предписаніемъ, мы можемъ подразумѣвать не брачный даръ, а прямо плату. Что то, что давалось подъ видомъ брачнаго дара, носить характеръ платы, показываетъ слѣдующее опредѣленіе Магомета: если жены невѣрующихъ мужей перешли бы къ вѣрующимъ, то послѣдніе должны отдать первымъ то, что ими было дано первоначально женамъ *подъ видомъ* брачнаго дара, и когда жены переходятъ отъ вѣрующихъ къ невѣрующимъ, первые должны вознаграждать послѣднихъ ⁴⁾ (?).

Но если для насъ недостаточно ясно постановленіе Корана

¹⁾ M. Mos. Recht. Th. II, S. 85.

²⁾ *Alcoran* IV, 3; XXXIII, 48, 49.

³⁾ *Alcoran* IV, 24.

⁴⁾ *Alcoran* LX, 10, 11. „Это правило дано съ неба, Богъ постановилъ его для васъ. Онъ знаетъ и мудръ“. Это напоминаетъ объясненіе Талмуда (*Eben-Haezer, Kidouschin. XXVI, прим.*) о происхожденіи обычая купли: „съ тѣхъ поръ, какъ данъ законъ съ горы Синайской, если мужчина хочетъ жениться, онъ долженъ *купить* женщину, тогда она будетъ его женою“. Это напоминаетъ также постановленіе Цааджикъ-Бичикъ: „кто пожелаетъ взять повинутую мужемъ жену, обязанъ выкупить ее“, т.-е. заплатить мужу опредѣленную плату (*Древній Монголо-Калмыцкій или Ойратскій уставъ възсканій, Цааджикъ-Бичикъ*“, проф. Леонтовича, записки Имп. Новоросс. Унив. Т. 28, § 126).

о платѣ, то послѣдняя совершенно ясно выражена въ Шерайетѣ оль Исламъ, Шейха Недимъ ед-динъ Абуль Касемъ Джаферъ эбнъ Али Іагіа, жившаго между 602—676 гг. Эгира. „Мехръ (pretium) можетъ состоять въ передачѣ собственности или пользованіи какой-либо вещью, пользованіе которой дозволено закономъ“ ¹⁾. „Назначеніе мехра есть необходимое условіе для дѣйствительности брака, отсутствіе мехра дѣлаетъ бракъ недѣйствительнымъ, ничтожнымъ“ ²⁾. „Мужчина, заключившій бракъ по праву каноническому и по преданію, но безъ опредѣленія мехра, считается назначившимъ мехръ въ 500 диргемовъ по преданію“ ³⁾, ибо „по преданію, мехръ, назначившійся Пророкомъ, не превышалъ 500 диргемовъ; комментаторы же цѣнятъ этотъ мехръ въ 50 динаровъ“ ⁴⁾. „Въ случаѣ неназначенія мехра по брачному договору, размѣръ мехра предполагается такимъ, какой обыкновенно дается женщинамъ изъ ея рода или равнымъ ей по рожденію, красотѣ и особеннымъ дарованіямъ; но не можетъ превышать традиціонной суммы мехра, т.-е. 500 диргемовъ“ ⁵⁾. „Подарокъ соразмѣряется съ имущественнымъ состояніемъ мужа: если онъ богатъ, подарокъ состоитъ изъ одной лошади или одного мула, или изъ цѣнной одежды, или изъ денежной суммы въ 10 динаровъ; если мужъ владѣетъ посредственнымъ состояніемъ, то подарокъ состоитъ изъ суммы въ 5 динаровъ, или изъ одежды средней цѣнности; если онъ бѣденъ, то подарокъ состоитъ изъ 1 динара, или изъ кольца, или изъ иной какой вещи этого рода“ ⁶⁾. Хотя „уговоръ о мехрѣ не есть необходимое условіе для дѣйствительности брачнаго договора“ ⁷⁾, но вмѣстѣ съ тѣмъ „платежъ мехра возлагается на мужа самымъ фактомъ консуммаціи брака“ ⁸⁾ и „право на мехръ приобрѣтается женою не въ силу договора, но только въ силу консуммаціи брака“ ⁹⁾. „Брачный договоръ мо-

¹⁾ Шер. Ч. II, кн. 19, ст. 554.

²⁾ Idem., ст. 380.

³⁾ Idem., ст. 566.

⁴⁾ Querry, Dr. musul. V. I. p. 717.

⁵⁾ Idem., ст. 589.

⁶⁾ Idem., ст. 590.

⁷⁾ Idem., ст. 583.

⁸⁾ Idem., ст. 605.

⁹⁾ Idem., ст. 588.

жетъ въ одно и то же время, и въ одномъ актѣ, содержать договоръ продажи и сумма мехра, представляющая равноцѣнность брака и продажи, распределяется соразмѣрно между продажною цѣною и тѣмъ размѣромъ мехра, какой обыкновенно назначается женамъ ея состоянія“¹⁾, т.-е. соотвѣтственно роду состоянія, къ которому каждая изъ нихъ принадлежитъ.

Не иначе, чѣмъ въ Моисеевомъ правѣ, происходитъ въ Китайскомъ. Для законодателя Та Tsing Leu Lee бракъ, главнымъ образомъ, ничто иное, какъ покупка. Другой формы для заключенія брака законодатель не знаетъ. Эта покупка для него не только символъ, но дѣйствительность. Женихъ долженъ сдѣлать невѣстѣ брачный подарокъ. Если въ промежутокъ между сговоромъ и бракомъ семейство невѣсты будетъ обѣщать ее другому, лицу, сдѣлавшее это, подвергается 70 бамбуковымъ ударамъ. Если это новое обѣщаніе послѣдовало послѣ заключенія брака, то число бамбуковыхъ ударовъ доходитъ до 80. Если человекъ согласился на предложеніе семьи невѣсты, одновременно зная о существованіи брака между личностью, которую ему обѣщали и другимъ лицомъ—онъ подвергается точно также 70 или 80 ударамъ, и брачный подарокъ, въ чемъ бы онъ ни заключался, конфискуется въ пользу государства. Несмотря на то, что бракъ будущихъ супруговъ уже формально заключенъ и брачный подарокъ переданъ, но если женихъ насильно похитить свою невѣсту до срока, назначеннаго для консуммаціи брака—женихъ подвергается 50 ударамъ. Въ случаѣ, если невѣста откажется отъ совмѣстнаго сожителства при наступленіи этого срока, лицо, принимавшее участіе въ устройствѣ брака, подвергается 50 ударамъ. О dos Та Tsing Leu Lee не имѣетъ понятія: она для него не существуетъ. Сущность китайскаго брака состоитъ, главнымъ образомъ, въ покупкѣ, брачномъ дарѣ и бамбуковыхъ ударахъ²⁾. Но, вѣдь это и былъ только представитель китайскаго юридическаго духа, который ничего не слышалъ о Пандектахъ и еще менѣе зналъ о духѣ Римскаго Права.

Нѣчто другое находимъ мы въ Индѣйскомъ правѣ. Брачный міръ Ману другой, чѣмъ брачный міръ Та Tsing Leu Lee.

¹⁾ Idem., ст. 643.

²⁾ Та Tsing Leu Lee, by Sir Stauntown. I, Sect. CI.

Здѣсь бракъ-покупка не играетъ роли при заключеніи брака, который состоитъ изъ восьми религіозныхъ формъ. Но не довольно только сказать, что бракъ-покупка не играетъ роли при заключеніи брака; если мы прочтемъ 51 пр. 3 книги, или 98 пр. 9 книги Законовъ Ману, то видимъ, что законъ строго воспрещаетъ отцу получать самое незначительное вознагражденіе за свою дочь, ибо „человѣкъ, который по алчности принялъ такое вознагражденіе, будетъ считаться человѣкомъ, продавшимъ своего ребенка“ ¹⁾, и „если родители не принимаютъ для себя подарковъ, предназначенныхъ дочери, то на нихъ не слѣдуетъ смотрѣть, какъ на продажу, а какъ на любезность и выраженіе любви въ молодой супругѣ“ ²⁾. И далѣе: „нѣкоторые образованные люди утверждаютъ, что корова и быкъ (которые вручаются женихомъ отцу невѣсты) составляютъ вознагражденіе, даваемое отцу невѣсты, но это невѣрно, ибо всякое вознагражденіе, получаемое отцемъ при замужествѣ дочери—продажа ³⁾. То же самое я нахожу у Colebrooke, A Digest of Hindu Law on contracts and successions translated from the original Sanscrit, 1801. „But even a man of the servile class ought not to receive a gratuity when he gives his daughter in marriage, since a father, who takes a fee *on that occasion*, tacitly sells his daughter... Nor, even in former creations, have we heard the virtuos approve the tacit sale of a daughter for a price, under the name of a nuptial gratuity“ ⁴⁾.

Восемь формъ индѣйскаго брака относятся къ способу его заключенія. Четыре первыя формы: Брама, Даива, Арша и Праяпатія благословенные браки, отъ которыхъ рождаются прекрасные и замѣчательные сыновья. Четыре остальныхъ — суть злые браки, отъ которыхъ происходятъ суровые, дурные и ненавидящіе Веды сыновья. Когда отецъ, одѣвъ свою дочь въ обыкновенное платье, передаетъ ее Ведоученому, почтительно имъ принятому, такой бракъ называется Брама. Вторая форма: Даива, когда отецъ, богато нарядивъ дочь, передаетъ ее священнослужителю, производящему обрядъ жертвоприношенія.

¹⁾ Manou. III, 51.

²⁾ Idem., 54.

³⁾ Idem., 53.

⁴⁾ II, 486, 487.

Арша — когда отдаетъ дочь лицу, вручившему ему, по правилу, двѣ коровы или одну корову и одного быка за совершеніе религіознаго обряда или для передачи дочери, *но не какъ вознагражденіе*. Прапатія — когда отецъ, передавая дочь, говоритъ слѣдующія слова: исполните оба вмѣстѣ ваши религіозныя и гражданскія обязанности. Четыре остальныхъ злыхъ формы слѣдующія: Азура, когда женихъ вручаетъ отцу невѣсты, какъ и ей самой, подарки соразмѣрно своимъ средствамъ. Гандхарфа, когда бракъ является слѣдствіемъ взаимной склонности обѣихъ сторонъ. Ракхаза, когда молодую дѣвушку похищаютъ силой изъ родительскаго дома, причемъ убиваютъ или ранятъ тѣхъ, которые желаютъ этому противодѣйствовать. Паизаха, когда человекъ тайно проникаетъ въ комнату спящей женщины. О dos не знаетъ индѣйское право, точно такъ же какъ и всѣ остальные восточныя, которыя мы прослѣдили. Въ Индіи не существуетъ ни dos, ни брака pretium-emptionis. Изъ предписаній законовъ Ману вытекаетъ и ясно представляется главная задача и цѣль индѣйскаго брака, которая ничто иное, какъ произведеніе дѣтей. Это желаніе имѣть дѣтей переходитъ у индѣйцевъ въ религіозную обязанность и доходитъ до того, что неимѣніе дѣтей считается величайшимъ бѣдствіемъ. Отецъ, не имѣющій сына или сыновей, попадаетъ въ адъ и никогда не получить безсмертія. Одинъ сынъ можетъ спасти его отъ ада „Путь“, посмертными жертвоприношеніями, страда (sacra privata) ¹⁾. Этотъ базисъ или цѣль индѣйскаго брака: продолженіе рода человѣческаго, совпадаетъ съ общимъ библейскимъ предписаніемъ Моисеева права: быть плодовитыми и размножаться ²⁾, предписаніе, которое евреи довели до того, что не существуетъ точки на земномъ шарѣ, гдѣ бы они не слѣдовали этому предписанію съ особеннымъ стараніемъ. И это все восточнаго права. Исламомъ и духомъ китайскаго права закончилось появленіе и развитіе dos на Востокѣ. Онъ оказался неспособнымъ привить такъ институтъ Римскаго народа къ своему праву, какъ онъ былъ привить народами, населявшими Европу. Какъ первоначально pretium существовала, такъ онъ и остался

¹⁾ Ману, 6, 37; 9, 106, 107, 138.

²⁾ Бытіе, I. 28.

до другой, болѣе высшей идеи, онъ не можетъ развиваться, иначе онъ долженъ перестать быть Азіей.

Если мы перейдемъ отъ древнихъ законовъ варваровъ, которые мы выше изложили, къ Собраніямъ Законовъ Людовика I, Благочестиваго, то разница будетъ поразительная. Мы видѣли, что законы варваровъ не знаютъ дotalьнаго права. Слабые, чуть замѣтные слѣды *dos mulier* мы могли бы еще подмѣтить въ лонгобардскомъ *fadersium*'ѣ, если мы желаемъ быть неточными. Вы видѣли также, что даже въ тѣхъ случаяхъ, когда законъ говоритъ объ имуществѣ, которое дается женѣ ея родителями, напр. какъ *fadersium* — не обязательно, наоборотъ *pretium* и брачный даръ мужа есть основаніе брака. Совсѣмъ другое находимъ мы въ Собраніи Законовъ Людовика I. Между тѣмъ, какъ первоначально обычное право не знаетъ совсѣмъ *dos* и вмѣсто *dos* имѣетъ другіе обычные институты: *pretium*, брачный даръ, *morgengab*, *douaire*, *Wittum*, *dower*, вдовья часть — въ странахъ *jus scriptum* Римская дotalьная система быстро и широко развивается. И этому быстрому ходу развитія дotalьнаго права, Средніе Вѣка обязаны духовенству. Папа Левъ ставитъ *dos* даже наравнѣ съ цѣломудріемъ: *Talis esse debet quae uxor habenda est, ut secundum legem fit casta in virginitate et dotata legitime* ¹⁾. Даже тогда, когда само Римское Право не требуетъ непременно присутствія *dos* для дѣйствительнаго брака, Каноническое прямо приказываетъ на Собраніи въ Арль, въ 524 году, что бракъ не долженъ существовать безъ *dos*: „*Nullum sine dote fiat conjugium; juxta possibilitatem fiat dos, nec sine publicis nuptiis quisquam nubere vel uxorem ducere praesumat*“ ²⁾. Это рѣшеніе католическаго духовенства подтверждается въ Собраніи Законовъ Людовика Благочестиваго ³⁾. Вообще въ Собраніи Законовъ (*Capitularia Regum Francorum*) постоянно говорится о примѣненіи и дѣйствии Римскаго Права. Уже мы ранѣе замѣтили, что все касающееся *dos* въ древнихъ законахъ не *dos mulier* — но *pretium* и брачный даръ или, какъ Вестготы называютъ: *dos viri*. Остановимся на тѣхъ, чуть

¹⁾ Cap. VII, 179.

²⁾ R. G. des anciennes lois françaises depuis 420 jusqu'à 1789, par Isambert et etc. T. I, p. 196.

³⁾ Cap. VI, CXXXIII.

замѣтныхъ слѣдахъ рождавшейся, заимствованной *dos mulier* въ древнихъ законахъ варваровъ и перейдемъ затѣмъ къ послѣдующему законодательству, чтобы видѣть, какъ быстро шло заимствование и развитіе Римской дotalной системы. Оставимъ въ сторонѣ *Edictum Theoderici Regis*: 1) „*Quibus edoctis, maritus et dotem lucretur, et sponsalitiā recipiat vel sibi habeat largitatem, et tituli utriusque proprietatem secundum leges filiis eum jubemus servare communibus. Pari etiam modo, si mulier maritum superioribus criminibus involutum in judicatione convicerit, et dotem recipiat, et sponsalitiā lucro habeat largitatem*“, ибо „*si jure Romano servit quidquid sociatur Italiae*“: все, что приходитъ въ Италію и входитъ въ сношеніе съ ней, переходитъ въ услуженіе Римскому Праву, которое не можетъ этого лишиться. Эти едва замѣтные, скорѣе очень темные слѣды, кажется, *dos mulier*, которые мы встрѣчаемъ только три раза. Первый разъ — въ Бургундскихъ законахъ: „*Similiter quod mulier ad maritum veniens erogaverit, defuncto sine filiis marito mulier aut parentes mulieris non requirant*“ 2). Этотъ законъ относится къ началу 6-го вѣка. Во второй разъ позднѣе: въ Баварскихъ законахъ, которые относятся къ 7-му вѣку: „*Mater vero si habet proprias res, et cum dote sua, quam per legem habet, egrediatur*“ 3). Если мы прибавимъ къ этимъ двумъ свидѣтельствамъ третье, это послѣднее составитъ болѣе ясный слѣдъ. Это, свидѣтельство Вестготскихъ законовъ: „*Aut si forte, juxta quod et legibus Romanis recolimus fuisse decretum, tantum puella vel mulier de suis rebus sponso dare elegerit, quantum sibi ipsa dari poposcerit*“. Старый благородный *Paulus Sancieri* слишкомъ честенъ, чтобы утверждать положительно о существованіи *dos mulier* въ этотъ древній историческій періодъ. Мы имѣемъ одно его объясненіе сущности выраженія *lex Saxonum* 4) „... *habeat dotem, quam in nuptiis accepit*“. — *Dos*: „... *quo pater sponsi sponsae dotem constituit*“. Древніе законы, какъ напр., Вестготскіе, говорятъ, какую часть долженъ дать отецъ при женитьбѣ сына для его брачнаго дара, или какую часть онъ мо-

1) LIV.

2) L. Bourg. XIV, 4.

3) L. Bav. T. XIV, c. VII, § II.

4) T. VIII, 1.

жетъ для этого получить изъ оставшагося наслѣдства. И далѣе: „Uxor igitur Germanica, quod ex dictis planum esse debet, antiquissimis illis Germaniae temporibus, Romano more non vixit et marito dotem non attulit, sed ipsa eam ab hoc conferendam expectavit. Et quidem eo tempore, quo uxores emebantur a viris, quo ad filias ex hereditate parentum raro aliquid perveniebat, dotem ab uxore non fuisse allatam, facillimae probationis est; haec enim plerumque non habuit, unde sumeret, et pater ejus multo minus constituit, alias enim emtione et pretii solutione a parte sponsi opus neutiquam fuisset... Plerusque enim esse, probe scio, qui michi, non concedent, dotem sicut olim a marito uxori constituebatur, hodiernum in connubiis celebrari... Ita namque interpretanda sunt verba, quae commentamur: *habeat dotem, quam in nuptiis accepit*“¹⁾). Выраженіе Canciani: „Romano more non vixit et marito dotem non attulit“ можетъ служить введеніемъ въ каждое дотальное право народовъ вообще.

Почти одновременно, т.-е. въ первой половинѣ 6-го вѣка, на собраніи въ Арлѣ, въ 524 году, католическое духовенство объявляетъ, что *dos mulier*, т.-е. дѣйствительная истинная *dos*— необходимость брака, безъ которой бракъ не можетъ существовать. Это постановленіе арльскаго собранія входитъ, какъ законъ въ *Capitularium* Людовика I, изданныя въ началѣ 9-го вѣка и, начиная съ этого, относительно историческаго скачка, начинается быстрое развитіе на западѣ Римской дотальной системы, дошедшей до нашего времени.

Римское Право постепенно распространяется, налагая тяжелый отпечатокъ на законодательства европейскихъ націй. Недаромъ оно носить названіе „писаннаго разума“. На него смотрять, какъ на нѣчто столь великое, которое слѣдуетъ заимствовать и перенимать для улучшенія національнаго законодательства. Вслѣдствіе такого господства Римлянъ, является то различіе во времени, которое мы замѣчаемъ въ заимствованіи нѣкоторыхъ институтовъ Римскаго Права между западной частью Европы и древней Русью. На Руси, только послѣ принятія христіанства, начинается замѣтное сближеніе съ Римскимъ Правомъ. Между тѣмъ, какъ на Руси, мы находимъ первые слѣды существованія

¹⁾ Canciani, *Leges Barb.* Vol. 3, p. 53.

dos только въ XV вѣкѣ—въ Западной Европѣ, какъ мы видѣли, мы встрѣчаемся съ ней въ 6 вѣкѣ, а въ XIII столѣтіи, въ Законалахъ Людовика IX находятся уже постановленія о „*dicere dotem*“ о назначеніи dos ¹⁾. Опредѣлить въ точности время появленія dos на Западѣ, мы должны съ большой осторожностью, ибо тамъ происходитъ не то, что въ древней Руси, гдѣ историческія свидѣтельства до XV вѣка о dos ровно ничего не говорятъ. Между тѣмъ, какъ на Западѣ, вслѣдствіе знакомства съ Римскимъ Правомъ, народы называютъ иногда, брачный даръ мужа, римскимъ именемъ dos—мы не можемъ въ точности опредѣлить время появленія истинной dos mulier, dos Римскаго Права. Владычество Римлянъ, надъ народами Западной Европы, должно было неминуемо отразиться на ихъ законодательствѣ еще до принятія ими христіанства. Довольно бросить взглядъ на древніе законы варваровъ, чтобы видѣть вліяніе Римскаго Права, которое на нихъ отразилось. Кромѣ того, что они редактированы на латинскомъ языкѣ, встрѣчаются чисто римскіе институты права, какъ potestas, manus, connubium, dos. Римскіе институты, какъ и самый стиль древнихъ законовъ, слѣдуетъ приписать основательному знакомству законодателя съ Римскими юридическими институтами и языкомъ. Вліяніе Римскаго Права отразилось весьма сильно въ Законахъ Людовика IX, первая глава второй книги которыхъ, содержитъ прямой переводъ изъ институтовъ Юстиніана: de justitia et iure ²⁾. Въ древнихъ законахъ, въ эдиктахъ, деклараціяхъ и вообще въ юридическихъ актахъ, принадлежащихъ глубокой древности, говорится о владычествѣ Римскихъ законовъ. Даже короли прямо заявляютъ о ихъ владычествѣ, доходящемъ до того, что, по ихъ словамъ, оно можетъ нанести вредъ странѣ, и съ этой цѣлью они издаютъ эдикты, для отмены нѣкоторыхъ, господствующихъ въ странѣ Римскихъ законовъ, чтобы хотя нѣсколько ослабить ихъ громадное вліяніе. Точно также, въ Англійскомъ Правѣ около первоначально брачнаго дара „dos viri“ и dower начинаетъ появляться въ 10 вѣкѣ, приблизительно, Римская dos (maritagium) ³⁾,

¹⁾ R. G. T. II, p. 376 и слѣд.

²⁾ R. G. T. II, pp. 535, 569.

³⁾ Leg. Wall. II, I, 45, p. 683.

рѣзко отличающаяся отъ того, что законы называютъ то dower, то dos, являющаяся отъ мужа, которую онъ передаетъ женѣ во время бракосочетанія ad ostium ecclesiae ¹⁾. Флета ²⁾ такъ опредѣляетъ dower: „dos quidem est id, quod liber homo dat sponsae suae ad ostium ecclesiae propter onus matrimonii et nuptias futuras, ad sustentationem uxoris, et ad liberorum educationem, cum fuerint procreati, si vir praemoriatur“. Дѣйствительная dos Римскаго Права, которая дается женѣ ея родственниками или совершенно посторонними лицами, по желанію. Объ этой dos находимъ у Glanvilla: Tractatus de legibus et consuetudinibus regni Angliae tempore Henrici secundi compositus, etc. etc. VII, I, § 1. „In alia enim exceptione accipitur dos secundum leges Romanas secundum quas proprie appellatur dos, id, quod cum muliere datur viro, quod vulgariter dicitur maritagium. Уже въ Великой Англійской Хартіи Генриха I, находимъ интересный параграфъ, постановляющій, что послѣ смерти мужа, dos должна быть возвращена женѣ, наравнѣ съ прочимъ имуществомъ, которое къ ней переходитъ: „Vidua post mortem mariti sui, statim et sine difficultate aliquâ habeat maritagium suum securum conductum et haereditatem suam; nec aliquid det pro dote suâ vel pro maritagio suo, vel haereditate suâ, quam haereditatem maritus suus et ipsa tenuerant, die obitus ipsius mariti... Assignetur autem ei pro dote suâ, tertia pars totius terrae mariti sui, quae sua fuit in vitâ, nisi de minori dotata fuerit ad ostium ecclesiae ³⁾. Карлъ VI Валуа ⁴⁾, рескриптомъ 1401 года, обнародовалъ приказъ, въ силу котораго, имущества женщинъ, какъ дotalное, такъ и парафернальное, не могутъ быть конфискованы за долги мужей, если онѣ не поручились за нихъ.

Въ 1606 году ⁵⁾, Генрихъ IV воспретилъ нотаріусамъ влючать въ контракты ни одной статьи отказа отъ правъ, предоставленныхъ Sc. Vellej подъ опасеніемъ штрафа, проторей-убытковыхъ сторонъ и лишенія ихъ должности нотаріуса: „Henry etc. Les

¹⁾ Glanvilla. IV, 1, § 1.

²⁾ Fleta seu commentarius juris Anglicani, V, 23, § 2.

³⁾ R. G. T. I, p. 304.

⁴⁾ R. G. T. 7, pp. 3, 4.

⁵⁾ R. G. T. 15, pp. 302, 303.

grands désordres arrivent par les renonciations stipulées dans les contrats, ésquels les femmes interviennent au senatus-consulte Velleian authentique si qua mulier, et autres *droicts introduits en faveur de leur sexe*, sur lesquels infinis procez ont prins leur origine et naissance, mesme pour la diversité du style des notaires et tabellions dont les uns donnent à entendre aux dites femmes que *leur obligation est de nul effect et valeur, sans la renonciation aux dits droicts*, les leur expiment spécialement, et les insèrent tout dans leurs minutes que grosses; les autres soit par ignorance ou négligence, mauvais usage, usage particulier des lieux, ne les insèrent au long és minutes et grosses de tous les contrats, ains seulement de ceux qu'il estiment de tous les contrats, ains seulement de ceux qu'ils estiment de grande conséquence, ou bien s'ils les insèrent ce n'est que par abréviation, réservans à eux ou aux tabellions en dressant les grosses en faire l'extension. Et encore d'ailleurs y en a qui obmettent les mots qui spécialement concernent les intercessions et obligations d'icelles femmes pour leurs marys. *Toutes ces defectuosités ont porté nos subjects à nous faire plusieurs grandes plaintes et doléances auxquelles voulons remédier et pourvoir à leur soulagement*" и т. д. Эта многозначительная и замѣчательная декларация Генриха IV, показывающая, какъ глубоко и обширно была имъ понята сущность Sc. Vellej. осталась непонятою Людовикомъ XIV, королемъ, посвятившимъ себя однимъ чувственнымъ удовольствіямъ и занимавшимся всѣмъ, чѣмъ угодно, но только не наукой. Людовикъ XIV отмѣняетъ lex Julia для нѣкоторыхъ французскихъ провинцій и объявляетъ договоры заключенные замужними женщинами, дѣйствительными и обязательными на все ихъ движимое и недвижимое имущество, дополнительное и парафернальное. Его эдиктъ важенъ тѣмъ, что онъ говоритъ въ немъ о владычествѣ Римскаго Права въ предѣлахъ французской территоріи ¹⁾. Но Людовикъ пошелъ еще дальше и въ 1684 году, обнародовалъ эдиктъ, которымъ отмѣнялъ Sc. Vallejanius и сходные съ нимъ законы для Бретани ²⁾.

Нѣтъ возможности привести всѣхъ свидѣтельствъ о вліяніи

¹⁾ R. G. T. 18, pp. 33, 34.

²⁾ R. G. T. 19, p. 43².

Римскаго законодательства на французскій институтъ dot, заимствованіе котораго начинается прямо со слова dos, dotare: давать, снабжать; латинскій глаголь обращается во французское существительное съ сохраненіемъ первыхъ трехъ буквъ: dot. Перенимается также латинское выраженіе fundus dotalis, обращенное въ fonds dotal. Матеріаль, сюда относящійся, такъ обширенъ, что могъ бы составить отдѣльный объемистый фолиантъ.

Спорныя дѣла о дотальномъ имуществѣ, разбиравшіяся въ Cour de Cassation въ концѣ 18 ст. и въ 19-омъ, носятъ на себѣ яркій отпечатокъ вліянія Римскаго законодательства; въ своихъ рѣшеніяхъ по дѣламъ этого рода они слѣдуютъ положеніямъ, выработаннымъ Римскимъ Правомъ ¹⁾. Остановимся подробнѣе на слѣдующихъ процессахъ: Мужемъ было отчуждено дотальное имущество жены, послѣдняя начинаетъ процессъ, и по этому дѣлу Cour de Cassation въ Тулузѣ, высказываетъ слѣдующее мнѣніе: „...Attendu en droit, qu'il résulte de l'extension donnée à la loi *Julie* par l'ordonnance de l'empereur Justinien, placée au Code sous le titre de *rei uxor. act.*, qui a régi ce pays jusqu'à la promulgation du Code civil, et dont le principe a été consacré par l'art. 1554 de ce dernier Code, que le mari ne pouvait pas, même avec le consentement de son épouse, aliéner le fonds dotal, sauf quelques cas d'exception... и т. д. ²⁾. Cours royales et conseil d'état отъ 28 іюня 1825 года, по поводу отчужденія дотальнаго имущества, опредѣлили, что: Sous l'empire des lois romaines, dont les principes sur l'inaliénabilité de la dot avaient été adoptés par la coutume d'Auvergne, l'aliénation du fonds dotal était réputée valable, lorsqu'elle était nécessitée par les circonstances, et qu'elle ne prejudiciait point aux intérêts de la femme ³⁾. Общество было такъ сильно подчинено вѣковымъ слѣдованіямъ принципамъ Римскаго Права, что когда Людовикъ XIV отмѣнилъ въ 1664 году, для четырехъ французскихъ провинцій, lex Julia de fundo dotali и lex de Rei uxoriae actione, то возникли нѣкоторыя недоразумѣнія. Въ Cour de Cassation въ 1825 году, была подана аппеляція по поводу

¹⁾ См. Recueil général des lois et des arrêts fondé par Sirey, начиная съ 1791 года.

²⁾ Idem. Т. 8, I, 62.

³⁾ Idem. Т. 8, II, 120.

неправильнаго, будто-бы, примѣненія эдикта 1664 года, слѣд-
ствиемъ чего произошло нарушение Римскихъ законовъ о неотчуж-
даемости дotalнаго имущества. Въ защиту своего правильнаго
требованія истецъ сказалъ: „*Le statut romain, une fois reconnu
en vigueur dans le domicile matrimonial, les intérêts des deux
familles ont donc été réglés par cette loi prohibitive son observa-
tion tient à l'ordre public et à l'utilité sociale*“... Защитникъ отвѣ-
чалъ, что вся трудность состоитъ въ умѣнии отличать личный
статутъ отъ реальнаго: „*Enfin cet auteur (Froland, des Sta-
tuts) se détermine à dire, que le statut est personnel, à raison
de la similitude qu'il trouve entre la loi Julia et le senatus
consulte Velléien; or, cette similitude n'existe pas: la loi Julia
borne sa prohibition à la dot; elle laisse à la femme toute li-
berté de disposer des biens non dotaux. Le sénatus consulte Vel-
leien, au contraire, interdit aux femmes, toute obligation et pro-
nonce leur incapacité absolue (??) aussi est il généralement re-
connu que ce senatus — consulte Velléien forme un status personnel*“ ¹⁾
O fragilem populum in jurisprudentiam!! Cour de Cassation рѣ-
шила, что „Attendu que les immeubles litigieux sont situés dans
le Lyonnais et que l'édit de 1664 a aboli dans cette province,
les dispositions des lois romaines, qui prohibaient l'aliénation des
immeubles dotaux; attendu que le contrat de mariage du 28
janv. 1791 a été passé dans un *pays régi par les lois romaines*;
qu'il est par consequent nécessaire d'examiner, si ces lois con-
stituaient un statut personnel, ou bien un statut réel. Attendu,
que le statut est personnel, lorsqu'il règle directement et principa-
lement la capacité ou l'incapacité des personnes pour contracter:—
Que le statut est réel, au contraire, lorsqu'il a principalement
pour objet la prohibition de disposer d'une espèce particulière de
biens et leur conservation... que la Cour royale de Lyon a fait
une *juste application* de l'édit 1664“... ²⁾. Случай неудовольствія,
вслѣдствіе отмѣны нѣкоторыхъ римскихъ положеній, дѣйствовав-
шихъ во французскомъ правѣ, не прекращались. Въ 1842 году,
была подана опять аппеляція въ Cour de Cassation, по поводу

¹⁾ Idem. T. 8, I, 118. По поводу этого см. Jurisp. de la Cour de cass. 1-er
fruct. an 9. Также T. 6, I, 474 и слѣд.

²⁾ Idem. T. 8, I, 118.

нарушенія *lex Julia* и *lex de rei uxoriae actione* и неправильнаго примѣненія эдикта 1664 года ¹⁾. Несмотря на попытки нарушить Римскій законъ о неотчуждаемости дotalнаго имущества и прекратить его владычество въ этомъ направленіи, этотъ законъ въ принципѣ былъ и остался дѣйствующимъ. Но не одно только выраженіе и понятіе *dos* были заимствованы, сама сущность института *dos*, его древнѣйшее основаніе: облегчить тягостей брака, подверглось заимствованію „...dot n'expritait autre chose que le bien apporté par la femme au mari pour soutenir les charges du mariage“ ²⁾ Таково было развитіе и положеніе *dos* до изданія Наполеоновскаго Кодекса. Новый Гражданскій Кодексъ, изданный въ началѣ 19-го ст. подтвердилъ это заимствованное положеніе древняго французскаго права и основалъ на немъ всю свою дotalную систему. „La dot et le bien que la femme apporte au mari pour supporter les charges du mariage“ ³⁾. Вопросъ о неотчуждаемости *dos* подвергался многочисленнымъ преніямъ юрисконсультовъ 18 и 19-го вѣковъ, въ *Cour de Cassation*. Въ послѣднемъ, въ 1836 году, разбиралось дѣло по вопросу о неотчуждаемости дotalнаго имущества. „*Le régime dotal tire son origine du droit romain*“ было сказано однимъ изъ юрисконсультовъ, „от“ продолжаетъ онъ „qu'est ce, dans notre droit, que le fonds dotal, si ce n'est le *fundus italicus* de la loi *Julia* le *fundus provincialis* de la loi 15 de *rei uxoriae actione*, le *dotalis praedium* des sentences de Paul (l. 1-er t. 21). et des institutes de Gais (Com. 2, § 63?“ ⁴⁾. Эта многозначительная фраза, произнесенная французскимъ юрисконсультomъ, достойна глубокаго вниманія, ибо за весь этотъ громадный историческій промежутокъ времени, который мы прослѣдили, съ 420 года до 19-го вѣка, это, кажется, единственный случай, когда французскій юрисконсультъ громогласно заявляетъ, что дotalная система во французскомъ правѣ не что иное, какъ заимствованіе изъ Римскаго Права. Но, вышеупомытый юрисконсультъ не постарался разработать свою мысль по-

¹⁾ *Idem.* T. XLII, I. p. 681.

²⁾ *Idem.* T. XXXVII, I, p. 97. См. также T. XXXI, II, p. 162.

³⁾ Art. 1540.

⁴⁾ R. G. des lois et des arrêts fondé par Sirey. T. XXXVII, part. II, pp. 50, 51.

дробнѣе и поставить ее на крѣпкѣй фундаментъ, но ограничился однимъ короткимъ восклицаніемъ.

Возвращаясь къ предмету нашего изслѣдованія: къ развитію русскаго дotalнаго права, мы видимъ, что даже Русская Правда—обширный законодательный памятникъ христіанской эпохи, продолжаетъ хранить глубокое молчаніе относительно приданаго или его назначенія, молчаніе, которое само собой объясняется тѣмъ, что въ то время понятіе о бракѣ и приданомъ не были соединены вмѣстѣ и не могли быть соединены, такъ какъ послѣднее, въ дѣйствительности, еще не существовало, что въ то время не было обычая, извѣстнаго впослѣдствіи подъ именемъ приданаго, взошедшаго позднѣе въ положительное законодательство уже какъ право. Но на Руси, съ распространеніемъ христіанства, съ возникновеніемъ особаго сословія духовныхъ лицъ, которыя руководствовались въ дѣлахъ семейственныхъ Греко-римскими гражданскими законами и находились подъ ихъ господствомъ и вліяніемъ, постановленія которыхъ о бракѣ и другихъ семейственныхъ отношеніяхъ, принятыхъ греческой церковью, — должны были сдѣлаться и для древняго Русскаго Права съ принятіемъ Русью христіанства. „Идѣже тяжкое имѣніи брачное тоу и вѣну подобаетъ быти“, такъ переводятся законы, изданные при Василии, Леонѣ и Константинѣ, *Πρόχρηρος νόμος* ¹⁾ на Славянскій языкъ. „*Οπου τὰ βάρη τοῦ γάμου, ἐκεῖ καὶ ἡ προῖξ ὀφείλει εἶναι.* „*Ubi matrimonii sunt onera, ibi et dotem esse oportet*“. Или по Павлу: „*Ibi dos esse debet, ubi onera matrimonii sunt*“ ²⁾. Слѣдовательно, *dos* необходима для облегченія тягостей брака „*ad matrimonii onera ferenda*“. Или: *dos* есть имущество, которое дается мужу для облегченія тяжести брачной жизни. Бракъ заключается и безъ договоровъ о *dos*, но *dos* (вѣно, приданое) можетъ существовать только при бракѣ: „бракъ и безъ написанія вѣна составляется, сирѣчь, соблюдаемымъ законнымъ заповѣдемъ“ ³⁾... „Браку не бывшу, и данымъ цѣною не оцѣненнымъ соущимъ, и имѣніе жена вос-

¹⁾ Т. 8, с. 8. Греко-римскіе законы цитируются здѣсь по Гейдельбергскому изданію *Zachariae*, 1837 года.

²⁾ *Dig.* XXIII, 3.

³⁾ Зак. Град. гр. 4, гл. 14; *Proch.* t. 4, с. 14.

прійметъ“ ¹⁾). Или по Ульпіану: .... „neque enim dos sine matrimonii esse potest. Ubiunque igitur matrimonii nomen non est, nec dos est.“ ²⁾. „Аще мужъ (не) пріимъ вѣно, восхоцетъ еже по обычаю, вѣно сотворити своей обрученицѣ, хотящей занъ пойти, и аще убо дастъ ей имѣніе особно, и потомъ пріимъ отъ нея въ вѣнѣ, даръ совершенъ есть, и вѣно составляется яко же данію пришедшу, аще напишетъ токмо, яко пріяхъ вѣно, а ничто же не пріемъ, ни одинаго же есть истязанія о не даннѣмъ имѣніи“ ³⁾. „Исповѣдая написаніемъ, или не написаніемъ пріяти пристрои, и не исполняя его, болѣ сый двою десяти и пяти лѣтъ, пріимати могущема родителема, отроковицы обѣщаему совершити аще ли сего не совершитъ, и не брежетъ сихъ исполнити, повиноутися емоу части женьствѣй послѣ о нихъ исповѣданныхъ мнѣй же сии по исполненію двадесати и пяти лѣтъ, и инѣмъ пяти лѣтомъ, можетъ взыскати обѣщанныя пристрои. Жена принесшая пристроеніе мужеву своему, аще селючится о напасти нѣкоея мужеву впасти въ тщетоу, или въ домъ людскіи, ли какимъ любо лицемъ, и оумретъ, не лѣтъ есть ни людскому, ни иному лицуу найти на домъ его и взяти что, дондеже жена свою си пристрою совершитъ. Потомъ же совершеніи избыточествующая, по единой части заимодавцы да раздѣляютъ“ ⁴⁾. Или по Ульпіану: „si res in dotem dentur, puto, in bonis mariti fieri“ ⁵⁾. „Аще совокупившеса нѣцѣи друогъ съ друогомъ, рехше жена смоужемъ, вѣномъ, и прежде брачнаго дара сложеніемъ грамотъ, и потомъ явится чрезъ все брачное время, вѣно не дано мужеву, но *ожидающи брачнаго тяжшаго имѣнія*, и смертію моужа бракъ разрѣшится, неправедно боудеть отнюдъ аще жена недавшая вѣна мужеву своему, преже брачный возметъ даръ, аще оубо и не весь цѣль данъ бысть, и та потолику же истязана боуде дара“ ⁶⁾.

Вѣно—dos обезпечено имуществомъ мужа, которое, какъ и

¹⁾ Idem, гр. 8, гл. 3; Pr. t. 8, с. 3.

²⁾ D. XXIII, 3.

³⁾ Зак. Град. гр. 3, гл. 1; Proch. t. 3, с. 1.

⁴⁾ Зак. Леона и Конст. зач. 3, гл. 1 и 2; Leunclavii, Jus Graeco-Rom. T. 2, p. 107. Зак. Град. гр. 8, гл. 4, 5, 6, 7; Pr. t. 8, с. 4, 5, 6, 7.

⁵⁾ D. XXIII, 3.

⁶⁾ Зак. Град. гр. 9, гл. 11, 12; Pr. t. 9, с. 11, 12.

dos, не можетъ быть отчуждаемо ни продажей, ни залогомъ: „Прежде брачныи даръ и его имѣніе аще и жена совѣщаетъ, не продается, ни взалозѣ полагается (Quae res ad ante nuptias donationem et dotem pertinent, nec consentiente muliere alienatur aut opprignerantur....) аще не сотворитъ о немъ втораго совѣщанія жена по двою лѣту, идѣже оубо мощно есть довольну ей быти другому имѣнію: ибо чрезреченное повелѣніе купли жены оубо не осудитъ, но повиненъ боуди ей“ ¹⁾ и „Аще оубо мужъ безъ воли своея жены, положить имѣніе ея нѣгдѣ, не твердо положеніе, аще же совѣщався сней положить, пако(с)титъ паки повелѣніе, аще вѣсть съ мужемъ совѣщавшися, аще ли жена видящи мужа своего продавающа имѣніе ея оумолчала боудеть, хитростію прельстити хотящи, куплю творяща съ мужемъ ея, тогда не помогутъ ей, прельщаемымъ бо женамъ, помогаетъ повелѣніе, а не лукавымъ“ ²⁾.

Бракъ существуетъ—есть возможность для существованія dos, но съ прекращеніемъ его, dos перестаетъ быть ею и возвращается обратно: „Написанныи бракъ составленъ есть, написаннымъ пристройнымъ образомъ, о трехъ достовѣрныхъ послухъ, по взакононыхъ нынѣ о насъ благочтивно, яко женѣ исповѣдати мужа совершенно, еже пристроя своеіе и несоблазнено и несквернено ея сохраненіе и соблюденіе и сколичество якоже достойно отнего совозвращеніемъ... аще ли ключитя жѣнѣ бездѣтей преже мужа оумрети, четвертую часть точію о всего якоже речено есть, исповѣданого отъ нея пристроя, въ евоемъ приобрѣтеніи оудержати емоу, и прочее полчетвертыя части таковаго пристроя, въ наслѣдникомъ въдати конечнаго ея обѣщанія, или въ несовѣщаннымъ нарицаемымъ ея наслѣдникомъ отдати“ ³⁾.

Мы видимъ, что первоначально выраженіе „приданое“ совсѣмъ не употребляется, а слово dos переводится словомъ „вѣно“ и также „пристроя“. „Вѣно“ употребляется въ главѣ 1, 3 гр. Зак. Градскихъ, въ значеніи брачнаго дара. По, до сихъ поръ, извѣстнымъ историческимъ актамъ, слово „приданое“ первый разъ вошло въ употребленіе въ XV вѣкѣ.

¹⁾ Зак. Град. гр. 9, гл. 13; Pr. t. 9, с. 13; Зак. Леон. и Конст. зач. 3, гл. 2; Зак. Град. гр. 8, гл. 1 и 8; Pr. t. 8, с. 1, 9.

²⁾ Зак. Град. гр. 9, гл. 18; гр. 8, гл. 1; Pr. t. 9, с. 18; t. 8, с. 1.

³⁾ Зак. Леон. и Конст. зач. 2, гл. 3 и 5; Leunclavii, Jus Gr.-Rom. T. 2, pp. 102, 103; Зак. Град. гр. 8, 9; Pr. t. 8, 9.

Въ этомъ отношеніи Владиміръ Святой былъ первый, который, по принятіи христіанства, издалъ уставъ, которымъ передалъ дѣла по семейственному праву въ вѣдѣніе лицъ духовнаго словія. Въ этомъ уставѣ о церковныхъ судахъ и о десятинахъ Владиміръ пишетъ: „Потомъ“, т.-е. послѣ принятія Русью христіанства, „разверзше *грецькзи номоканонз* и ѿбрѣтохомъ *внемъ* уже не подобаетъ сихъ соудовъ и тѣжъ. князю соудити. ни бояромъ его. ни соудьамъ. и азъ съгадавъ. съ своею княгинею съ анною. и съ своими дѣтми. далъ іесмы ты соуды церквамъ. митрополитоу и всѣмъ пискоупиамъ по роусьской землі... а се церковнии соуди. ршспустъ. смилноіе. заставаныіе. пошибаныіе. ѿмъчка. *промежи мужемъ и женою ѿ животль*. въ племени или въ сватьствѣ поимоутьса“ и т. д. ¹⁾). На этомъ основаніи, всѣ семейственныя отношенія подчиняются духовному суду, какъ и тѣ, которыя здѣсь прямо не переименованы, но которыя находятся съ ними въ тѣсной связи: прекращеніе брака, личныя и имущественныя права и обязанности супруговъ, изъ брака возникающія, и т. д. Тоже самое сообщаетъ о немъ лѣтописецъ: „Се же и по всей землѣ Русской въ всѣхъ княженіяхъ соборныя церкви епископомъ сотвори, по прежнимъ Греческимъ номованонамъ, и вся суды церковныя, и вся оправданіе церковнаа, даде по прежнимъ Греческимъ Номоканонамъ святѣй церкви пречистыа богородици, и отцемъ своимъ митрополитомъ. И заповѣда *никакоже* сихъ претворити, ни отъ рода его, ни отъ бояръ его и отъ прочихъ всѣхъ до скончанія міра, *никакоже* дрзнути на церковнаа и святительская. И положи написавъ клятву въ святѣй божественѣй церкви... *сице* глаголя: аще кто посудитъ сего моего установленія, *яже* уставихъ по преже насъ бывшихъ Греческихъ номоканонахъ, да будетъ проклятъ“ ²⁾). В. К. Ярославъ начинаетъ свой Уставъ въ томъ же духѣ: „Се азъ Князь Великій Ярославъ, сынъ Володимеръ, по данью отца своего съгадалъ есми съ Митрополитомъ съ Ларіономъ, сложилъ есми съ Греческимъ Номоканonomъ, аже не подобаетъ сихъ тѣжъ судити Князю и Бояромъ. Далъ есмь митрополитомъ и епископомъ тѣ суды, что писаны въ правилѣхъ, въ Номоканонѣ, по всѣмъ го-

¹⁾ Доп. въ Ак. Ист. Т. I, № 1.

²⁾ Лѣт. по Ник. сп. стр. 65. Это же свидѣтельство приводится на стр. 45 „Обозрѣнія Кормчей книги“ барона Розенкампфа.

родамъ и по всей области, гдѣ Крестьянство есть“ ¹⁾. По его церковному уставу, духовному суду принадлежать также дѣла „аже мужъ оженится иною женою съ старою не распустився; свадебное, сговорное, бой, убійство и душегубство“. Въ Уставной грамотѣ В. К. Василя Димитріевича о судахъ церковныхъ В. К. пишеть, что онъ возобновляетъ ею древній уставъ о судахъ церковныхъ Св. Владиміра и Ярослава, согласно съ Греческимъ Номоканонѣмъ: „Се язъ Князь Великій Василій Дмитреевичъ всея Руси, сѣдъ съ своимъ отцемъ съ Кипріаномъ Митрополитомъ Кіевскимъ и всея Руси; управилъ есмь по старинѣ о судѣхъ о церковныхъ, изнашедъ старый Номоканонъ, какъ управилъ прадѣдъ мой Св. Князь Великій Володиміръ, и сынъ его, Князь Великій Ярославъ всея Руси, какъ управили они, сѣдъ съ Митрополиты, о судѣхъ церковныхъ, и списали Номоканонъ по Греческому Номоканону, что суды церковныя и вся оправданія церковная, какъ пошло издавна; потому же и мы нынѣча управили, *оже бы то недвижно было: николи напередъ впрокъ ни умножити бы, ни умалити, но тако бы то и стояло недвижно, какъ тѣ Великіи Святіи Князи вписали и укрѣпили* ²⁾.

Московскій соборъ, 1551 года, подтверждаетъ церковный уставъ Владиміра Святаго; говоря о святительскомъ судѣ, онъ приказываетъ: „А по *ряднымъ грамотамъ*. и по духовнымъ. и по кабаламъ. и въ поклажеехъ. и въ боехъ, и въ грабежахъ. и въ прочихъ во всякихъ дѣлѣхъ, oprичъ духовныхъ дѣлъ поповъ и діаконѣвъ. и всѣхъ причетниковъ. и мирскихъ людей. повелѣвають Святители бояромъ своимъ судити“.... и далѣе, говоря о судѣ десятильниковъ: „и судити имъ“, т. е. судъ десятильниковъ, „священниковъ и діаконѣвъ. и весь причетъ церковный и мірскихъ людей. *по ряднымъ грамотамъ* и по духовнымъ. и по кабаламъ. и въ поклажеехъ. и въ бою. и въ грабежу. и въ прочихъ духовныхъ дѣлѣхъ“ ³⁾.

Въ указной грамотѣ, Михаила Θεодоровича, о святительскомъ судѣ, Царь приказываетъ: „А Бояре наши Намѣстники Псковскіе и пригородскіе и Волостели и ихъ Тиуны въ Псковѣ и во Псковской землѣ и во всѣхъ пригородѣхъ Псковскихъ въ праваго и

¹⁾ Ис. Г. Р. Карамзина, Т. 2, пр. 108.

²⁾ Ис. Г. Р. Карамзина, Т. V, пр. 233.

³⁾ Стоглавъ, гл. 68.

въ виноватаго и въ судѣ Владычнѣ въ его Святительскіе суды въ монастырѣ и въ церковные, люди не вступаются; а вѣдаютъ тѣ суды и весь причетъ церковный и во всякихъ дѣлѣхъ, а *мірскихъ людей въ духовныхъ дѣлѣхъ и въ зауморныхъ животныхъ и въ приданомъ* и во всякихъ духовныхъ дѣлѣхъ по правиламъ Святыхъ Апостолъ и Святыхъ Отець и по нашему Царскому Уложенію Архіепископъ самъ, или кому прикажетъ ¹⁾. Тѣ же самыя предписанія встрѣчаются и въ различныхъ указныхъ митрополичьихъ грамотахъ, духовнымъ, имъ подчиненнымъ, лицамъ, о церковномъ судѣ и управленіи. Въ царствованіе Алекс. Мих. Новгородскій митрополитъ Макарій пишетъ подчиненному ему архимандриту: „А буде... всякихъ чиновъ люди въ нашихъ духовныхъ и въ росправныхъ дѣлѣхъ учнутъ намъ бити челомъ и челобитные тебѣ подавати, и ты бы тѣхъ людей вѣдалъ и судилъ и межъ ими росправу чинилъ по правиломъ Святыхъ Апостолъ и Святыхъ Отець, и по Царскому и по Соборному Уложенію“ ²⁾.

Новгородскій митрополитъ, Евѳимій, въ указной грамотѣ архимандриту Антонію приказываетъ: „... поповъ, и діаконовъ, и всѣхъ церковныхъ причетниковъ, и всякаго чина мирскихъ людей, въ духовныхъ и во всякихъ нашихъ росправныхъ дѣлахъ судомъ и управою, во всемъ вѣдалъ, и указъ чинилъ по святымъ правиломъ и по Соборному Уложенію“ ³⁾. О полномъ единеніи духовныхъ и свѣтскихъ дѣлъ, въ сферѣ церковнаго суда, свидѣтельствуесть Котошихинъ: „Патріархъ, и митрополиты“, пишетъ онъ, „и архіепископы, и епископы, и монастыри, вѣдаютъ своихъ подданныхъ крестьянъ противъ того жъ, какъ вѣдаютъ въ царскомъ Дому его крестьянъ во всякихъ дѣлахъ и податѣхъ, кромѣ розбойныхъ и иныхъ великихъ уголовныхъ дѣлъ“. И дачѣ: „... А бывають у патріарха и у властей судные дѣла, въ духовныхъ статьяхъ и смертяхъ и в—ныхъ во всякихъ дѣлахъ, противъ того жъ что и въ царскомъ судѣ, всякому чину мужскому полу и женскому, кромѣ розбойныхъ и татинныхъ и пожегныхъ дѣлъ“ ⁴⁾.

¹⁾ Др. Росс. Вивлюенка ч. XV, № XIII, стр. 214.

²⁾ Ак. Ист. Т. 4, № 151.

³⁾ Акты Истор. Т. 5, № 244.

⁴⁾ Котошихинъ, О Росс. въ Царств. А. М., гл. XI, ст. 2; гл. VII, ст. 45.

Уставъ Владиміра Св. о церковныхъ судахъ, оставался на Руси во всей своей силѣ до тѣхъ поръ, пока Петръ I не передалъ дѣла по семейственному праву въ вѣдѣніе свѣтской власти. На уставъ Владиміра долго смотрѣли, какъ на образецъ; на него ссылается московскій соборъ 1551 года и въ постановленіи о подсудности семейственныхъ дѣлъ духовной власти, подтверждаетъ его ¹⁾). Даже Патріархъ Андрианъ, современникъ Петра I, смотритъ на уставъ Владиміра Св., какъ на одинъ изъ *основныхъ законовъ русской церкви* ²⁾ Согласно подсудности духовному сословію дѣлъ объ имуществахъ супруговъ, о ихъ взаимныхъ правахъ и обязанностяхъ и въ особенности дѣлъ о приданомъ, со времени введенія христіанства до Петра I, дѣйствовали въ отношеніи ихъ Греко-Римскіе законы. Это подтверждается, какъ прямыми указаніями духовенства и свидѣтельствами Великихъ Князей, такъ и тѣмъ, что собственно русскихъ законовъ о приданомъ *совсѣмъ не было*. Насколько безцеремонно духовная власть пользовалась Греко-Римскими законами и заставляла слѣдовать ихъ предписаніямъ, ясно показываетъ грамота патр. Адриана, Аванасію, Архіепископу Холмогорскому и Важскому... „А принимаются духовныя къ свидѣтельству и въ совершенное утверженіе рукою святѣйшаго Патріарха подписываются, *которыя писаны правильно*, о наслѣдницахъ и о раздѣленіи имѣнія бездѣтной женѣ съ сродниками умершаго или съ дѣтми отъ первыя жены; а *правильныя вины* такому роздѣленію надлежать въ законѣ градскомъ, грань 21, 22, 23 отъ листа 445 до листа 448, до главы 24 Леона царя и Константина во главѣ 50, отъ листа 504, зачатокъ 5, до листа 506, до зачатка 6“, или „... А *правильныя статьи* надлежать въ роздѣленію животовъ послѣ умершаго сичевы: законъ, Богомъ данный Моисею, во главѣ 45, на листу 364 на оборотѣ, о наслѣдницѣхъ, отъ числѣ 10; вторая жена послѣ мужа останется съ дѣтми и выдетъ за другою мужа, что ей указываетъ о наслѣдїи, о томъ *правильныя статьи Закона Градского* въ главѣ 49 грань 6 на листу 412, 5 статей; *кто на комъ ищетъ приданого, въ*

¹⁾ Стог. 60 и 63.

²⁾ См. въ Собраніи статей о святительскомъ судѣ, собранныя по повелѣнію Патріарха Андриана въ 1700 году. Чт. Моск. общ. исторіи о древ. Росс. Годъ III, № 4. О Кормчей.

Законъ жь Градскомъ грань 8; о исправленіи вѣна грань 9; о отпщеніи вѣна и тяжестей его, въ Законѣ жь Градскомъ во главѣ 49“ и т. д. ¹⁾. Въ соборномъ опредѣленіи 1667 года, Мая 28-го, находится перечень дѣлъ, находящихся въ завѣдываніи Патріаршаго Разряда, въ которомъ, между прочимъ, поименованы дѣла: „На боярь и окольничихъ, и думныхъ, и всякихъ чиновъ людей, по духовнымъ и по *ряднымъ записямъ судъ и указъ*... Мужіе на женъ и жены на мужей въ прелюбодѣяннн и въ иныхъ дѣлахъ“ ²⁾. Естественно, что подсудность дѣлъ по семейственному праву, лицамъ духовнаго сословія, влекла за собою употребленіе и развитіе на Руси Греко-Римскихъ гражданскихъ законовъ. Владиміръ Святой, ирестившій Русь и передавшій дѣла по семейственному праву въ вѣдѣніе лицъ духовнаго сословія — былъ первый, который способствовалъ этимъ принятію и распространенію понятія о приданомъ въ духѣ Римскаго Права. Но никогда, какой-либо обычай не утверждается вдругъ въ средѣ племени, перенявшаго его: проходятъ вѣка, пока, наконецъ, дѣйствительная жизнь народа не проникнется вопляѣ его духомъ, и, давъ ему мѣсто на страницахъ своего законодательства, считаетъ нарушеніе его предписаній, какъ преступленіе. Духовное сословіе далеко не быстро успѣло привить понятіе о приданомъ въ средѣ русскаго народа. Со времени Ярослава I, изданная имъ Русская Правда, дополнительныя статьи его сыновей, Русская Правда временъ Владиміра Мономаха и сказанія лѣтописцевъ — не даютъ намъ указаній о существованіи приданаго въ древней Руси. Но это еще не все. Изъ письменныхъ актовъ XII, XIII и XIV вѣковъ, мы не имѣемъ извѣстій о назначеніи приданаго по случаю брака; мы даже не встрѣчаемъ слова „приданое“. Только изъ актовъ XV вѣка, мы имѣемъ нѣсколько указаній о началѣ существованія этого обычая, хотя еще въ весьма узкихъ размѣрахъ; но, уже изъ временъ позднѣйшихъ, мы имѣемъ множество актовъ, въ которыхъ лица дѣлають различныя распоряженія относительно назначенія приданаго, причемъ употребляя въ актѣ выраженіе „приданое“. выраженіе, доказывающее, что въ это время вошло

¹⁾ Акты Арх. Эксл. Т. 4, № 309.

²⁾ Idem, Т. 4, № 155.

въ употребленіе это слово и была понята сущность этого выраженія. Но въ положительномъ законодательствѣ, оно впервые появляется въ концѣ XV вѣка, именно: въ Законахъ В. К. Іоанна III, 1497 года; хотя спеціальнаго узаконенія о приданомъ они не содержатъ, но оно упоминается вскользь, въ главѣ „О полной грамоте“: „...по робѣ холопъ, по холопѣ роба, *приданои холопъ*, по дѣховной холопъ“. Точно также, только отдѣльнымъ выраженіемъ, встрѣчается оно въ половинѣ XVI вѣка, въ Судебникѣ Іоанна IV, 1550 г., въ главѣ „О холопствѣ сѣдъ“: „по робѣ холопъ, по холопе роба, по дѣховной холопъ, по *приданои робѣ* холопъ, а по холопѣ роба“.

Какъ и слѣдовало ожидать, что первые письменные акты о назначеніи приданаго, по случаю брака, должны были принадлежать, первоначально, одному только привилегированному сословію, но не какъ не всему народу, ибо оно, какъ сословіе, стоящее близко къ русскимъ Великимъ Князьямъ, которые, совмѣстно съ духовенствомъ, издавая законы, заимствуя чужіе, перенимая чуждые обычаи — были именно тѣ лица, которыя ввели его въ употребленіе и распространили его. Такимъ образомъ, рядныя записи, т.-е. письменные акты, посредствомъ которыхъ совершалось назначеніе приданаго, начинаются только съ XVI столѣтія. Первая рядная запись, которая намъ до сихъ поръ извѣстна, относится къ 1542 году, именно: рядная запись на приданое княгини Соломонида Пронской ¹⁾.

Такъ какъ, древніе законодательные памятники до Уложенія Алексѣя Михайловича, ничего не сообщаютъ намъ о приданомъ, то тѣмъ болѣе въ нихъ ничего не упоминается о томъ, что могло быть назначаемо въ приданое, ни о томъ, въ чью собственность оно переходитъ, при или послѣ заключенія брака и т. д.; поэтому, разъясненіе этихъ вопросовъ мы можемъ найти только въ рядныхъ записяхъ и въ прочихъ юридическихъ актахъ, въ которыхъ о немъ говорится. Уже съ перваго взгляда, все, что касается приданаго, представляется крайне неразвитымъ, гру-

¹⁾ Акты Юрид. № 392. Въ актахъ (давныхъ) записанныхъ въ крѣпостной книгѣ XVI вѣка, сообщенныхъ Лакіеромъ (Архивъ Ист. Юрид. свѣд. Колачева, II, отд. II, ст. 39 и слѣд.) и посредствомъ которыхъ совершалось назначеніе холоповъ въ приданое, достойно глубокаго вниманія ихъ форма: „даю въ приданое за своею дочерью или сестрою такую-то, зятю своему такому-то“.

бымъ, неразработаннымъ. Оно носитъ на себѣ отпечатокъ не національнаго права, а заимствованнаго обычая, оно долго не имѣетъ даже мѣста въ положительномъ законодательствѣ и не имѣетъ тамъ своего опредѣленія. Однимъ словомъ, обычай, заимствованный изъ Римскаго Права, по развитію, опредѣленности и законченности, составляетъ его крайнюю противоположность. Они находятся точно въ такомъ же отношеніи другъ къ другу, какъ копія къ оригиналу: смыслъ тотъ же, но сила творчества различна. Заимствованіе этого обычая идетъ такъ далеко, что перенимается само слово „dos“. Слово „приданое“ — буквальный переводъ римскаго „dos“. Dos происходитъ отъ do, dare, donare, dotare — даю, давать, надѣлять, одарять. По Римскому Праву гражданскій бракъ не обусловливается dos, а напротивъ, dos обусловливается бракомъ, т.-е. что само существованіе dos въ реальной дѣйствительности, возможно только при бракѣ — переносится и въ русское право, что приданое можетъ существовать только при бракѣ, т.-е., имущество при бракѣ данное: „при“ остается, „бракѣ“ опускается, и является сокращенное „при(бракѣ)даное“ или „при(бракѣ)данное“, которое совершенно достаточно для понятія этого рода имущества, ибо дѣйствительное существованіе приданнаго возможно только при бракѣ. При отсутствіи послѣдняго, существованіе перваго немислимо.

Въ первой рядной записи 1542 года, мы находимъ назначеніе въ приданое недвижимаго имѣнія: мать даетъ своему будущему зятю: вотчину, десять деревень, десять людей и пятьдесятъ рублей, въ приданое. „Се язъ княгини Марья, княжъ Иванова дочь Кѣмского княжъ Константинова жена Ахметекевича Согорского, даю дочерь свою княгиню Соломону княжъ Андреевскую жену Юрьевича Пронского за князя за Данила Васильевича Хованскаго;... да даю зятю своему князю Данилу Васильевичю, *въ приданое вотчину...* Да по отца своего духовной грамотѣ, далъ князь Костянтинъ изъ своіе половины матерѣ своей княгинѣ Марѣ десять деревень, до еѣ живота,... а послѣ матери моіе живота и *та десять деревень зятю же моему князю Данилу Васильевичю; да десять головъ людей служниихъ и двавыхъ; да пятьдесятъ рублейъ денегъ, за платье, и за са-*

женье, и за манисто, за серги и за запястье“¹⁾). Такъ какъ, до половины XVI вѣка, мы не имѣемъ рядныхъ записей, то для насъ пока остается тайной, могло-ли быть назначаемо, до этого времени, недвижимое имущество въ приданое²⁾). Хотя первыя извѣстія о началѣ его существованія и относятся къ XV вѣку, но эти извѣстія состоятъ изъ самыхъ отрывочныхъ свидѣтельствъ. Это суть духовныя частныхъ лицъ изъ XV вѣка. Въ нихъ говорится, хотя и весьма отрывочно, но только о движимомъ приданомъ и большей частью о приданныхъ людяхъ. Въ духовной Александра Белеутова, 1472 года, пишется: „..а Нестера да его сына Ондрѣица отпустилъ есми на слабоду, а что за Нестеромъ жены моей *приданая Анниша* и въ той волна моя жена, а что Аннины дѣти, *моее жены приданые*“... и далѣе: „А что *моее жены люди приданые*, Борисъ съ женою да съ сыномъ съ Матицю, да дочь его Анпица Нестерова жена: и въ тѣхъ своихъ *модехъ въ приданыхъ* моя жена Федосья волна“³⁾). Ранѣе еще, въ духовной 1459 года⁴⁾), между прочимъ, говорится „...а что *ми дали въ приданыхъ паронка да девочку*“. Въ духовной грамотѣ Княгини Іуліаніи, супруги Князя Василія Борисовича Волоцкаго, 1503 года, пишется: „...А что жемчюгу и каменья на томъ колпакѣ, и тотъ жемчюгъ и каменье дочери моей *приданое* Аннино... да дочерижъ моей *приданое* Аннино платье мужское и женское, шуба на соболѣхъ“...⁵⁾ и т. д. Въ духовной князя, Никиты Александровича Ростовскаго, 1548 года, князь пишетъ: „А которые мои люди поймали дѣвки и жонки приданые жены моей и княгинины робята приданые поймали мои дѣвки и женки, и въ тѣхъ людяхъ во всѣхъ княгиня волна“⁶⁾). Выраженіе „приданой холопъ“, которое мы встрѣчаемъ въ актахъ XV вѣка, дѣлаетъ весьма достовѣрнымъ предположеніе, что, первоначально, въ приданое были назначаемы только одни движимыя вещи и преимущественно люди, тѣмъ болѣе, что вы-

¹⁾ Акты Юрид. № 392.

²⁾ Въ Актахъ от. до юрид. б. др. Россіи находится, впрочемъ, мѣновный актъ отъ 1479 года, въ которомъ говорится о приданой землѣ, какъ о собственности того лица, который производить мѣну (Т. II, № 156, VIII).

³⁾ Акты Юрид. № 410.

⁴⁾ Акты отн. до юрид. быта др. Росс. Т. I, № 84, I.

⁵⁾ Собр. Румян. № 7. I, № 131.

⁶⁾ Акты Юрид. № 420.

раженіе „приданой холопъ“ употребляется въ Законахъ Іоанновъ III и IV ¹⁾. Относительно назначенія недвижимыхъ вещей ²⁾, пока мы не имѣемъ никакихъ твердыхъ, положительныхъ данныхъ. Обычай, давать, при случаѣ, холоповъ существовалъ, какъ мы видѣли, въ древности и на Западѣ, съ тѣмъ различіемъ, что холопы входятъ въ составъ брачнаго дара. Такимъ образомъ, первая рядная запись, 1542 года, представляетъ намъ первое положительное доказательство того, что въ половинѣ XVI столѣтія вошло въ употребленіе или открыто дозволялось закономъ назначать въ приданое недвижимое имущество. Относительно назначенія вотчинъ въ приданое, указъ Іоанна IV, 1562 года, воспрещаетъ служилымъ князьямъ назначать въ приданое старинныя княжескія вотчины. Въ случаѣ отсутствія мужскаго потомства, его вотчина берется на Государя, а если оставшееся имущество недостаточно для состава приданого, то Государь назначаетъ приданое изъ своей казны, смотря по достоинству вотчины, которую беретъ себѣ ³⁾. Тотъ же указъ былъ подтвержденъ Соборнымъ приговоромъ, 1572 года. Относительно жалованныхъ вотчинъ, Соборъ 1572 года постановилъ: „А у котораго боярина такія-жъ вотчины Государскаго данья, а не ихъ старинныя вотчины, и тѣ вотчины послѣ того, котораго не станетъ, бездѣтна боярина, а та вотчина по Царской грамотѣ пожалована, и кому какова грамота будетъ дана, ему и его женѣ и его дѣтямъ и его роду, по тому и быти; а у котораго въ грамотѣ будетъ ему одному вотчина написана, и послѣ его та вотчина на Государя. А не будетъ у кого Государевы грамоты, и такія вотчины послѣ того, кого не станетъ, на Государя, хотя у кого и дѣти будутъ“ ⁴⁾. Изъ законовъ Мих. Ѳед. 1628 года, видно, что онъ вообще позволилъ выслуженныя вотчины, какъ продавать и закладывать, такъ и назначать въ приданое ⁵⁾. Въ жалованной грамотѣ, Михаила Ѳеодоровича, 1625 года, иноземцу, Юрію Безсонову, на сто двадцать четвертей вотчинной земли ⁶⁾, вручается послѣднему право продажи, залога и дачи

¹⁾ Дополненіе 2-ое.

²⁾ См. единственный актъ, приведенный на предыдущей стр. во 2-мъ прим.

³⁾ Альты истор. Т. I, № 154, XVIII.

⁴⁾ Idem, Т. I, № 154, XIX.

⁵⁾ Ук. Росс. Зак., Максимовича. Ч. I, ст. 139.

⁶⁾ Акты отв. до юрид. б. Т. I, № 30, VI.

въ приданое пожалованную ему вотчину. По радной записи 1691 года ¹⁾, отецъ даетъ въ приданое, кромѣ различныхъ движимыхъ вещей: пустоши, пашню, сѣнные покосы и уголья изъ своей вотчины. Какія разнородныя вещи давались въ приданое, показываетъ слѣдующая радная записъ, 1622 года: „Се язъ Марко Ивановъ сынъ Скоровской, крестьянинъ Прилуцкаго монастыря, стоворилъ есмь съ Епестеміею Окинѣевою дочерью, прозвище Милава: взяти мнѣ Марку за себя Епестемія; а съ нею Спасовы земли, въ Выпругѣ, полплуга земли, съ дворомъ и съ насѣяною рожью, да сухого хлѣба, ржи и овса и ячмени, сорокъ четвертей; да платя съ нею: сукно на однорядку настрафилъ синее, да шунунъ студеной сукно зелено, ношень, да однорядка держана, да шунунъ теплой ношень, да ожерелье жемчужное, а у него шесть пугвиць, да двѣ шапки женскихъ камчатыхъ лазорева да красная, одна съ круживомъ съ жемчужнымъ, да двои серги серебряныхъ съ жемчюги съ золочены, да у четырехъ дочерей по двоимъ сергамъ; да съ нею же сынъ Василій, да двѣ кобылы, да жеребчикъ лонской, да семь овецъ съ ягняты, да одиннадцать рублевъ денегъ, да купленая пожня Житушка, да пятеро свиней, да корова бура; да у меня у Марка живота пришло въ домъ къ ней: два мерина, одна сѣдломъ, да кобылка лонская, да десять рублевъ денегъ, да двѣ овцы, да баранъ, да тридцать четвертей хлѣба, ржи и овса и ячмени, да однорядка настрафилъ синей, да серги двоичны да одинцы красное каменье серебряныхъ позолоченыхъ“ ²⁾. Кромѣ простыхъ росписей, т.-е. перечня всѣхъ вещей, которыя даются въ приданое, радныя записи содержатъ въ себѣ еще обязательства съ извѣстной неустойкой на случай его нарушенія. Вслѣдствіе этого, радныя записи носятъ также названіе „стоворныхъ“, т.-е. относящихся до договора относительно количества и состава приданаго. Эти договоры касаются также и срока женитьбы. Если въ опредѣленное время бракъ не состоится, то женихъ обязанъ выплатить родственникамъ невѣсты ту сумму, которая назначена въ договорѣ, въ случаѣ нарушенія съ его стороны брачнаго обязатель-

¹⁾ Акты Юрид. № 400.

²⁾ Акты Юрид. № 395. Акты отн. до юрид. быта др. Россіи. Т. III, № 334, I, IV, V, VI, VII, VIII, IX; № 36, VI.

ства. Точно такія же обязательства заключаются и съ родственниками невѣсты. Въ силу договора, они обязаны выдать все назначенное въ рядной записи приданое, также, въ опредѣленный срокъ устроить свадьбу и т. д. Въ случаѣ нарушенія условія родственниками невѣсты, послѣдніе обязаны выплатить выговоренную въ актѣ неустойку жениху, вслѣдствіе нарушенія съ ихъ стороны брачнаго условія. Котошихинъ ¹⁾, въ своемъ сочиненіи „О Россіи въ Царствованіе Алексѣя Михайловича“, пишетъ объ этомъ слѣдующее: „И они“, т. е. женихъ и его родственники и родственники невѣсты, „межь себя, съ обѣ стороны, учнутъ уговариватца о всякихъ свадебныхъ статьяхъ и положить свадьбѣ срокъ, какъ кому мочно къ тому времени изготовится, за недѣлю и за мѣсяць и за полгода и за годъ и болши; и учнутъ межъ себя писати въ записѣхъ свои имена, и въ третьихъ, и невѣстино, а напишутъ, что ему по зговору тоѣ невѣсту взять на прямой уставленной срокъ, безъ премѣненія, а тому человѣку невѣсту за него выдать на тотъ же срокъ, безъ премѣненія; и положить въ томъ писмѣ межъ собою зарядъ, будетъ тотъ человѣкъ на тотъ уставленный срокъ тоѣ дѣвицы не возметъ, или тотъ человѣкъ своей дѣвицы на срокъ не выдастъ, взяти на виноватомъ 1000 и 5000 или 10,000 рублей денегъ, сколько кто напишетъ въ записи“. Котошихинъ, въ томъ же сочиненіи ²⁾ сообщаетъ, что человѣкъ, намѣревающийся жениться, посылаетъ къ родственникамъ невѣсты узнать согласны ли они выдать ее за него, а также, сколько будетъ у невѣсты приданого „платьемъ, и денгами, и вотчинами и дворовыми людьми“. Относительно исполненія обязательствъ по ряднымъ записямъ, Царь Іоаннъ IV постановилъ: взыскивать обѣщанную сумму (назначенную въ актѣ) въ продолженіи пяти лѣтъ безъ процентовъ, по прошествіи пяти лѣтъ взыскивать проценты, какъ и по другимъ долгамъ ³⁾.

Но, для того, чтобы приданое имущество перешло-бы въ собственность мужа, требуется совершенія тѣхъ же дѣйствій, какія необходимы для приобрѣтенія всякаго другого имущества въ

¹⁾ О Россіи въ Царст. А. М. гл. XIII, ст. 3.

²⁾ Idem, гл. XIII, с. 3.

³⁾ Аекты Истор. Т. I, № 154, VII.

собственность. Это юридическое дѣйствіе называется „справкой приданого“, т. е. записать имущество за женихомъ въ вотчинныя книги Помѣстнаго Приказа. Въ особенности для имуществъ недвижимыхъ, какъ, напр., для вотчинъ, когда онѣ назначались въ приданое, это дѣйствіе было необходимо. Изъ юридическихъ актовъ, того времени, мы видимъ, что приданое во время брака переходитъ въ собственность мужа ¹⁾: онъ продаетъ, закладываетъ приданое имущество, вообще поступаетъ съ нимъ на правахъ полной собственности. Въ правой грамотѣ по спорному дѣлу о деревняхъ отъ 1561 года ²⁾, пишется: „Сезъ Василей Борисовъ сынъ Петлина занялъ есми у Некраса у Семенова сына Ѳедорова у Бронникова сто да десять рублей Московскихъ ходячихъ... на годъ, а въ тѣхъ есми денгахъ заложилъ у Некраса у Бронникова свою вотчину приданую, что есми ее взялъ за своею женою за Домною за Поздяковою дочерью Михайлова сына Баскакова у своей тещи у Орины у Есиповой дочери Ярцова въ приданныхъ“.

По купчей 1589 года ³⁾, мужъ продаетъ приданую вотчину своей жены. Въ купчей 1673 года ⁴⁾, мужъ вмѣстѣ съ женою продаютъ, какъ сказано въ купчей, „приданную свою вотчину“. Изъ этихъ купчихъ мы видимъ, что мужъ обращается съ приданнымъ имуществомъ, какъ съ своею собственностью, а въ правой грамотѣ, онъ прямо называетъ его „своею вотчиною“. Въ духовныхъ частныхъ лицъ изъ XV вѣка (стр. 63) мы уже видѣли, что мужъ распоряжается движимымъ приданнымъ, отдавая приказанія, кому оно должно принадлежать послѣ его смерти. Одновременно, онъ владѣетъ имъ вполне на правахъ собственности и не испрашиваетъ ни позволенія, ни согласія со стороны жены на продажу или закладъ приданой вотчины. Въ указной грамотѣ 1678 года ⁵⁾, В. К. Ѳед. Алек. говорится, что ему была подана жалоба стольникомъ его Андреемъ Самаринымъ на

¹⁾ Акты отн. до юрид. быта др. Росс. Т. III, № 304, V; № 312, II, III. Въ №№ 328, VI; 336, V, VII — говорится о приданомъ: даю зятю моему... даю зятю моему...

²⁾ Акты отн. до юрид. б. Т. I, № 52, VII. См. также въ Актахъ отн. до юрид. быта др. Росс. Т. I, № 119, II; Т. II, № 228, II. Также Акты Юрид. № 418.

³⁾ Акты отн. до юрид. б. Т. II, № 147, XXV.

⁴⁾ Idem, XXIX.

⁵⁾ Акты отн. до юрид. б. Т. I, № 60, II.

свою жену, что она заложила приданую вотчину и обратно получила ее вмѣстѣ съ данной на эту вотчину и челобитную за рубами, а между тѣмъ, эта приданая вотчина была записана за нимъ, стольникомъ Андреемъ Самаринымъ, въ Вотчинныя книги Помѣстнаго Приказа.

Этотъ отдѣлъ правъ, который до знаменательнаго 1649 года, никогда не былъ выраженъ въ законодательной формѣ, впервые вошелъ въ Собраніе Гражданскихъ Законовъ съ составленіемъ Уложения А. М., сосредоточивъ въ своихъ узаконеніяхъ о приданомъ *vinculum juris*—это все древняго обычнаго права. Обращаясь къ первому законодательству о приданомъ, мы должны прослѣдить, что давалось и дозволялось закономъ давать въ приданое и прослѣдить право мужа и жены на приданое во время брака, по Уложенію до законодательства Петра I. Что касается перваго—то Уложеніе подтверждаетъ только въ законодательной формѣ то, что ранѣе было принято давать въ приданое. Относительно выслуженныхъ вотчинъ, Уложеніе подтверждаетъ законъ Михаила Ѳедоровича и разрѣшаетъ, какъ продажу и закладъ ихъ, такъ и назначеніе ихъ въ приданое ¹⁾. Запретивъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, вдовамъ назначать себѣ въ приданое выслуженныя вотчины ихъ умершихъ мужей, данныя имъ въ томъ случаѣ на прожитокъ, когда всякое другое недвижимое имущество, какъ купленныя вотчины, отсутствуетъ ²⁾. Но если эта вотчина купленная—она принадлежитъ его женѣ: она можетъ съ ней дѣлать все что захочетъ ³⁾. Земли, купленныя отъ казны, Уложеніе прямо дозволило назначать въ приданое ⁴⁾. Въ 1680 году, это позволеніе подтверждается ⁵⁾. Въ 1649, а затѣмъ въ 1650 гг. Уложеніе безпрепятственно позволило родителямъ и вообще родственникамъ назначать въ приданое помѣстья ⁶⁾ и открыто позволило самимъ дочерямъ и вдовамъ назначать себѣ въ приданое, каждая, свое прожиточное помѣстье ⁷⁾. Случаи назначенія въ составъ приданого также помѣстій, встрѣчаются въ Указахъ

¹⁾ Уложеніе, гл. XVII, 42.

²⁾ *Idem*, XVI, 16.

³⁾ *Idem*, XVII, 2.

⁴⁾ Улож. XVII, 45.

⁵⁾ 1680. XIV, ст. 3.

⁶⁾ 1650 г., с. 42.

⁷⁾ Ул. XVI.

Михаила Федоровича ¹⁾. Такимъ образомъ, разрѣшеніе Уложенія назначать въ приданое помѣстье является въ видѣ подтвержденія предъидущаго. Помѣстье необходимо было „за собою справить“ жениху до женитьбы, иначе оно не переходитъ въ составъ его имущества. Этотъ законъ былъ обнародованъ указомъ А. М. въ 1648 году ²⁾. По Уложенію А. М., если женихъ до своей женитьбы не будетъ просить Государя о справкѣ за нимъ помѣстья, приданаго его невѣсты, то помѣстье ему не отдавать, а отдать родственникамъ невѣсты, малопомѣстнымъ, или безпомѣстнымъ, или совсѣмъ въ чужой родъ, въ случаѣ отсутствія первыхъ ³⁾. Въ 1651 году, было повелѣно: при справкѣ помѣстей за женихами, допрашивать прежде невѣсть, которымъ принадлежать помѣстья, Воеводамъ въ сѣѣзжей Избѣ, о ихъ непринужденномъ на то согласіи ⁴⁾. Въ 1682 году законъ допускаетъ одинъ случай, когда помѣстья можно было справить послѣ брака, это—когда невѣсты были допрошены по заручнымъ челобитнымъ до замужества, а если, кто жениться до допроса, то поступать по Уложенію, т.-е. отдать помѣстье родственникамъ невѣсты ⁵⁾. Вообще, въ приданое были назначаемы вещи, которыми женихъ имѣлъ право владѣть, какъ скоро онѣ переходятъ въ составъ его имущества. Но разъ, образовалось правило, что тяглыми имуществами могутъ владѣть только посадскіе люди, правило, принятое и Уложеніемъ А. М., то естественно, что если тяглыми имуществами могли владѣть только посадскіе и „тяглые торговые люди“, то нельзя было давать тяглое имущество въ приданое бѣломѣстцамъ ⁶⁾. Въ сговорной грамотѣ 1661 года ⁷⁾, дается въ приданое дворъ, но изъ грамоты видно, что женихъ посадскій человѣкъ. „По ряднымъ записямъ приданные дворы справливать за мужьями ихъ, хотя они тѣхъ дворовъ до женитьбы за собою и не справили, для того, что тѣ ихъ жены

¹⁾ См. Указная книга Ц. М. Ѳ.; помѣщ. въ Русс. Вѣстн. 1843 года, № 7—9

²⁾ Idem, ст. 146. См. также въ Актахъ отв. до юрид. быта др. Россіи. Т.:Ш № 334, П, Ш, X; № 336, Ш.

³⁾ Ул. X^{VI}, 20.

⁴⁾ 1651 г., ст. 59.

⁵⁾ 1689 г., ст. 930; 1688 г. № 1283.

⁶⁾ Ул. XIX.

⁷⁾ Акты Юрид. № 396.

тѣ свои дворы написали въ рядныхъ записяхъ за собою въ приданые¹⁾.

Къ числу самыхъ первыхъ извѣстій о составѣ приданого относится назначеніе холоповъ. Уложеніемъ это было подтверждено, но постановлено, что назначеніе холоповъ въ число, приданого имущества можетъ относиться только къ полнымъ холопамъ, такъ какъ, кабальное холопство продолжается только по смерти лица, къ которому поступили въ кабалу²⁾. Изъ различныхъ юридическихъ актовъ, перваго періода существованія приданого, мы видѣли, что оно, переходя къ мужу, становится полной его собственностью. Тоже самое мы видимъ и изъ положительнаго законодательства, которое продолжаетъ смотрѣть на него, какъ на имущество мужа, за которымъ оно признаетъ право продажи, заклада, вообще право отчужденія приданого имущества. Въ Патріаршемъ приговорѣ по дѣлу о взысканіи долговъ послѣ умершаго, 1657 года³⁾, говорится: „...а что было за нею (за женою) приданого, и то мужъ ее при себѣ за долгъ въ платежъ испродалъ, а иное въ закладъ отдалъ“. Онъ свободно можетъ переводить крестьянъ изъ приданныхъ вотчинъ въ свои помѣстья⁴⁾. Только начиная съ 1676 года, появляется рядъ указовъ, воспреещающихъ мужу отчуждать, различными способами, приданнаго вотчины. Въ силу указа 1676 года⁵⁾, жена можетъ требовать и получить обратно приданую вотчину, которую продалъ ей мужъ отъ своего имени „не любя ее“, а покупательъ долженъ требовать обратно деньги съ родственниковъ мужа продавца. Въ 1679 году⁶⁾ Боярскимъ приговоромъ было воспреещено мужьямъ продавать и закладывать отъ своего имени приданнаго вотчины женъ, „а родственницамъ ихъ“, т.-е. тѣхъ лицъ, которые „бьютъ челомъ, что мужья тѣхъ своихъ женъ, а ихъ родственницъ, бьютъ и мучать и велятъ имъ тѣ свои приданнаго вотчины продавать и закладывать, „своими именами“—ибо по указу 1676 года, отчужденіе приданой вотчины отъ имени мужа

1) 1686 г. № 1157, II, 4.

2) Ул. XX, 61.

3) 1657 г. ст. 210.

4) 1676 г. № 644, ст. 8.

5) 1676 г. № 650.

6) 1679 г. № 751.

считается недѣйствительнымъ,— „и то-бъ челобитье ихъ записать, чтобъ мужья ихъ, тѣхъ ихъ родственницъ вотчинъ женъ своихъ именами не продавали и не закладывали; и въ Помѣстномъ Приказѣ по такимъ купчимъ и закладнымъ, тѣхъ вотчинъ не записывать, и такимъ челобитнымъ отказывать, а родственницамъ ихъ приданыя свои вотчины продавать и закладывать своими именами вольно, и въ Помѣстномъ Приказѣ по купчимъ и по закладнымъ тѣ вотчины записывать“. Но, вѣроятно, это требованіе не исполнялось, такъ какъ, въ томъ же году, вторично вышелъ указъ „О неотчужденіи продажею и залогомъ мужьямъ отъ своего имени женниныхъ вотчинъ“ ¹⁾ ...а *впредь* женниныхъ вотчинъ мужьямъ, *своимъ именемъ* не продавать и не закладывать, и такихъ купчихъ и закладныхъ въ Помѣстномъ приказѣ не записывать“. Въ 1680 году, Боярскій приговоръ призналъ дѣйствительными купчія и закладныя на женины вотчины, если подписаны не одними мужьями, но и женами ²⁾ „...и *впредь* приговорили такія вотчины по купчимъ и по закладнымъ за тѣми людьми, кому будутъ проданы, или въ чемъ заложены, а въ купчей или въ закладной мужъ и жена написаны будутъ вмѣстѣ въ Помѣстномъ приказѣ въ записныя вотчинныя книги записывать“. Въ томъ же году, предъидущіе указы были еще разъ выяснены и подтверждены ³⁾.

Обращаясь къ судьбѣ приданаго по прекращеніи брака, мы видимъ, какъ далеко шло заимствование римской *dos*. Въ главныхъ, въ основныхъ чертахъ и, именно, въ трехъ главныхъ моментахъ: *dicere dotem*, какъ *ad matrimonii aera ferenda*, *puto*, *in bonis mariti fieri*, *recepticia dotis*—произошло заимствование и перенесеніе Римскаго Института *dos* ⁴⁾. Какъ въ Римскомъ Правѣ, сущность *dos* выражается, какъ „*ad matrimonii onera ferenda*“, слѣдовательно, имущество, существованіе котораго возможно только при бракѣ, съ прекращеніемъ его болѣе не можетъ существовать. Какъ и въ Римскомъ Правѣ съ прекращеніемъ брака одновременно прекращается и существованіе *dos*,

¹⁾ 1679 г. № 762.

²⁾ 1680 г. № 803.

³⁾ 1680 г. № 814, ст. 7.

⁴⁾ Дополненіе 3-е

съ возвращеніемъ ея тѣмъ лицамъ, которые ее первоначально дали,—точно также и въ русскомъ законодательствѣ приданое возвращается обратно, когда жена или мужъ умираютъ бездѣтными. Въ противномъ случаѣ, приданое остается у мужа или, вообще, у оставшагося въ живыхъ супруга, а потомъ переходитъ въ ихъ общимъ дѣтямъ. Въ случаѣ, когда приданое могло требоваться обратно, законъ дѣлаетъ различіе между вещами, входящими въ составъ недвижимаго приданаго имущества. Помѣстье, вошедшее въ составъ приданаго и справленное за мужемъ, никогда не возвращается обратно въ родъ жены. Остальное приданое имущество: движимое и недвижимое возвращается обратно. Общее правило Уложенія: приданое должно быть возвращено женѣ или вообще тѣмъ, кто давалъ: „А женамъ тѣхъ умершихъ, которые останутся бездѣтны, давать имъ изъ животъ ихъ четверть да приданое“ ¹⁾ „...а имать съ истцовъ искъ по сыску прямые ихъ животы, а не женъ ихъ приданое, и о томъ сыскивать накрѣпко, и женъ ихъ приданое выдавать женамъ, а въ истцовъ искъ приданныхъ животовъ не отдавать“ ²⁾, „...а по *правиламъ де Святыхъ*, приданое у зятевъ, послѣ которыхъ женъ дѣтей не останется, велѣно имать и отдавать тѣмъ, кто приданое давалъ“ ³⁾. Изъ общаго правила возвращенія приданаго послѣ смерти бездѣтнаго супруга составляетъ исключеніе: помѣстье. Мих. Фед., не воспрещая назначать помѣстья въ приданое, въ 1637 году, утвердилъ Боярскій приговоръ, что прожиточныя помѣстья женъ, справленныя за мужемъ, т.-е. вошедшія въ составъ приданаго, не могутъ требоваться обратно послѣ ея смерти ⁴⁾. Подтвержденіе этого мы видимъ въ законахъ 1676 года, гдѣ говорится: „которые люди давали за дочерьми зятьямъ своимъ помѣстья, вмѣсто приданаго, и тѣхъ помѣстей не поворачивать, а быть за зятьями“ ⁵⁾. Тоже самое подтверждается въ 1677 году ⁶⁾. Приданое, подлежащее возврату, можетъ требоваться, какъ отъ самаго мужа, такъ и отъ

¹⁾ Ул. XVII, 1.

²⁾ 1669 г. № 441, 64.

³⁾ 1681 г. № 860, 1.

⁴⁾ Ук. вн. М. Ф. ст. 123.

⁵⁾ 1676 г. № 633, 16.

⁶⁾ 1677 г. № 700, 20.

его родителей или его наследниковъ. Въ случаѣ продажи мужемъ приданой вотчины, она отнимается у покупателя, который имѣетъ право требовать вознагражденіе съ наследниковъ продавца ¹⁾. Если мужемъ были переведены крестьяне изъ приданой вотчины жены, на свои помѣстные земли, то, при возвращеніи вотчины, крестьяне должны опять быть переведены на приданую вотчинную землю ²⁾. Всего подробнѣе объ этомъ сообщаетъ Котошихинъ ³⁾: „А которой человекъ выдастъ дочь свою или сестру замужъ, и въ приданые за нею дастъ многіе животы и вотчины, и въ скоромъ времени дочь его или сестра замужемъ, не родя дѣтей, или дѣтей и родила, а посмерти, и сама умретъ: и тѣ всѣ приданые животы емлютъ у мужа еѣ и отдають назадъ тѣмъ людямъ, кто выдаетъ. А будетъ по смерти еѣ останется дочь, или сынъ, и у мужа еѣ для дѣтей животовъ не смають“. Точно также, приданые холопы возвращаются обратно, причемъ всегда соблюдается древнее правило: возвращать мужа и жену вмѣстѣ: если холопъ женится на приданой рабѣ или раба выходила за приданого холопа, то въ обоихъ случаяхъ, приданный холопъ или приданая раба возвращаются вмѣстѣ: „А кто кому старинныхъ своихъ или купленныхъ людей дастъ въ приданые за сестрою, или за дочерью, и судомъ Божиимъ тоя его сестры или дочери не станеть, а дѣтей послѣ ихъ не останется: и тѣхъ умершихъ мужемъ такихъ приданныхъ людей по рядовымъ записямъ отдавати тѣмъ людямъ, кто ихъ въ приданые дастъ, хотя будетъ у кого приданья женки, или дѣвки замужъ выданы, а мужики поженилися, и ихъ отдати совсѣмъ потому *по правилу Святыхъ Апостолъ и Святыхъ Отецъ жены съ мужемъ разводити не велмно: итъ мужъ, туть и жена; кому жена, тому и мужъ*“ ⁴⁾. Спорныя дѣла о возвращеніи приданого были подсудны духовной власти. Первое законодательное постановленіе объ этомъ, мы встрѣчаемъ въ указахъ Московскаго Собора 1551 года, гдѣ онъ говоритъ, что дѣла по имуществамъ и по *ряднымъ грамотамъ* находятся

¹⁾ 1676 г. № 650.

²⁾ 1676 г. № 644, ст. 8.

³⁾ О Россіи въ Царств. А. М. гл. XIII, ст. 15.

⁴⁾ Ул. XX, ст. 22.

въ вѣдѣніи суда духовнаго сословія ¹⁾. Въ разводной грамотѣ 1675 года ²⁾, по случаю постриженія, говорится отъ имени жены, что она взяла обратно свое приданое и въ будущемъ обязывается ничего болѣе не требовать у мужа и „ни о чемъ святителю и властямъ своимъ не бить челомъ“. Въ зазывной грамотѣ 1678 года ³⁾, данной патріархомъ Іоакимомъ, съ требованіемъ возвращенія приданого, пишется: „Биль челомъ намъ святѣйшему патріарху Трофимъ Лаврентьевъ сынъ Жубовъ, въ прошломъ де во 180 году выдалъ онъ племянницу свою дѣвку Ирину Гаврилову дочь за мужъ за Ондрѣя Иванова сына Порѣцого, а въ приданые далъ онъ за племянницею своею на сто рублевъ, и въ прошломъ во 186 году племянницы его Ирины не стало бездѣтной, и по рядной де записи людей и платья и всякой кузни и низанья ему онъ Андрѣй не отдасть, и намъ бы святѣйшему патріарху его пожаловать велѣтибъ по него Андрѣя Порѣцого дать нашу зазывную грамоту“. Въ записи, о полученіи приданого и четвертой части имущества, 1687 года ⁴⁾, читаемъ о полученіи обратно приданого и объ обязательствѣ не обращаться въ будущемъ съ жалобой „къ святѣйшему патріарху“. Въ одной духовной грамотѣ начала XVI вѣка ⁵⁾, отецъ, между прочимъ, пишетъ, что послѣ смерти своего зятя, мужа своей дочери, послѣдняя къ нему вернулась, но онъ не получилъ обратно приданое, которое далъ своей дочери. Въ духовной грамотѣ княгини Іуліаніи, 1503 года ⁶⁾, княгиня перечисляетъ всѣ вещи, которыя ей не были возвращены обратно послѣ смерти ея дочери.

На этомъ кончается развитіе приданого на Руси, т.-е. съ законодательствомъ А. М. или, говоря точнѣе, его дальнѣйшее существованіе кончается законодательствомъ Петра I. Такимъ образомъ, существованіе и развитіе приданого на Руси обнимаетъ собою историческій промежутокъ времени, приблизительно, въ три столѣтія: съ XV по XVIII вѣкъ, въ который, указами Петра I,

¹⁾ Стоглавъ, гл. 68.

²⁾ Акты Юрид. № 404.

³⁾ Акты отн. до юрид. б. Т. I; № 45. Т. III, № 304, v.

⁴⁾ Idem., Т. I, № 116.

⁵⁾ Акты Юрид. № 414.

⁶⁾ Собр. Рум. Ч. I, № 131.

былъ произведенъ рѣзкій, крутой поворотъ и дальнѣйшее существованіе приданаго было прекращено. Въ 1700 и 1701 годахъ ¹⁾, Петръ I издалъ указы, которыми передалъ спорныя дѣла по имуществамъ супруговъ и дѣла о приданомъ суду свѣтской власти. „Патріаршу приказу Разряду не быть, а дѣла и приводы, которыя въ томъ приказѣ есть по челобитью Бояръ и Окольничихъ и Думныхъ и Московскаго чина и городовыхъ Дворянъ и дѣтей Боярскихъ и Гостей и гостинныя сотни и Чернослободцевъ и купецкаго чина и иныхъ чиновъ людей, во всякихъ искахъ и въ иныхъ какихъ дѣлахъ, также которые дѣла были по челобитью Архіереевъ и духовнаго чина и поповъ съ причетники вышепоказанныхъ Московскаго и иныхъ чиновъ на людей: и тѣ дѣла и приводы и подъячихъ старыхъ и молодыхъ, у которыхъ нынѣ тѣ дѣла, отослать съ тѣми дѣлами въ тѣ приказы, въ которыхъ которые чины расправою вѣдомы, и впредь расправу чинить въ такихъ дѣлахъ въ тѣхъ приказахъ; а кто на кого билъ челомъ по *духовнымъ* и по *ряднымъ* и по инымъ какимъ крѣпостямъ въ помѣстьяхъ и вотчинахъ: *тѣ дѣла отослать и вѣдать въ Помѣстномъ Приказѣ*“. И далѣе, въ указѣ 1701 года: „И зауморнымъ животамъ и *ряднымъ записямъ* и *новымъ словорнымъ записямъ* и духовнымъ и инымъ всякимъ дѣламъ, о которыхъ въ Его Великаго Государя указѣ писано изъ Розряду, а тѣ дѣла напередъ сего вѣдомы были въ Патріаршѣ Розрядѣ, быть по прежнему Его Великаго Государя указу въ Московскомъ Судномъ приказѣ; а въ Патріаршѣ Духовномъ, такъ же и въ иныхъ Святѣйшаго Патріарха домовыхъ приказахъ *того не вѣдать*“.

Съ закрытіемъ Патріаршаго Разряда,—въ вѣдѣніи котораго до Петра I находились дѣла о приданомъ, и съ передачею ихъ свѣтской власти,—былъ нанесенъ тяжелый ударъ вліянію Греко-римскихъ законовъ, съ уничтоженіемъ ихъ источника и дальнѣйшему существованію и развитію приданаго въ этомъ духѣ, т.-е. въ духѣ Греко-римскихъ законовъ былъ быстро и окончательно положенъ предѣлъ Петромъ Великимъ. Съ окончательнымъ закрытіемъ источника, Греко-римскіе законы, въ этомъ отношеніи, потеряли свою силу и отъ римскаго института *dos*,

¹⁾ 1700 г. № 1818; 1701 г. № 1876.

пересаженнаго на почву русскаго права подъ именемъ приданаго—осталось одно только назнаніе. Римскій институтъ, постепенно привитой къ русскому праву и къ русской жизни, многолѣтними стараніями духовенства, Петръ не могъ, конечно, совершенно уничтожить, но онъ былъ Первый, который сталъ смотрѣть на приданое съ совершенно новой точки зрѣнія: онъ сталъ на него смотрѣть, какъ на совершенно отдѣльную и полную собственность жены, на которую мужъ не имѣетъ никакого права, какъ не имѣетъ права на собственность совершенно чужаго и посторонняго ему лица. Т.-е. сталъ смотрѣть на приданое такъ, какъ не смотрѣло ни одно законодательство, ни римское, ни остальные европейскія, упичтоживъ сущность *dos*, какъ „*ad matrimonii anega ferenda*“, которая уничтожалась сама собой, какъ скоро Петръ далъ совсѣмъ другое значеніе приданому, опредѣливъ, что оно есть отдѣльное имущество жены, а не имущество, цѣль котораго „облегчить тяжести брака“. Это новое направленіе приданаго имущества, въ русскомъ законодательствѣ, впервые выразилось въ указѣ 1714 года ¹⁾, которымъ Петръ Великій учредилъ новый порядокъ наслѣдованія. Въ немъ говорилось: „А у кого будутъ дѣти отъ разныхъ женъ, и за матерями ихъ были приданья помѣстья и вотчины, а отецъ ихъ учинить наслѣдникомъ одного: и та воля отеческая *на его токмо отеческія недвижимыя имѣнія, а въ матернихъ* быть наслѣдникомъ дѣтямъ ихъ. Тѣмъ же образомъ чинить и женскому полу, которая будетъ имѣть дѣтей отъ разныхъ мужей. И тако сей указъ (пунктъ) долженъ въ дѣйствительной быть силѣ до тѣхъ мѣстъ, донеле же оныя дѣти, которыя родились до сего указа, въ недвижимыхъ приданныхъ матерей своихъ наслѣдниками будутъ, ибо впредь съ недвижимымъ приданымъ уже никого не будетъ“. Этотъ новый взглядъ на приданое, какъ на отдѣльное имущество жены, выразился еще яснѣе въ указѣ 1716 года ²⁾: „Такожде и по смерти мужа, женѣ бездѣтной изъ недвижимыхъ и движимыхъ его имѣній и изъ долговъ письменныхъ дать четвертую часть въ вѣчное жъ владѣніе; *а ея недвижимое и движимое, съ чѣмъ*

¹⁾ 1714 г. № 2789, п. 8.

²⁾ 1716 г. № 3613.

она шла за него замужъ, или по родству ей данное, по свидѣтельству письменному при ней да будетъ“. Тотъ же указъ былъ подтвержденъ и выясненъ въ 1725 году ¹⁾: „Такія недвижимыя, которымъ вдовамъ дачи учинены до новосостоявшихся пунктовъ, а онѣ вышли замужъ въ пунктахъ, и хотя мужья ихъ до женитьбы за собою и не справили, то въ вину не ставить, понеже то недвижимое женъ ихъ собственное и дачи имъ учинены до пунктовъ, и мужья ихъ въ ихъ собственныхъ недвижимыхъ по 8-му пункту не вольны“. До этого указа о новомъ взглядѣ на приданое имущество, отмѣнены Петромъ I, въ 1702 году, прежнія рядныя сговорныя грамоты или записи съ неустойкой, порядке совершенія которыхъ нѣсколько разъ подвергался измѣненію, вмѣсто нихъ велѣно писать приданому заручныя росписи ²⁾. Тотъ же указъ былъ подтвержденъ въ 1704 году ³⁾: „А рядныя и сговорныя записи оставить, и впредь ихъ у крѣпостныхъ дѣлъ не писать; а вмѣсто того писать у крѣпостныхъ дѣлъ приданому росписи за руками, а заряду никакого въ тѣхъ записяхъ не писать“. Вслѣдствіе новаго взгляда о значеніи приданого имущества, естественно измѣнился порядокъ его приобрѣтенія. Разъ, закономъ было признано, что приданое есть полная собственность жены, прежняя справка недвижимаго приданого за женихами должна была естественно и сама собой прекратиться и наоборотъ перенестись на невѣсту или на жену, т.-е., что со стороны послѣдней требуется совершеніе тѣхъ дѣйствій, какія необходимы для приобрѣтенія всякаго недвижимаго имущества въ собственность ⁴⁾. При такомъ новомъ взглядѣ, приданое окончательно утрачиваетъ свой первоначальный смыслъ и представляетъ слово безъ всякаго значенія въ дѣйствительности, реальный образъ котораго болѣе не существуетъ. Оно есть ничто иное, какъ отдѣльное имущество жены, носящее характеръ личной, неприкосновенной собственности, собственности, которая можетъ увеличиться по случаю брака. Но вполне естественно, что принципъ новаго вида имущества *ad matrimonii*

¹⁾ 1725 г. № 4722, п. 9, докл. 6, резол. 1.

²⁾ 1702 г. № 1907.

³⁾ 1703 г. № 1927.

⁴⁾ 1725 г. № 4722, п. 9, докл. 6, резол. 1 и 2.

ацера *ferenda*“, всосавшійся въ плоть и кровь русскаго народа, многолѣтними трудами духовенства и тѣ права, которыя были съ нимъ связаны — не могли моментально прекратиться съ изданіемъ новаго закона Петра I. Его новый взглядъ такъ же медленно проникалъ въ слои народа, какъ первоначальныя усилія духовенства ввести дотальное имущество въ брачную жизнь. Мужу только не принадлежитъ приданое по закону въ полную собственность: имъ онъ только не владѣть, но не по закону, въ дѣйствительности — продолжаетъ имъ пользоваться и распоряжаться. *De jure* — оно имущество жены, *de facto*, и только въ силу древняго правила — оно продолжаетъ быть имуществомъ мужа. Изъ Сенатскаго указа, 1744 года, по спорному дѣлу о приданыхъ людяхъ, видно, что мужъ распоряжается приданнымъ имуществомъ и выдаетъ приданыхъ крѣпостныхъ женщинъ за своихъ людей и при возвращеніи приданого продолжаетъ быть въ силѣ 62 статья XX главы Уложения А. М. ¹⁾).

Обращаясь къ законамъ, регламентирующимъ судьбу дотального имущества съ прекращеніемъ брака, современнымъ Петру I, послѣдній, еще до признанія приданого отдѣльной и полной собственностью жены, а именно въ 1702 году ²⁾, издалъ указъ, одновременно съ уничтоженіемъ рядныхъ и стоворныхъ грамотъ, что послѣ смерти бездѣтной жены, кромѣ вотчинъ, помѣстій и дворовъ назадъ ничего не возвращать. Уже въ этомъ указѣ говорится о возвращеніи обратно помѣстій, а въ 1712 году, Сенатскимъ указомъ ³⁾ ясно и опредѣленно отмѣнялись всѣ предъидущія постановленія о невозвращеніи помѣстій обратно въ родъ жены, постановивъ, что помѣстья, какъ и вотчины въ извѣстномъ случаѣ, должны быть возвращены обратно: „Правительствующій Сенатъ приговорили: вдовѣ Марьѣ Ильинской женѣ Загряжскаго помѣстья ея, которое она въ 709 г. дала за дочерью своею въ приданые Петру Есипову, дать ей по прежнему, для того что послѣ зятя ея дѣтей не осталось. А что по указу 191 года, такихъ помѣстій кто дастъ въ приданые, поворачивать не велѣно и тотъ указъ отставить. И впредь о

¹⁾ 1744 г. № 9095.

²⁾ 1702 г. № 1907.

³⁾ 1712 г. № 2617.

такихъ помѣстьяхъ, кто сего числа дастъ въ приданые, а зятя помрутъ, а дѣтей не останется, чинить по сему указу, противъ того какъ вотчины изъ за приданства поворачивать велѣно“. Одновременно, когда новое понятіе о значеніи приданого имущества постепенно входило въ законодательство, Петръ, въ 1714 году ¹⁾, въ указѣ о порядкѣ наслѣдованія въ движимомъ и недвижимомъ имуществахъ, подчинилъ возвращеніе приданого слѣдующему закону: Въ случаѣ смерти мужа, отдавать бездѣтной женѣ все его недвижимое имущество въ пожизненное владѣніе, или до выхода въ замужество, или до постриженія въ монашество. Ея приданья деревни и движимое имѣніе мужа, возвращать ей съ правомъ полной собственности. Слѣдовательно, она получала все приданое имущество, движимое и недвижимое въ томъ или другомъ видѣ. Въ 1716 году ²⁾ появился новый указъ о наслѣдованіи супруговъ, который долженъ былъ дополнить предъидущій, въ немъ говорилось: супруги при дѣтяхъ получаютъ, одинъ послѣ другого изъ всего оставшагося недвижимаго и движимаго имѣнія, четвертую часть. Бездѣтной женѣ отдать, послѣ смерти мужа, четвертую часть изъ его движимаго и недвижимаго имущества въ вѣчное владѣніе, ея приданое имущество, какъ движимое, такъ и недвижимое, остается при ней. Мужъ же получаетъ, послѣ смерти бездѣтной жены, четвертую часть изъ движимаго и недвижимаго имущества въ вѣчное владѣніе. Въ 1725 году ³⁾ предъидущій указъ былъ подтвержденъ и въ немъ опредѣленно сказано, что послѣ умершихъ, оставшіеся супруги наслѣдуютъ, одинъ послѣ другого, четвертую часть изъ движимаго и недвижимаго имущества, будутъ дѣти или нѣтъ.

Если послѣ того, какъ Петръ Великій далъ совершенно новое направленіе понятію о дотальномъ имуществѣ — могли возникнуть нѣкоторыя недоразумѣнія, то, всѣ сомнѣнія были окончательно уничтожены 110 ст. X Т. Свода Законовъ. „Приданое жены, равно какъ имѣніе, прибрѣтенное ею, или на ея имя, во время замужества, чрезъ куплю, даръ, наслѣдство или инымъ законнымъ способомъ, признается ея отдѣльною собственностью“.

¹⁾ 1714 г. № 2789, п. 9.

²⁾ 1716 г. № 3013.

³⁾ 1725 г. № 4722. п. 9, докл. 1.

Изъ этого общаго правила, первый толчекъ къ которому былъ данъ Петромъ Великимъ, составляютъ исключенія Черниговская и Полтавская губерніи, въ которыхъ „наблюдаются правила“, что „хотя приданое жены почитается отдѣльною ея собственностью, но состоитъ въ общемъ владѣніи и пользованіи супруговъ, а жена во время брачнаго съ супругомъ сожителства не можетъ безъ согласія его дѣлать никакихъ распоряженій въ нарушеніи или ограниченіи правъ мужа на общее съ нею пользованіе ея приданымъ. *Недвижимое имущество мужа, на коемъ обезпечено приданое жены, не можетъ быть отчуждаемо, ни обременяемо долами безъ ея согласія, изъявленнаго въ судебномъ мѣстѣ мѣстнмъ ея сознаниемъ надлежащаго о томъ акта*“¹⁾.

То, что мы до сихъ поръ изложили, чтобы противнуть въ сущность выраженія лѣтописца: „а зютра приношаху что на ней владуче“, весь ходъ развитія дотальнаго права народовъ запада, которому предшествуетъ, первоначально, другое право, болѣе древнѣйшее: право *pretium-emptionis*, древнее брачное право,—право (гдѣ оно существуетъ), развивающееся вездѣ по однимъ и тѣмъ же общимъ законамъ, то—это изложеніе и эти доказательства, которыя мы искали у западныхъ народовъ, не совсѣмъ еще достаточны, чтобы вполнѣ убѣдиться въ томъ, что лѣтописецъ подъ выраженіемъ „а зютра приношаху что на ней владуче“ подразумѣваетъ плату, *pretium-emptionis*, мы должны обратиться къ русскому обычному праву и искать здѣсь подтвержденія, тѣмъ болѣе, что эти необходимыя для насъ доказательства не только не недостають намъ, но существуютъ, и существуютъ въ обширномъ количествѣ. Эти важныя для насъ доказательства, тотъ фактъ, что древне русскій *pretium* или „кладва“ до сихъ поръ еще существуетъ по обычному праву. Обращаясь къ изложенію обычнаго права, намъ слѣдуетъ раздѣлить его на: мѣстности, гдѣ существуетъ ТОЛЬКО кладва или, что тоже, *pretium* и абсолютно умалчивается о *dos*; мѣстности, гдѣ существуетъ только кладва, но съ одновременнымъ представленіемъ о *dos* въ умѣ народа; мѣстности, гдѣ существуютъ *pretium* и *dos* ОДНОВРЕМЕННО; мѣстности, гдѣ существуетъ только *dos*, но съ одновременнымъ представленіемъ о *pretium*’ѣ въ умѣ

¹⁾ Св. Зак. Т. X, ст. 111.—Idem, см. ст. 1005.

народа; мѣстности, гдѣ не существуетъ ни кладки, ни dos, а свадебные подарки замѣняютъ обычай кладки.

Во многихъ мѣстностяхъ Россіи существуетъ обычай, при заключеніи брака, давать „кладку“ со стороны жениха сторонѣ невѣсты. Кладка можетъ состоять въ деньгахъ или въ вещахъ, имѣющихъ извѣстную цѣнность. Размѣръ ея зависитъ отъ состоянія жениха и невѣсты и отъ самой незначительной, относительно, платы, напр. отъ 3 р. с. простирается иногда до 300 р. с. Кладка вручается, или отцемъ жениха, или сватомъ, или самимъ женихомъ—отцу невѣсты или лицу, заступающему его мѣсто, впрочемъ, относительно этого, нѣтъ ничего опредѣленнаго, а каждая мѣстность руководствуется вообще своимъ обычаемъ. Именно, къ описанію различій этого обычая, какъ и вообще наблюдаемыхъ обычаевъ—мы теперь и перейдемъ.

Обычай Тамбовской губ., Усманскаго уѣзда, Поддубровской волости: — „Когда женихъ невѣсту беретъ, то всегда даетъ кладку ея отцу, рублей не больше двадцати; кладка вся идетъ на невѣсту“¹⁾.

Обычай — Липецкаго уѣзда, Бутырской волости: — „Обычай получать отъ жениха кладку, при выдачѣ дочерей въ замужество, соблюдается постоянно“²⁾.

Обычай Самарской губ., Самарскаго уѣзда, Старобуяновской волости: — „При выдачѣ дочерей въ замужество соблюдается обычай получать за невѣсту отъ жениха деньги, *кладку*. Кладка, въ случаѣ бездѣтной смерти жены, идетъ къ ея отцу, а въ случаѣ смерти отца къ ея братьямъ; мужу же оставляется только бѣлье, да постель“³⁾.

Обычай — Тенѣвской волости: — „При выдачѣ дочерей въ замужество соблюдается обычай брать съ жениха деньги, *кладку*, въ размѣрѣ 100 р. и болѣе. Въ случаѣ смерти отца, право на полученіе этихъ денегъ переходитъ къ братьямъ невѣсты“⁴⁾.

Обычай — Чистовской волости: — „При выдачѣ въ замужество дочерей есть обычай брать съ жениха деньги (*кладку*); въ слу-

¹⁾ Труды Комиссіи по преобр. Волостныхъ Судовъ, Т. I, стр. 573.

²⁾ Idem, ст. 695.

³⁾ Idem, Т. VI, ст. 19.

⁴⁾ Idem, 44.

чаѣ смерти отца, право на полученіе кладки переходитъ къ братьямъ невѣсты“ ¹⁾).

Обычай — Елшанской волости: — „При выдачѣ дочерей въ замужество соблюдается обычай *кладки*. Эта кладка достигаетъ иногда большихъ, для крестьянина, размѣровъ. Чѣмъ лучше невѣста, тѣмъ больше кладка. Случается, что кладка совсѣмъ разоряетъ жениха и вноситъ въ семью съ самаго начала нищету и долги. Кладка, по существу своему тотъ же татарскій *калымъ*. Бываетъ и такъ, что невѣста, изъ любви къ бѣдному жениху, бѣжитъ отъ родителей, которые упорно настаиваютъ въ требованіи значительной кладки. Въ случаѣ смерти отца, право на полученіе кладки переходитъ къ братьямъ невѣсты“ ²⁾).

Обычай — Каменской волости: — „При выдачѣ дочерей въ замужество существуетъ обычай брать съ жениха деньги. Обычай этотъ идетъ съ незапамятныхъ временъ. Деньги, которыя даетъ за невѣсту женихъ, называются *кладка*. Размѣръ кладки 60 р., и болѣе. Кладку можно платить и вещами, овцами и т. п.“ ³⁾).

Обычай — Бузулукскаго уѣзда, Павловской волости: — „Кладка, т. е. деньги отъ 7 до 50 руб. даваемая женихомъ отцу невѣсты или хозяину того дома, изъ котораго невѣста выходитъ замужъ, обращается на покрытіе расходовъ для свадьбы и на покупку платья для невѣсты, и въ случаѣ ея смерти послѣ заключенія брака, мужъ наследуетъ этимъ имуществомъ“ ⁴⁾).

Въ этихъ свидѣльствахъ, мы не встрѣчаемъ даже упоминанія о приданомъ. Но, прослѣдимъ далѣе:

Обычай Тамбовской губ., Спасскаго уѣзда, Кирилловской волости: — „За женами приданаго здѣсь не бываетъ, а напротивъ женихъ даетъ невѣстѣ деньги, на которыя она себя украшаетъ. Въ случаѣ скорой смерти послѣдней по выходѣ замужъ, одежда ея переходитъ къ матери, а въ случаѣ долгаго сожителства остается у мужа“ ⁵⁾).

Обычай — Ачадовской волости: — „Приданого здѣсь не

¹⁾ Idem, 46.

²⁾ Idem, 48.

³⁾ Idem, 51.

⁴⁾ Idem, 123.

⁵⁾ Idem, I, 205.

даютъ за женами, а напротивъ женихъ даетъ отцу не-
вѣсты 10—50 р. сер. „столовыхъ“ денегъ и деньги эти рас-
ходуется отецъ; что не израсходуется, идетъ въ пользу дочери и,
по выходѣ ея въ замужество, остается въ домѣ мужа“ ¹⁾).

Обычай — Спасо-Городской волости: — „Приданого здѣсь
нѣтъ, но женихъ даетъ отцу невесты „столовые“ деньги,
которыя обыкновенно всѣ и расходуются или на невесту, или на
свадьбу“ ²⁾).

Обычай—Устьинской волости:— „Приданого за женою не
даютъ; даетъ женихъ отцу невесты на расходы“ ³⁾).

Обычай—Дракинской волости: — „Приданого нѣтъ здѣсь;
деньги даетъ женихъ отцу невесты, приче́мъ сумма
ихъ увеличивается соотвѣтственно красотѣ и здоровью
невесты, а на случай, если по смерти отца останется что
нибудь изъ этихъ денегъ, то остатокъ идетъ къ той дочери, за
которую онъ ихъ получалъ“ ⁴⁾).

Обычай—Хилковской волости:— „Приданого нѣтъ, а даетъ
деньги женихъ отцу невесты, рублей 15, которые обыкно-
венно всѣ расходуются на свадьбу“ ⁵⁾).

Обычай — Темниковскаго уѣзда, Стрѣлецкой волости: —
„Здѣсь приданого нѣтъ; напротивъ, существуетъ обычай,
что женихъ даетъ деньги отцу невесты, который расхо-
дуетъ ихъ обыкновенно на наряды невесты“ ⁶⁾).

Обычай—Бабѣвской волости: — „Приданого здѣсь нѣтъ, а
женихъ даетъ за невесту деньги ея отцу, который обы-
кновенно и расходуетъ ихъ на наряды невесты, а если умереть
не израсходовавъ, то онѣ обращаются въ пользу дочери, за ко-
торую даны“ ⁷⁾).

Обычай — Кушкинской волости:— „Приданого здѣсь не
даютъ; женихъ выдаетъ отцу невесты деньги (столовые),
которыя отецъ и расходуетъ на невесту, а если всѣхъ не издер-

¹⁾ Idem, 213.

²⁾ Idem, 224.

³⁾ Idem, 235.

⁴⁾ Idem, 242.

⁵⁾ Idem, 254.

⁶⁾ Idem, 262.

⁷⁾ Idem, 276.

жить, то дочь, послѣ его смерти, имѣеть право на остатокъ“¹⁾).

Обычай—Барашевской волости:— „Приданого нѣтъ, но женихъ даетъ деньги отцу невѣсты, который расходуетъ ихъ обыкновенно на невѣсту же“²⁾.

Обычай—Стрѣльниковской волости:— „Приданого нѣтъ, а женихъ даетъ деньги отцу невѣсты, который расходуетъ ихъ на нарядъ невѣсты, или по своему усмотрѣнію“³⁾).

Обычай—Борисоглѣбскаго уѣзда, Больше-Алабукской волости:— „Приданого никогда не даютъ, а женихъ платитъ отцу невѣсты столовые деньги. Если свадьба расходуется по винѣ жениха или невѣсты, то виновная сторона платитъ за убытки, понесенные другой стороною при сватовствѣ“⁴⁾).

Обычай—Больше-Грибановской волости:— „Приданого никогда не бываетъ. Женихъ даетъ за невѣсту кладку, которая идетъ на наряды ему-же, жениху. Если свадьба разстраивается по винѣ невѣсты, то она вознаграждаетъ жениха за издержки его при сватовствѣ. Если-же виновникомъ разстройства свадьбы былъ женихъ, то онъ платитъ невѣстѣ не только за убытки, но и за безчестіе“⁵⁾).

Обычай—Боганской волости:— „Приданого никогда не дается, а напротивъ женихъ еще вноситъ за невѣсту кладку, которая идетъ на его же наряды и на столъ“⁶⁾).

Обычай—Мало-Алабукской волости:— „Приданого не бываетъ. Женихъ платитъ за невѣсту такъ наз. столовые, которыя идутъ на наряды ему-же, жениху“⁷⁾).

Обычай—Павлодаровской волости:— „Приданого никогда не бываетъ. Женихъ платитъ за невѣсту такъ наз. столовые деньги, которыя идутъ на наряды ему же, жениху“⁸⁾).

Обычай—Запалатовской волости:— „Приданого никогда не

---

1) Idem, 286.

2) Idem, 280.

3) Idem, 294.

4) Idem, 417.

5) Idem, 425.

6) Idem, 435.

7) Idem, 442.

8) Idem, 451.

бываетъ, женихъ платитъ за невѣсту такъ наз. столовые деньги, которыя идутъ на его-же нарядъ“ ¹⁾.

Обычай—Ниже-Чуевской волости:— „Приданого никогда не бываетъ, а женихъ платитъ за невѣсту кладку, которая употребляется на его-же наряды“ ²⁾.

Обычай—Уваровской волости:— „Приданого не дается, а женихъ платитъ за невѣсту кладку. Въ случаѣ его смерти, кладка не возвращается его родственникамъ“ ³⁾.

Обычай—Подгорнской волости:— „Приданого никогда не дается. Столовые деньги, которыя даетъ женихъ за невѣсту употребляются на его-же наряды“ ⁴⁾.

Обычай—Кирсановскаго уѣзда, Вячкинской волости:— „Приданого никогда не даютъ, а женихъ даетъ за невѣсту, кладку, рублей въ 5, которая употребляется на наряды невѣсты“ ⁵⁾.

Обычай—Иновковской волости:— „Приданого никогда не даютъ. Напротивъ того, женихъ платитъ за невѣсту отцу ея кладку, рублей въ 25, кладка эта идетъ на наряды невѣсты“ ⁶⁾.

Обычай—Рязанской губ., Раненбургскаго уѣзда, Солнцевской волости:— „Если жена умретъ бездѣтною, то къ мужу идетъ часть по согласію съ тѣщей. Рѣдко возникаетъ объ этомъ вопросъ, потому что за женою не дается приданого, а постель стоитъ копѣекъ 15. Кладка существуетъ, но небольшая (5 руб.)“ ⁷⁾.

Обычай—Владимірской губ., Владимірскаго уѣзда, Боголюбовской волости:— „При выходѣ дѣвицы замужъ женихъ вносить родителямъ деньги на столъ отъ 50 до 300 руб. Обычай этотъ выводится теперь“ ⁸⁾.

Обычай—Московской губ., Серпуховскаго уѣзда Пущинской волости:— „Приданого никогда не бываетъ. Женихъ пла-

¹⁾ Idem, 456.

²⁾ Idem, 461.

³⁾ Idem, 465.

⁴⁾ Idem, 475.

⁵⁾ Idem, 518.

⁶⁾ Idem, 524.

⁷⁾ Idem, 814.

⁸⁾ Idem, Т. II, 61.

ТИТЬ за невьѣсту отцу ея кладку, которая идетъ на угощеніе и на наряды невьѣстѣ“ ¹⁾).

Обычай—Рузскаго уѣзда, Клементьевской волости:— „Приданнаго никогда не бываетъ, а женихъ платитъ за невьѣсту выговоръ, который идетъ на наряды невьѣстѣ и не возвращается родителямъ мужа послѣ его смерти“ ²⁾).

Обычай—Самарской губ. Бугурусланскаго уѣзда, Боровинской волости:— „Приданнаго почти никогда не даютъ, напротивъ, женихъ платитъ за невьѣсту кладку, рублей въ 10, которая идетъ на покупку нарядовъ невьѣстѣ и на подарки. При помолвѣ женихъ даетъ только задатовъ, а остальную сумму онъ обязанъ заплатить послѣ свадьбы“ ³⁾).

Обычай—Сергіевской волости:— „Приданнаго никогда не бываетъ, напротивъ того, женихъ платитъ за невьѣсту отцу ея 20—30 р. „вклада“, который идетъ на украшеніе невьѣсты“ ⁴⁾).

Обычай Саратовской губ. Балашовскаго уѣзда, Песчанской волости:— „Приданнаго здѣсь нѣтъ, но въ случаѣ смерти бездѣтной жены, то, что дано ей было отцемъ на разживу—корова, лошадь и другой скотъ, возвращается обратно къ отцу покойной. При женитьбѣ, женихъ даетъ отцу невьѣсты *столовые деньги*, которыя въ случаѣ смерти тестя, наследуютъ его сыновья“ ⁵⁾).

Обычай—Больше-Карайской волости:— „Приданнаго здѣсь нѣтъ. При женитьбѣ женихъ даетъ отцу невьѣсты столовые деньги, рублей 20, 30, смотря по достоинству невьѣсты; деньги эти убиваются обыкновенно на свадьбу“ ⁶⁾).

Двадцать девять волостей, девяти уѣздовъ: Спасскаго, Темниковскаго, Борисоглѣбскаго, Кирсановскаго, Раненбургскаго, Серпуховскаго, Рузскаго, Бугурусланскаго, Балашовскаго, пяти губерній: Тамбовской, Рязанской, Московской, Самарской, Саратовской—единогласно утверждаютъ, какъ бы заранѣе между собою стоворившись, что приданнаго у нихъ нѣтъ, не бы-

¹⁾ Idem, 220.

²⁾ Idem, 370.

³⁾ Idem, VI, 268.

⁴⁾ Idem, 276.

⁵⁾ Idem, 620.

⁶⁾ Idem, 628.

васть, не существуетъ. До этого, мы уже видѣли, что восемь волостей четырехъ уѣздовъ: Усманскаго, Липецкаго, Самарскаго, Бузулукскаго—двухъ губерній: Тамбовской и Самарской—свидѣтельствуя ТОЛЬКО О КЛАДКѢ, „обычай этотъ идетъ съ незапамятныхъ временъ“ говорятъ они, совсѣмъ не упоминая о приданомъ. Оно у нихъ также не существуетъ. Но существуетъ ли оно у нихъ въ представленіи, имѣютъ ли они о немъ понятіе, знаютъ ли они въ чемъ состоитъ сущность приданого имущества? Что двадцать восемь волостей имѣютъ понятіе о приданомъ имуществѣ и имѣютъ даже болѣе научное понятіе относительно этого имущества, чѣмъ ученые изслѣдователи дотальнаго права, довольно ясно, ибо они говорятъ: приданого у насъ нѣтъ, никогда не бываетъ, а **НАПРОТИВЪ** женихъ даетъ кладку, женихъ вручаетъ плату отцу невѣсты, т.-е., что **кладка** есть нѣчто **противное**, нѣчто **противоположное** приданому. Мы видимъ, насколько здравый народный смыслъ очутился много выше „научнаго“ мнѣнія современныхъ изслѣдователей дотальнаго права, почерпающихъ свои „ученыя“ мнѣнія только изъ объемистыхъ фоліантовъ. Здравому смыслу народнаго духа представилось съ логической послѣдовательностью, что одно имущество, приданое: является со стороны жены, другое: кладка, плата—со стороны мужа, слѣдовательно съ двухъ различныхъ сторонъ, слѣдовательно и по своему понятію и сущности эти два имущества **различны**, **противоположны** другъ другу и онъ понялъ это и выразилъ такъ просто, ясно, съ такой логической послѣдовательностью, не прибѣгая, ни къ объясненію Пандентовъ, ни къ опредѣленію Римскихъ юристовъ, не прибѣгая къ помощи объемистыхъ фоліантовъ. И онъ потому такъ разумно разсудилъ и съ логической ясностью выразилъ свое мнѣніе по этому поводу, потому что не прибѣгъ къ помощи именно этихъ-то объемистыхъ фоліантовъ, наполненныхъ „научными“ толкованіями ученыхъ изслѣдователей дотальнаго права, а обратился къ собственному здравому смыслу.

Слѣдуя далѣе за ходомъ народнаго обычая, мы видимъ, какъ рядомъ съ кладкой, съ противоположной стороны, появляется приданое имущество. Его первоначальное развитіе на этихъ историческихъ ступеняхъ народнаго правосознанія представляетъ

громадный, безграничный интерес и мы прослѣдимъ, шагъ за шагомъ, всѣ переходныя его формы, его превращенія, совпаденіе двухъ противоположныхъ институтовъ до полного торжества дѣйствительной *dos* Римскаго Права, *dos mulier*.

Обычай Тамбовской губ. Темниковскаго уѣзда, Атюревской волости:— „Приданое здѣсь бываетъ только скотомъ, который во всякомъ случаѣ, дѣлается собственностью мужа. Есть деньги, которыя женихъ даетъ отцу невѣсты и этотъ послѣдній расходуетъ ихъ по своему усмотрѣнію“ ¹⁾

Обычай—Борисоглѣбскаго уѣзда, Пригородной волости:— „Приданое дается очень рѣдко и, въ случаѣ смерти выданной въ замужество, если она умерла бездѣтной, возвращается ея родителямъ. Большею же частью, женихъ даетъ за невѣсту кладку, рублей въ 20, которая употребляется на покупку одежды и подарковъ жениху“ ²⁾.

Обычай — Усманскаго уѣзда, Усманско-Пригородной волости:— „При выдачѣ дочерей въ замужество существуетъ обычай получать отъ жениха кладки, обыкновенно не болѣе 20 руб. Кладку получаетъ старшій въ домѣ невѣсты, а приносить ее не самъ женихъ, а отецъ его, потому женихъ передъ свадьбой въ невѣстѣ въ домъ не ходитъ и она отъ него хоронится; отъ кладки въ домѣ невѣсты ничего не остается, а она вся идетъ на покупку ей приданаго и подарки жениху—рубашки и шараваровъ“ ³⁾.

Обычай—Демшинской волости:— „Кладка при выдачѣ дочерей въ замужество существуетъ, обыкновенно, отъ 10 до 20 руб., кладку приносить жениховъ отецъ и отдаетъ отцу невѣсты; деньги эти всѣ идутъ на покупку приданаго“ ⁴⁾.

Обычай—Куликовской волости:— „Обычай получать кладку изъ дома жениха, при выдачѣ дочерей замужъ, постоянно соблюдается; кладка идетъ на приданое невѣсты“ ⁵⁾.

Обычай—Бреславской волости:— „При выдачѣ дочерей замужъ, отъ жениха получается постоянно кладка, рублей 20, не больше;

¹⁾ Idem, I, 299.

²⁾ Idem. 392.

³⁾ Idem, 542.

⁴⁾ Idem, 561.

⁵⁾ Idem, 580.

приносить ее отецъ жениха отцу невѣсты и идетъ она на покупку приданаго“ ¹⁾).

Обычай—Нижне-Матренской волости:— „При выдачѣ дочерей въ замужество, существуетъ обычай получать отъ жениха кладки, обыкновенно, не болѣе 25 руб. кладку получаетъ отецъ невѣсты, а приносить ее не самъ женихъ, а отецъ его, отъ кладки, въ домъ невѣсты ничего не остается, а она вся идетъ для покупки ей приданаго и подарковъ жениху“ ²⁾).

Обычай—Липецкаго уѣзда, Сырской волости:— „Послѣ бездѣтной смерти жены, приданое ея мужу не достается, кромѣ образа и того, что было куплено на кладку, а отбирается назадъ въ отцовскій ея домъ; кладка, которую женихъ даетъ невѣстѣ идетъ всегда на покупку ей приданаго и не превышаетъ 20 р.“ ³⁾).

Обычай—Романовской волости:— „Приданое жены, послѣ бездѣтной ея смерти, заберетъ ея отецъ, а мужу останется образъ и, пожалуй то, что на кладку куплено было... Обычай получать отъ жениха кладку, при выдачѣ дочерей замужъ, наблюдается постоянно“ ⁴⁾).

Обычай—Фашевской волости:— „Приданое жены идетъ въ отцовскій домъ... обычай давать кладку въ домъ невѣсты соблюдается женихами постоянно, кладка обыкновенно не превышаетъ 25 руб.“ ⁵⁾).

Обычай—Совольской волости:— „Приданое жены поступаетъ въ ея отцу, а не къ мужу... при выдачѣ дочерей замужъ, отъ жениха всегда получается кладка, по состоянію глядя и потому, кто за еѣмъ тянется—невѣста за женихомъ, или женихъ за невѣстой; въ первомъ случаѣ, кладка бываетъ самая пустая, а во второмъ—доходить иногда до 30 руб.; кладка идетъ вся на невѣсту“ ⁶⁾).

Обычай—Буклинской волости:— „При выдачѣ дочери замужъ, отъ жениха получается кладка—рублей не болѣе 20, но если

---

¹⁾ Idem, 606.

²⁾ Idem, 614.

³⁾ Idem, 624.

⁴⁾ Idem, 642.

⁵⁾ Idem, 666.

⁶⁾ Idem, 676.

женихъ на очереди въ солдаты, то даетъ и до 40 руб. Кладку приносить не самъ женихъ, а передаетъ ее черезъ своего свата; деньги эти всѣ идутъ на покупку невестѣ приданого и еще не хватаетъ, такъ что у ея отца изъ кармана приходится позадать“¹⁾.

Обычай—Лебедянского уѣзда, Тележенской волости:— „Приданое жены—отбирается въ родительскій домъ.. дача женихомъ кладки въ домъ невесты соблюдается рѣдко и постоянного обычая такого нѣтъ“²⁾.

Обычай—Владимірской губерніи, Шуйскаго уѣзда, Ивановской волости:— „При выдачѣ дѣвушки въ замужество родители ея берутъ съ жениха *выводныя деньги* или такъ наз. деньги *на столъ*. Деньги эти употребляются на угощеніе во время свадьбы и на приданое“³⁾.

Обычай—Талицкой волости:— „При выходѣ дѣвицы замужъ существуетъ обыкновеніе брать съ жениха *выводныя* деньги, которыя идутъ на приданое, на угощеніе и на свадебные расходы, а потому расходуются на свадьбѣ тѣми, которые выдаютъ дѣвицу замужъ, т.-е. родителями или братьями“⁴⁾.

Обычай—Богородской волости:— „При выходѣ дѣвушки замужъ родители берутъ съ жениха *выводъ* или *деньги на столъ*, которыя употребляются на приданое и на свадебные расходы“⁵⁾.

Обычай—Сергѣевской волости:— „При выдачѣ дѣвицы въ замужество съ жениха требуютъ родители невесты *выводныя деньги*, отъ 10 до 100 руб. сер. Деньги эти идутъ на приданое, на запой и на расходы по свадьбѣ“⁶⁾.

Обычай—Вязниковскаго уѣзда, Станковской волости:— „Существуетъ обычай брать съ жениха деньги *на столъ*, т.-е на свадьбу и на приданое невесты“⁷⁾.

Обычай—Владимірскаго уѣзда, Ставрожской волости:— „При-

---

¹⁾ Idem, 727.

²⁾ Idem, 752.

³⁾ Idem, II, 3.

⁴⁾ Idem, 26.

⁵⁾ Idem, 28.

⁶⁾ Idem, 33.

⁷⁾ Idem, 43.

даное дается, но не всегда. Очень часто женихъ платитъ за невѣсту отцу ея столовыя деньги“ ¹⁾).

Обычай—Ковровскаго уѣзда, Зименковской волости:— „При выдачѣ дочери замужъ, родители ея требуютъ съ жениха *выводныя* деньги, или деньги *на столъ*; деньги эти употребляются на приданое. Если у невѣсты нѣтъ родителей, то означенныя деньги получаютъ братья, которые выдаютъ ее замужъ. Обычай *выводныхъ денегъ*, крестьяне объяснили тѣмъ, что у нихъ на женщину смотрятъ, какъ на работницу, и въ особенности для производства миткалей“ ²⁾).

Обычай—Всегодической волости:— „При выходѣ дѣвицы замужъ, женихъ даетъ родителямъ ея *на столъ* отъ 50 до 100 р. Обычай этотъ отяготителенъ для крестьянъ; многіе изъ нихъ чрезъ это разоряются и дѣлаются неисправными въ податяхъ. Бываетъ и такъ, что женихъ получаетъ за невѣстою приданое, но это весьма рѣдко“ ³⁾).

Обычай—Московской губерніи, Московскаго уѣзда, Пехорской волости:— „Когда дѣвушка выходитъ замужъ, то женихъ иногда платитъ отцу невѣсты „выводныя деньги“; но бываетъ и такъ, что отецъ невѣсты платитъ жениху: „это смотря потому, кто чего стоитъ“ ⁴⁾).

Обычай—Серпуховскаго уѣзда, Кіясовской волости:— „Если жена умерла бездѣтной, то приданое ея возвращается ея роднымъ, владѣа, которую даетъ женихъ за невѣсту, идетъ на наряды невѣстѣ и никогда не возвращается“ ⁵⁾).

Обычай—Высоцкой волости.— „Если жена умерла бездѣтной, то приданое ея возвращается къ родителямъ, если бракъ не продолжался болѣе 10 лѣтъ... Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ женихъ платитъ за невѣсту владѣу, которая идетъ на угощеніе и на наряды невѣстѣ“ ⁶⁾).

Обычай—Можайскаго уѣзда, Глазовской волости:— „Приданое возвращается родителямъ, послѣ смерти выданной замужъ

---

¹⁾ Idem, 54.

²⁾ Idem, 65.

³⁾ Idem, 71.

⁴⁾ Idem, 128.

⁵⁾ Idem, 165.

⁶⁾ Idem, 206.

дочери, если она бездѣтна, за исключеніемъ одной постели, которая остается у мужа. Выводныя, которыя платитъ женихъ за невѣсту, употребляются на наряды невѣсты и возвращаются родителямъ мужа послѣ его смерти“ ¹⁾.

Обычай—Бородинской волости: — „Приданое никогда не возвращается родителямъ, а остается мужу умершей. Женихъ даетъ за невѣсту, такъ наз. **ВЫГОВОРЪ**, который по смерти мужа остается женѣ. Выговоръ, обыкновенно, идетъ на наряды невѣстѣ“ ²⁾.

Обычай — Волоколамскаго уѣзда, Серединской волости: — „Приданое бездѣтной возвращается, послѣ ея смерти, къ родителямъ ея. **ВЫВОДЪ**, который платится жениху за невѣсту, идетъ обыкновенно на наряды жениху“ ³⁾.

Обычай — Бухоловской волости: — „Приданое бездѣтной возвращается къ ея родителямъ. Женихъ платитъ за невѣсту отцу ея выговоръ, который идетъ на наряды невѣстѣ и возвращается роднымъ мужа только въ случаѣ немедленной его смерти, послѣ заключенія брака“ ⁴⁾.

Обычай—Русскаго уѣзда, Судниковской волости:— „Приданое бездѣтной жены остается мужу. Женихъ платитъ за невѣсту отцу ея выговоръ, который идетъ на наряды невѣстѣ“ ⁵⁾.

Обычай—Хотѣбцовской волости:— „Приданое бездѣтной жены возвращается родителямъ ея, если бракъ не продолжался болѣе двухъ лѣтъ. **Кладка**, которую платитъ женихъ за невѣсту, идетъ на наряды невѣстѣ и не возвращается въ случаѣ его смерти родителямъ мужа“ ⁶⁾.

Обычай—Подольскаго уѣзда, Добрятинской волости:— „По смерти бездѣтной жены, приданое возвращается ея родителямъ. Столовые деньги, которыя платитъ женихъ за невѣсту идутъ на наряды невѣстѣ“ ⁷⁾.

Обычай — Дубровицкой волости: — „По смерти бездѣтной

---

¹⁾ Idem, 229.

²⁾ Idem, 284.

³⁾ Idem, 324.

⁴⁾ Idem, 332.

⁵⁾ Idem, 353.

⁶⁾ Idem, 363.

⁷⁾ Idem, 377.

жены, приданое возвращается ей родителямъ. Столовые деньги, которые платитъ женихъ за невѣсту, идутъ на наряды невѣстѣ“ ¹⁾).

Обычай—Молодинской волости:— „Приданое бездѣтной возвращается родителямъ ея, если бракъ не продолжался болѣе двухъ лѣтъ. **Кладка**, которую платитъ женихъ за невѣсту, идетъ на наряды невѣстѣ“ ²⁾).

Обычай—Бронницкаго уѣзда, Вохринской волости:— „Приданое бездѣтной жены возвращается къ ея отцу. Здѣсь бывають „кладки“, т.-е. женихъ даетъ родителямъ невѣсты, въ случаѣ ихъ бѣдности, деньги, которые и расходуются на свадьбу“ ³⁾).

Обычай—Ульянинской волости:— „Приданое рѣдко даютъ за дочерьми, но если даютъ, то оно, въ случаѣ смерти владѣтельницы, обращается въ пользу дѣтей. Здѣсь бывають „кладки“, т.-е. деньги, которые женихъ даетъ невѣстѣ, исключительно въ ея пользу“ ⁴⁾).

Обычай—Ярославской губ. Ярославскаго уѣзда, Ставозинской волости:— „Мужъ обязанъ возвратитъ приданое жены, послѣ ея смерти, ея родственникамъ, если послѣдніе возвратятъ ему столовые деньги, данныя имъ за невѣсту при вступленіи въ бракъ“ ⁵⁾).

Обычай—Толгобольской волости:— „Послѣ смерти жены, вдовецъ обязанъ возвратитъ приданое ея отцу только въ такомъ случаѣ, если послѣдній возвратитъ ему выводныя деньги, заплаченныя имъ за невѣсту при вступленіи въ бракъ“ ⁶⁾).

Обычай—Костромской губ. Нерехтинскаго уѣзда, Оделевской волости:— „Приданое бездѣтной жены остается обыкновенно у свекра, а иногда идетъ въ ея домъ. У насъ ежели кто беретъ невѣсту, тотъ долженъ за нее заплатитъ 100 р., а даромъ не дадутъ“ ⁷⁾).

Обычай—Острецовской волости:— „Приданое бездѣтной жены всегда достается ея мужу, потому что онъ за нее деньги заплатилъ. У насъ каждую невѣсту надо купить“ ⁸⁾).

¹⁾ Idem, 383.

²⁾ Idem, 385.

³⁾ Idem, 407.

⁴⁾ Idem, 441.

⁵⁾ Idem, III, 3.

⁶⁾ Idem, 79.

⁷⁾ Idem, 319.

⁸⁾ Idem, 323.

Обычай — Кинешемскаго уѣзда, Горьковской волости: — „За невѣсту женихъ платитъ *выводъ*. Обычай этотъ, по словамъ крестьянъ, очень разорителенъ. За невѣстою родители даютъ приданое, но весьма небольшое, чаще всего только одежду сошьютъ. Выводныя деньги никогда назадъ мужу не возвращаются. Приданое оставляется у мужа, хотя бы жена умерла бездѣтною и вскорѣ послѣ замужества“ ¹⁾.

Обычай — Дюпинской волости: — „Невѣсту женихъ покупаетъ, платя родителямъ выводъ, иногда въ размѣрѣ до 100 р., что для другого крестьянина бываетъ очень разорительно... Въ случаѣ смерти жены, вскорѣ послѣ вступленія въ бракъ, приданое возвращается обратно родителямъ“ ²⁾.

Обычай — Воздвиженской волости: — „При сватовствѣ отецъ жениха и отецъ невѣсты заключаютъ обыкновенно условіе о томъ, какимъ образомъ слѣдуетъ поступить съ приданнымъ въ случаѣ кончины невѣсты, должно ли приданое остаться у мужа, или возвратиться къ ея роднымъ. Женихъ даетъ обыкновенно за невѣсту выходъ, рублей 20, который идетъ на наряды невѣстѣ“ ³⁾.

Обычай — Емплевской волости: — „Въ случаѣ смерти бездѣтной вдовы (?), приданое ея остается у мужа. Выводныя деньги, которыя платитъ женихъ за невѣсту (до 100 р.), идутъ на наряды невѣстѣ“ ⁴⁾.

Обычай — Самарской губ. Самарскаго уѣзда, Степно-Шеналинской волости: — „Имущество жены (ея приданое), въ случаѣ безпотомной ея смерти, остается у мужа... При выдачѣ дочерей въ замужество соблюдается обычай получать отъ жениха деньги, что называется *кладкою*. Право на полученіе кладки, въ случаѣ смерти отца, переходитъ къ братьямъ невѣсты,“ ⁵⁾.

Обычай — Алексѣевской волости: — При бездѣтной смерти замужней женщины, имущество ея (приданое), въ цѣломъ его составѣ, непременно, возвращается въ тотъ домъ, изъ котораго она взята, за исключеніемъ лишь постели и образа, которые остав-

¹⁾ Idem, 368.

²⁾ Idem, 376.

³⁾ Idem, 382.

⁴⁾ Idem, 388.

⁵⁾ Idem, VI, 41.

ляются мужу покойной. При заключеніи брака женихъ даетъ отцу невѣсты извѣстную сумму денегъ, наз. кладкой, размѣръ которой зависитъ отъ его состоянія и начиная отъ 10 р. доходить иногда до 150 р. Если отца невѣсты нѣтъ въ живыхъ, то кладку получаетъ хозяинъ того дома, изъ котораго невѣста выходитъ замужъ, причемъ безразлично, брать ли это невѣсты, родственникъ ли ея, или совершенно постороннее лицо. Внесеніе женихомъ кладки не даетъ ему права получить послѣ смерти жены ея приданое, такъ какъ, кладка не есть плата за приданое, а назначается лишь на покрытіе издержекъ на свадьбу, чтобы свадьбу справить“ ¹⁾.

Обычай — Бугурусланскаго уѣзда, Сакъ-Кармалинской волости: — „Какъ у христіанъ, такъ и у магометанъ женихъ платитъ за невѣсту отцу ея; у христіанъ это наз. кладка, а у магометанъ калымъ. Кладка идетъ на дары, на наряды невѣстѣ и на ея приданое, которое послѣ смерти жены возвращается ея родителямъ. Калымъ же идетъ: одна половина на наряды невѣстѣ, другая — остается ея отцу, кладка и калымъ никогда не возвращаются“ ²⁾.

Обычай — Баклинской волости: — „Если послѣ смерти жены не осталось дѣтей, то мужъ обязанъ возвратить приданое покойной ея родителямъ. Кладка, которая идетъ на наряды невѣстѣ, никогда не возвращается“ ³⁾.

Обычай — Султангуловской волости: — „Послѣ смерти бездѣтной жены приданое ея возвращается родителямъ; калымъ же, заплаченный мужемъ за жену, возвращается, только въ томъ случаѣ, если жена ушла отъ мужа добровольно. Если мужъ прогналъ жену, то онъ теряетъ калымъ“ ⁴⁾.

Обычай — Завьяловской волости: — „Приданое бездѣтной возвращается послѣ ея смерти родителямъ, кромѣ постели, которая, во всякомъ случаѣ, остается мужу. Кладка, которую платитъ женихъ за невѣсту и которая идетъ на наряды невѣстѣ, никогда не возвращается“ ⁵⁾.

¹⁾ Idem, 55.

²⁾ Idem, 195.

³⁾ Idem, 206.

⁴⁾ Idem, 211.

⁵⁾ Idem, 223.

Обычай—Пригородной волости:— „У русских за невѣстою даютъ приданое, а у мордвы, напротивъ того, женихъ платитъ за невѣсту кладку. Ни приданое, ни кладка никогда не возвращаются“ ¹⁾.

Обычай—Боголюбовской волости:— „Если послѣ смерти жены не осталось дѣтей, то приданое возвращается ея родственникамъ. Кладка, которую платитъ женихъ за невѣсту и которая идетъ на свадебное угощеніе и на наряды невѣстѣ, никогда не возвращается. Обыкновенно дается въ кладку рублей 5, не болѣе“ ²⁾.

Обычай—Ново-Якушевской волости:— „Приданое, послѣ смерти бездѣтной жены, возвращается ея родственникамъ; кладка, которую платитъ женихъ за невѣсту и которая идетъ на свадебные расходы и на наряды невѣсты, никогда не возвращается. Кладка менѣе 6—7 рублей никогда не бываетъ“ ³⁾.

Обычай—Бугульминскаго уѣзда, Каратаевской волости:— „У христіанъ женихъ платитъ за невѣсту кладку, а отецъ невѣсты даетъ приданое. Кладка и приданое не возвращаются. Татары и башкиры платятъ за невѣсту калымъ, который возвращается въ случаѣ смерти жены или въ томъ случаѣ, если она уходитъ отъ мужа“ ⁴⁾.

Обычай—Елизаветинской волости: „Приданое возвращается родителямъ жены, кромѣ постели и образовъ, если послѣ ея смерти не осталось дѣтей. Кладка, которую даетъ женихъ за невѣсту, никогда не возвращается. Она идетъ на наряды невѣстѣ и на угощеніе гостей“ ⁵⁾.

Обычай—Спирidonовской волости:— „У христіанъ приданое, состоящее обыкновенно изъ скота, и кладка, не возвращаются, если даже, послѣ смерти жены или мужа, дѣтей не осталось. У татаръ калымъ возвращается въ такомъ случаѣ, если послѣ смерти мужа не осталось дѣтей. Если же остался сынъ, то онъ получаетъ весь калымъ, дочь получаетъ половину калыма“ ⁶⁾.

¹⁾ Idem, 234.

²⁾ Idem, 258.

³⁾ Idem, 263.

⁴⁾ Idem, 294.

⁵⁾ Idem, 301.

⁶⁾ Idem, 305.

Обычай — Кузайкинской волости: — „У христіанъ, при вступленіи въ бракъ, женихъ платитъ кладку, которая идетъ на наряды невѣстѣ, а отецъ невѣсты даетъ приданое. Ни кладка, ни приданое никогда не возвращаются. У татаръ — приданое и калымъ, который платитъ женихъ за невѣсту, возвращается, если послѣ смерти одного изъ супруговъ не осталось дѣтей“ ¹⁾).

Обычай — Мигулинской волости: — „При вступленіи въ бракъ женихъ у христіанъ даетъ кладку, а отецъ невѣсты даетъ приданое. Кладка, состоящая изъ денегъ или вещей, никогда не возвращается, а приданое возвращается только въ такомъ случаѣ, если бракъ продолжался не болѣе двухъ лѣтъ; у татаръ женихъ платитъ за невѣсту калымъ, половина которого идетъ на наряды невѣстѣ, а другая половина выдается ей на руки. Если жена уходитъ отъ мужа, то она обязана возвратить калымъ; если мужъ прогонитъ жену, то онъ теряетъ калымъ“ ²⁾).

Обычай Саратовской губ., Саратовскаго уѣзда, Ново-Бурасовской волости — „Въ случаѣ безпотомной смерти жены, отцу ея возвращается приданое, но постель сундукъ и *кладка* оставляются мужу“ ³⁾).

Обычай — Тепловской волости: — „При выдачѣ дочерей въ замужество есть обычай брать съ жениха *кладку* деньгами. Эту кладку отецъ или братья невѣсты расходуютъ на приданое и на свадьбу: купятъ одежду, платокъ, дадутъ хлѣбца, купятъ вина на свадьбу и т. п.“ ⁴⁾).

Обычай — Аткарскаго уѣзда, Аткарско-Пригородной волости: — „Приданое жены, въ случаѣ бездѣтной ея смерти, поступаетъ всегда обратно въ тотъ домъ, изъ котораго она вышла замужъ; у мужа же остаются образъ, постель и то, что куплено было на „кладку“. При выдачѣ дочерей въ замужество, существуетъ обычай получать отъ жениха известную сумму денегъ, „кладку“, отъ 10 до 20 руб., но при этомъ женихъ выговариваетъ, чтобы на часть этихъ денегъ невѣста купила ему ру-

¹⁾ Idem, 312.

²⁾ Idem, 322.

³⁾ Idem, 349.

⁴⁾ Idem, 353.

башку, шаровары и полотенце, кладка выдается на руки не самой невѣстѣ, а старшему въ семействѣ, но принадлежит только невѣстѣ, и изъ нея постороннимъ ничего не выдѣляется“ ¹⁾.

Обычай — Мало-Дмитровской волости: — „Изъ имущества жены, мужъ по смерти ея получаетъ лишь образъ, постель и то, что куплено на „кладку“, остальное же все обращается въ то семейство, изъ котораго жена происходитъ, „все что срядилъ отецъ, то и возьметъ обратно“; при этомъ крестьяне указали на слѣдующій случай: отецъ далъ въ приданое своей дочери корову, черезъ два года послѣ свадьбы дочь умерла; судъ присудилъ отцу корову, а приплодъ отъ коровы остался у вдовца. При выдачѣ дочерей въ замужество, постоянно наблюдается обычай получать отъ жениха кладку; размѣръ кладки бываетъ различенъ, отъ 10 до 50 руб., смотря по состоянію жениха, и главнымъ образомъ потому, кто за кѣмъ тянется, — невѣста за женихомъ, то кладка меньше, а женихъ за невѣстой, то кладка больше. Кладка идетъ на покупку приданого невѣстѣ и подарковъ жениху; кладку приносить жениховъ отецъ или старшій въ его домѣ и отдаетъ матери или отцу невѣсты; женихъ сватается къ невѣстѣ не самъ, а поручаетъ это сосѣдямъ „шабрамъ“ и затѣмъ до самой свадьбы не показывается къ ней въ домъ, что бы не увидѣть ее, что считается большимъ срамомъ ²⁾“.

Обычай — Балашовскаго уѣзда, Ново-Покровской волости: — „Приданое, послѣ смерти жены, рѣдко отдаютъ тестю: тутъ всего больше мировая. При выдачѣ дочерей въ замужество есть со стороны жениха *кладка*, собственно въ награду невѣстѣ, и отецъ до нея не касается“ ³⁾.

Обычай — Мало-Семеновской волости: — „Послѣ смерти жены, въ случаѣ бездѣтной смерти, отецъ ея или братья берутъ приданое ея назадъ себѣ. Отецъ получаетъ отъ жениха своей дочери такъ наз. столовыя ДЕНЬГИ, которыя составляютъ собственность отца невѣсты“ ⁴⁾.

Обычай — Казачинской волости: — „Въ случаѣ бездѣтной смерти жены, приданое ея возвращается къ отцу покойной. Женихъ

¹⁾ Idem, 411.

²⁾ Idem, 457.

³⁾ Idem, 587.

⁴⁾ Idem, 591.

даетъ невѣстѣ деньги—кладку, собственно въ ея распоряженіе, но буде она, по выходѣ замужъ, не долго проживетъ съ мужемъ и умретъ, то деньги эти возвращаются въ домъ отца покойной¹⁾.

Обычай — Романовской волости: — „Приданое, въ случаѣ смерти бездѣтной жены, возвращается къ отцу покойной. При женитьбѣ, женихъ даетъ отцу столовые деньги, рублей 15 и болѣе; деньги эти расходуются на угощеніе и на подарки невѣстѣ“²⁾.

Какъ видно, мы очутились среди громаднаго числа свидѣтельствъ—свидѣтельствъ шестидесяти четырехъ волостей, двадцати четырехъ уѣздовъ: Темниковскаго, Борисоглѣбскаго, Усманскаго, Липецкаго, Лебедянскаго, Шуйскаго, Вязниковскаго, Владимірскаго, Ковровскаго, Серпуховскаго, Можайскаго, Волоколамскаго, Рузскаго, Подольскаго, Бронницкаго, Ярославскаго, Нерехгинскаго, Кинешемскаго, Самарскаго, Бугурусланскаго, Бугульминскаго, Саратовскаго, Аткарскаго, Балашовскаго—семи губерній: Тамбовской, Владимірской, Московской, Ярославской, Костромской, Самарской, Саратовской — о совпадѣніи кладки и приданаго въ существованіи, но **только во времени**. Этотъ послѣдній фактъ намъ слѣдуетъ строго и положительно отмѣтить разъ навсегда, что *pretium* и *dos*, какъ на Западѣ, такъ и на Руси совпадаютъ въ существованіи **всегда только во времени**, но **никогда** ни въ своей сущности, ни по понятію. Какъ только эти два противоположные института совпадаютъ—кладка служитъ для составленія приданаго невѣсты. При дальнѣйшемъ развитіи *dos*: существуетъ кладка съ одной стороны, а приданое—съ другой, съ противоположной, но приданое уже не составляется изъ кладки, а является отъ семьи невѣсты. Хотя всѣ приведенныя свидѣтельства не говорятъ намъ прямо, что чему предшествуетъ: приданое ли, составленное отъ семьи невѣсты, или наоборотъ: приданое, составленное изъ кладки жениха, другими словами: предшествуетъ ли *dos mulier* — приданому-кладки, или наоборотъ: приданое—кладка предшествуетъ *dos mulier*. Но это такой вопросъ, на который не стоитъ даже и отвѣчать, каждому будетъ ясно, что изъ всего предъидущаго ученія о дотальномъ правѣ—мы можемъ твердо и положительно

¹⁾ Idem, 596.

²⁾ Idem, 637.

утверждать, на основаніи общихъ законовъ развитія дотальнаго права, что кладка - приданое предшествуетъ приданому отъ семьи невѣсты, ибо это приданое и есть въ дѣйствительности *dos mulier*, *dos* Римскаго Права, *dos* положительнаго русскаго законодательства.

Передъ тѣмъ, какъ намъ перейти къ послѣдней переходной формѣ, остановимся нѣсколько подробнѣе надъ разборомъ выше-приведенныхъ свидѣтельствъ. Въ Тамбовской и Самарской губерніяхъ мы находимъ всѣ три переходныя формы: 1) кладка съ абсолютнымъ молчаніемъ о приданомъ отъ семьи невѣсты; 2) кладка съ одновременнымъ существованіемъ приданого въ представленіи народа; 3) совпаденіе кладки и приданого въ одновременномъ существованіи. Въ двухъ уѣздахъ Тамбовской губерніи: Темниковскомъ и Борисоглѣбскомъ наблюдаемъ вторую и третью формы. Вторую форму мы находимъ въ пяти волостяхъ Темниковскаго уѣзда: Стрѣлецкой, Бабѣевской, Кушинской, Барашевской, Стрѣльниковской. Третью форму — въ одной Атюревской волости. Въ Борисоглѣбскомъ уѣздѣ мы находимъ вторую форму въ девяти волостяхъ: Больше-Алабукской, Больше-Грибановской, Боганской, Мало-Алабукской, Павлодаровской, Запалатовской, Ниже-Чуевской, Уваровской, Подгорнской. Третью форму — въ одной Пригородной волости. Въ двухъ уѣздахъ Тамбовской губерніи: Усманскомъ и Липецкомъ — мы наблюдаемъ въ ихъ волостяхъ первую и третью формы. Въ Усманскомъ уѣздѣ мы находимъ первую форму въ одной Поддубровской волости. Третью форму — въ пяти волостяхъ: Усманско-Пригородной, Демшинской, Куликовской, Бреславской, Нижне-Матренской. Въ Липецкомъ уѣздѣ мы находимъ первую форму въ одной Бутырской волости. Третью форму — въ пяти волостяхъ: Сарской, Романовской, Фащевской, Совольской, Кузьминской. Въ Самарскомъ уѣздѣ, Самарской губерніи, наблюдаемъ въ его волостяхъ первую и третью форму. Первую форму мы находимъ въ пяти его волостяхъ: Старобуяновской, Тенѣвской, Чистовской, Елшанской, Каменской. Третью форму — въ двухъ волостяхъ: Степно-Шенталинской и Алексѣевской. Въ волостяхъ Бугурусланскаго уѣзда, Самарской губерніи, наблюдаемъ вторую и третью формы. Вторую — находимъ въ двухъ волостяхъ: Боровкинской и

Сергиевской. Третью форму - въ семи волостяхъ: Сакъ-Кармалинской, Баклинской, Султангуловской, Завьяловской, Пригородной, Боголюбовской, Ново-Якушкинской. Въ Балашовскомъ уѣздѣ, Саратовской губерніи, мы наблюдаемъ вторую и третью формы. Вторую форму находимъ въ Песчанской и Больше-Карайской волостяхъ. Третью форму—въ четырехъ волостяхъ: Ново-Покровской, Мало-Семеновской, Казачкинской и Романовской. Въ Серпуховскомъ и Рузскомъ уѣздахъ, Московской губерніи, наблюдаемъ вторую и третью формы. Въ Серпуховскомъ уѣздѣ находимъ вторую форму въ одной Пущинской волости. Третью форму—въ Кіясовской и Высоцкой волостяхъ. Въ Рузскомъ уѣздѣ находимъ вторую форму въ Клементьевской волости. Третью форму—въ Судниковской и Хотѣбцовской волостяхъ.

Свидѣтельства объ изолированномъ существованіи приданого не такъ многочисленны, какъ предъидущія о совмѣстномъ существованіи кладки и приданого. Я привожу всего только нѣсколько:

Обычай Тамбовской губ., Козловскаго уѣзда, Градско-Стрѣлецкой волости: — „Дочерямъ при выходѣ въ замужество дается приданое по усмотрѣнію родителей“ ¹⁾.

Обычай Владимірской губ., Вязниковскаго уѣзда, Мстерской волости: — „Обычай платитъ выводныя деньги за невѣсту въ волости не существуетъ. За выходящею въ замужество дѣвицею даютъ родители, если въ состояніи, приданое. Въ случаѣ смерти жены, мужъ получаетъ изъ приданого только постель да благословеніе (т.-е. икона), все остальное возвращается родителямъ или брату умершей“ ²⁾.

Обычай Московской губ., Московскаго уѣзда, Зюзинской волости: — „При отдачѣ дочери замужъ женихъ въ прежнія времена платилъ отцу невѣсты выкупныя, но этотъ обычай теперь почти вывелся, и женихъ не только въ настоящее время ничего не платитъ за невѣсту, но часто получаетъ отъ ея родителей приданое.“ ³⁾

Обычай — Клинскаго уѣзда, Селинской волости: — „Обычая, получать кладки отъ жениха, при выдачѣ дочерей замужъ, вовсе

¹⁾ Idem, I, 314.

²⁾ Idem, II, 47.

³⁾ Idem, 93.

не существуетъ. Отецъ жениха посылаетъ свата къ отцу не-
вѣсты, и если онъ противъ свадьбы ничего не имѣетъ, то гово-
рить „милости просимъ“; затѣмъ пріѣзжаетъ женихъ и отецъ его
„смотрятъ невѣсту“, а потомъ со стороны невѣсты (но невѣста
сама остается дома) идутъ смотрятъ домъ жениха, его добро,
какъ онъ живетъ, и если онъ не односелець, то дѣлаютъ опросъ
у его сосѣдей, какой это домъ и что за человѣкъ женихъ. Же-
нихъ же, съ своей стороны, посылаетъ опись тому имуществу,
которое онъ желаетъ, чтобы дали въ приданое невѣстѣ; тутъ,
обыкновенно, прописывается Божіе благословіе, причемъ обозна-
чается, какая должна быть риза, деньги, платье, шуба, бѣлье
носильное, постель и т. д. По этой росписи женихъ прини-
маетъ приданое и росписывается; затѣмъ она остается въ
домѣ невѣсты. Въ случаѣ бездѣтной смерти жены, по этой за-
писи требуютъ отъ мужа имущество обратно, кромѣ образа
и постели“ ¹⁾.

Обычай Ярославской губ., Ростовскаго уѣзда, Угодичской во-
лости: — „Приданое жены остается отдѣльною собствен-
ностью жены и она распоряжается имъ по своему усмотрѣнію,
безъ всякаго вмѣшательства со стороны мужа. Послѣ смерти
бездѣтной жены приданое всегда возвращается въ ея родъ“ ²⁾.

Обычай — Воржской волости: — „При выходѣ замужъ отецъ не-
вѣсты даетъ ей обыкновенно приданое, которое составляетъ
ея отдѣльную собственность и мужъ не имѣетъ права
распоряжаться этимъ имуществомъ; послѣ смерти жены,
если не останется дѣтей, приданое возвращается въ семейство
умершей, хотя бы мужъ съ женою прожили вмѣстѣ и 20 лѣтъ“ ³⁾.

Обычай — Порѣчской волости: — „Приданое составляетъ от-
дѣльную собственность жены и она распоряжается имъ
по своей волѣ, безъ вмѣшательства со стороны мужа. Послѣ
смерти бездѣтной жены, если мужъ съ женою прожили вмѣстѣ
менѣе семи лѣтъ, приданое поступаетъ обратно въ ея родъ,
а если они прожили болѣе семи лѣтъ, то приданое остается у
мужа“ ⁴⁾.

¹⁾ Idem, 604.

²⁾ Idem, III, 219.

³⁾ Idem, 233.

⁴⁾ Idem, 244.

Обычай Костромской губ., Юрьевецкаго уѣзда, Соболевской волости: „Приданое бездѣтной жены идетъ въ ея домъ, потому что у насъ за невѣсту не платятъ ничего“ ¹⁾).

Обычай Харьковской губ., Валковскаго уѣзда, Старомерченской волости:— „Обычай получать кладку отъ жениха при выдачѣ дочерей замужъ — не существуетъ; невѣста получаетъ приданое изъ своего дома, *скриню*, т.-е. сундукъ съ бѣльемъ, разную одежду и холстами. На другой день, вечеромъ, послѣ свадьбы, всѣ гости, бывшіе на свадьбѣ, приѣзжаютъ дарить молодыхъ; гостей подчуютъ водкою и разнымъ виномъ, глядя по состоянію; сперва обходятъ ихъ женихъ, а потомъ невѣста, причемъ гости и даютъ подарки: хлѣбъ, разную скотину, птицу, но преимущественно деньги. Всѣ подарки эти считаются собственностью мужа, и, въ случаѣ бездѣтной смерти жены, остаются у него; приданое же, полученное женою изъ ея дома, туда же возвращается, кромѣ образа, постели и подушки; возвращается также и скотина, но приплодъ остается у мужа“ ²⁾).

Обычай Кіевской губ., Звенигородскаго уѣзда, Бужанской волости: — „Если послѣ смерти жены не осталось дѣтей, то приданое ея, состоящее обыкновенно изъ нѣсколькихъ головъ скота, остается все-таки у мужа. Кладка въ настоящее время никогда не дается. Прежде бывали случаи кладки“ ³⁾).

Обычай—Шестиринской волости:— „Послѣ смерти жены, хотя дѣтей и не осталось, приданое ея остается у мужа. Кладка (взносъ денежный за невѣсту) прежде бывала, теперь случаевъ кладки не слышно“ ⁴⁾).

Обычай Еватеринославской губ., Еватеринославскаго уѣзда, Сурской волости:— „Имущество, принадлежащее женѣ (приданое), въ случаѣ безпотомной ея смерти, поступаетъ къ мужу лишь въ томъ случаѣ, если она долго съ нимъ жила; если же они жили вмѣстѣ не болѣе года, то отецъ и братья берутъ назадъ то приданое, которое дали“ ⁵⁾).

Обычай—Солонянской волости:— „Въ случаѣ безпотомной

¹⁾ Idem. 330.

²⁾ Idem, IV, 29.

³⁾ Idem, V, 285.

⁴⁾ Idem, 290.

⁵⁾ Idem, 383.

смерти жены, приданое возвращается въ ея отцу. Приданое остается у мужа лишь тогда, когда умершая жена прожила съ нимъ лѣтъ съ десятокъ... Обычая, давать за невѣсту выводныя деньги, въ волости не существуютъ“ ¹⁾.

Обычай—Александровскаго уѣзда, Гуляйпольской волости:— „Имущество мужа и жены общее, но распоряжается имуществомъ мужъ; приданое жены также поступаетъ въ распоряженіе мужа“ ²⁾.

Обычай Саратовской губ., Камышинскаго уѣзда, Камышинской волости:— „Имущество у мужа и жены общее, кромѣ приданого жены“ ³⁾.

Обычай—Золотовской волости:— „Имущество мужа и жены общее, кромѣ приданого, которое составляетъ отдѣльную собственность жены“ ⁴⁾.

Обычай—Царицынскаго уѣзда, Песковатской волости:— „Все семейное имущество составляетъ собственность мужа, кромѣ приданого“ ⁵⁾.

Мы видимъ, что свидѣтельства о положительномъ существованіи приданого немногочисленны: восемь волостей семи уѣздовъ: Вязниковскаго, Московскаго, Клинскаго, Юрьевоцкаго, Валковскаго, Звенигородскаго и Екатеринославскаго—семи губерній: Владимірской, Московской, Костромской, Харьковской, Кіевской и Екатеринославской. Какъ въ отдѣлѣ владки и отвлеченнаго представленія dos говорится: приданое не существуетъ, а напротивъ владка, такъ и здѣсь, но только наоборотъ: здѣсь говорится: владка не существуетъ, а напротивъ, приданое. Послѣ того, какъ мы изложили этотъ послѣдній отдѣлъ, мы видимъ, что въ Вязниковскомъ уѣздѣ, Владимірской губерніи мы наблюдаемъ третью и четвертую формы. Третью форму мы находимъ въ одной Станковской волости. Четвертую форму—въ Мстерской волости. Слѣдовательно: въ Владимірской губерніи находимъ третью и четвертую формы. Третью—въ волости Владимірскаго уѣзда, третью

---

¹⁾ Idem, 396.

²⁾ Idem, 525.

³⁾ Idem, VI, 645.

⁴⁾ Idem, 648.

⁵⁾ Idem, 655.

и четвертую—въ волостяхъ Вязниковскаго уѣзда. Въ Московской губерніи—вторую, третью и четвертую. Вторую и третью—въ волостяхъ Серпуховскаго и Рузскаго уѣздовъ. Четвертую—въ волостяхъ Московскаго и Клинскаго уѣздовъ. Въ Костромской губерніи— третью и четвертую. Третью—въ волостяхъ Нерехтинскаго и Кинешемскаго уѣздовъ. Четвертую—въ волостяхъ Юрьевецкаго уѣзда. Въ Самарской губерніи—первую, вторую и третью. Первую и третью—въ волостяхъ Самарскаго уѣзда, вторую и третью—въ волостяхъ Бугурусланскаго уѣзда. Въ Саратовской губерніи—вторую и третью. Вторую—въ волостяхъ Балашовскаго уѣзда. Третью— въ волостяхъ Саратовскаго, Аткарскаго и Балашовскаго уѣздовъ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ не существуетъ ни кладки, ни приданого, а „подарки по случаю брака“ замѣняютъ кладку. Такого рода обычай мы находимъ въ Полтавской губерніи, въ Кобелякскомъ уѣздѣ, въ Кобелякской волости:— „Обычай получать кладку при выдачѣ дочерей въ замужество не существуетъ и никогда не существовалъ, насколько запомнятъ старики. На другой день свадьбы, гости и родственники со стороны жениха собираются въ домъ его отца и тамъ дарятъ жениха деньгами (иногда даютъ рублей до десяти), скотомъ, хлѣбомъ, платьемъ; затѣмъ молодые ѣдутъ въ домъ неvěсты и тамъ родственники и знакомые со стороны неvěсты подносятъ ей разные подарки и все ею полученное считается ея собственностью и въ случаѣ бездѣтной смерти идетъ къ ея отцу. Крестьяне объяснили, что указанные обычаи извѣстны всѣмъ и ведутся изстари по казачеству“ ¹⁾.

Обычай Кіевской губ., Каневскаго уѣзда, Мартыновской волости:— „Обычая, получать отъ жениха, при выдачѣ дочери въ замужество, извѣстную сумму денегъ „кладку“, не существуетъ, и кладка замѣняется свадебными подарками“ ²⁾.

Обычай—Квитковской волости:— „Обычай, получать отъ жениха деньги (кладку), при выдачѣ дочерей въ замужество, вовсе не существуетъ, „нема никогда закона такого“ — кладка

¹⁾ Idem, IV, 325.

²⁾ Idem, V, 177.

замѣняется свадебными подарками; отецъ жениха заранѣе сговаривается съ отцемъ невѣсты относительно того, кто что дастъ: „цы вола, цы ягненка, цы карбованцы“. Самый же обрядъ сватовства совершается слѣдующимъ порядкомъ: женихъ посылаетъ двухъ сватовъ въ домъ невѣсты узнать, согласны-ли на сватовство ея родители; въ случаѣ согласія, они дарятъ сватамъ платки и тогда, когда „сваты платки забрали“, устраивается сватовство и пьютъ магарычи и уговариваются о томъ, какія „ошипки“ (кокошники цѣною отъ 20 к. до одного рубля) долженъ дать женихъ родственникамъ невѣсты, а именно: теткамъ, сестрамъ и дядьбинамъ (жена дяди); матери же невѣсты даются чоботы (сапоги); невѣста обязывается отдарить, а именно: дать матери жениха, его теткамъ, сестрамъ и дядьбинамъ платки, но съ тѣмъ, чтобы цѣнность ихъ соотвѣтствовала цѣнности данныхъ женихомъ подарковъ; отцу невѣсты женихъ долженъ поднести пшеничный хлѣбъ, испеченный въ формѣ бороны, мѣдный грошъ и рюмку водки; „такой законъ уже изстари ведется и вся отцу тутъ плата за то, что дочку замужъ выдаетъ“¹⁾.

Обычай Еватеринославской губ., Верхнедѣпровскаго уѣзда, Пушкараровской волости:— „Обычая, получать отъ жениха кладку при выдачѣ дочерей замужъ, не существуетъ и даже никому неизвѣстенъ; родственники жениха и невѣсты обмѣниваются подарками, а гости привозятъ молодымъ, послѣ свадьбы, по малороссійскому обычаю, разные подарки. Въ случаѣ бездѣтной смерти жены, имущество ея поступаетъ обратно въ ея отцовскій домъ“²⁾.

Естественно, что и у многочисленныхъ инородцевъ Россіи должна существовать кладка и въ дѣйствительности она существуетъ. У мусульманскаго населенія, какъ напр., у татаръ, „свадьба иначе не устраивается, какъ въ послѣдствіи договора, по которому женихъ платитъ отцу невѣсты извѣстную сумму денегъ, подъ названіемъ калыма, о которомъ непремѣнно упоминается муллою во время совершенія бракосочетанія... Денежное вознагражденіе невѣстѣ, калымъ, отъ нѣсколькихъ

¹⁾ Idem, 203.

²⁾ Idem, 419.

рублей до тысячъ, составляетъ обезпеченіе невѣсты впоследствии, при разводѣ и употребляется на приданое. Такимъ образомъ, семейство невѣсты, выдавая ее замужъ, ничего не расходуетъ. Половина калыма идетъ *на приданое*, другая половина сохраняется отцемъ невѣсты, впредь до выбытія ея изъ дому, либо до развода, когда онъ основанъ на притязаніяхъ мужа. Если же жена желаетъ развода, то эта половина калыма возвращается мужу¹⁾. Въ Трудахъ Волостной Комиссіи, въ ея драгоцѣннѣйшихъ свидѣльствахъ, которыя для насъ важнѣе всѣхъ частныхъ изслѣдователей—по своей полнѣйшей объективности—мы находимъ тоже самое: „какъ у христіанъ, такъ и у магометанъ, женихъ платитъ за невѣсту отцу ея; у христіанъ это называется кладба, а у магометанъ—калымъ... калымъ идетъ: одна половина на наряды невѣстѣ, а другая остается ея отцу“²⁾. „У русскихъ, за невѣстою даютъ приданое, а у мордвы, напротивъ того, женихъ платитъ за невѣсту кладку“³⁾. „У христіанъ женихъ платитъ за невѣсту кладку, а отецъ невѣсты даетъ приданое. Татары и башкиры платятъ за невѣсту калымъ, который возвращается въ случаѣ смерти жены или въ томъ случаѣ, если она уходитъ отъ мужа“⁴⁾.

Тожe самое мы наблюдаемъ въ различныхъ Округахъ Кавказскихъ горцевъ. При бракѣ въ горскихъ обществахъ Кабардинскаго Округа, родственники челоуѣба, желающаго вступить въ бракъ, приступаютъ къ сватовству невѣсты, которая вполне удовлетворяетъ всѣмъ ихъ условіямъ. Если сватовство привело къ желаемому результату, невѣста и ея семья согласились на предложеніе довѣреннаго жениха: „тогда призываютъ аульнаго эфендія (муллу), который пишетъ *накаль*—брачное условіе; вызвавъ довѣренныхъ со стороны жениха и невѣсты, онъ сажаетъ ихъ передъ собой на корточки и соединяетъ большіе пальцы ихъ правыхъ рукъ; обхвативъ эти пальцы своею правою рукою, онъ спрашиваетъ о согласіи ихъ довѣрителей вступить въ бракъ; получивъ необходимыя отвѣты, эфендій читаетъ молитву и

¹⁾ Ритгихъ, Каз. губ. Т. II, с. 26.

²⁾ Т. VI, 195.

³⁾ *Idem*, 234.

⁴⁾ *Idem*, 294.

тѣмъ завершаетъ обрядъ вѣнчанія... По совершеніи накяха, со стороны жениха должна быть внесена третья часть калыма, слѣдующаго за жену. Этотъ послѣдній, въ горскихъ обществахъ Кабарды, распредѣляется слѣдующимъ образомъ: лица, принадлежащія къ сословію таубій, платятъ отъ 700 до 1000 р. с., а фамилія Таубіевъ-Урусбіевъ, какъ исключеніе, 1500 р.; лица простаго сословія—не свыше 300 руб. Спустя нѣкоторое время, послѣ уплаты первой трети калыма, вносится вторая, а затѣмъ, обыкновенно чрезъ годъ, женихъ можетъ взять невѣсту въ свой домъ и послѣ этого уже заплатитъ остальную часть калыма. Впрочемъ, такое раздѣленіе во взносѣ калыма не составляетъ непремѣннаго правила, обязательнаго для каждаго; о размѣрѣ частей калыма и срокахъ взноса ихъ, при совершеніи накяха, дѣлается особое условіе. Бываютъ случаи, что требуютъ уплаты калыма въ одинъ разъ. При совершеніи накяха, кромѣ части калыма со стороны жениха, слѣдуетъ сдѣлать подарокъ отцу или брату невѣсты — одну лошадь и пару быковъ; а эфендію, писавшему условіе, — одну лошадь или, если женихъ человѣкъ не особенно состоятельный — 10 рублей ¹⁾.

Въ Аварскомъ племени Дагестанскихъ горцевъ обряду бракосочетанія также предшествуетъ сватовство. До начала бракосочетанія, дибирь (мулла) посылаетъ къ невѣстѣ двухъ людей, которые спрашиваютъ ее, согласна ли она добровольно выйти замужъ за такой-то кебинъ (плату) и довѣряетъ ли она своему опекуну (векилю) обрядъ бракосочетанія. Неисполненіе этой формальности дѣлаетъ бракъ недѣйствительнымъ, такъ какъ, кромѣ запрещенія Шеріата вѣнчать безъ согласія невѣсты ²⁾, „кебинъ, или, какъ горцы называютъ его, *магари* есть ничто иное, какъ плата, даваемая мужчиною женщиנѣ за право быть ея мужемъ. Безъ кебина мужчина не можетъ жениться. Шаріатъ, говоря о бракѣ, даетъ ему форму торговой сдѣлки и утвержденіе муллою при свидѣтеляхъ условія кебина служить освященіемъ брака. Въ единственной молитвѣ, читаемой при совершеніи брачнаго обряда, ни слова не упоминается о бракѣ. Количество кебина

¹⁾ Сборникъ свѣдѣній о Кавказскихъ Горцахъ, Т. II, стр. 12 и 14.

²⁾ Шер. ч. II, кн. 19, ст. 35 (прим. автора).

соразмѣряется съ достаткомъ соединяющихся бракомъ¹⁾. Въ назначенный для бравосочетанія день, дибирь приходитъ въ домъ жениха, въ сопровожденіи довѣреннаго лица невѣсты или ея векиля. Послѣ обычныхъ привѣтствій „дибирь, благословясь, беретъ правыя руки жениха и векиля невѣсты и соединяетъ ихъ ладонями такъ, чтобы пальцы были протянуты и не касались тыльной поверхности кисти руки, причемъ большой палецъ жениха долженъ находиться нѣсколько выше пальца векиля невѣсты. Соединивъ такимъ образомъ руки, дибирь кладетъ свой указательный палецъ на большіе пальцы заключающихъ брачный союзъ и, обращаясь къ векилю невѣсты, произноситъ на своемъ нарѣчій, слѣдующую, установленную Кораномъ, формулу: „СЪ ПОМОЩЬЮ И СЪ СОИЗВОЛЕНІЯ БОГА, ПО ПУТИ, УКАЗАННОМУ ПРОРОКОМЪ ЗА СТОЛЬКО-ТО ДЕНЕГЪ (называетъ условленную сумму) КЕБИНА ОТДАЕШЬ ЛИ ТЫ СВОЮ ДОЧЬ ЭТОМУ ЧЕЛОВѢКУ?“ (указываетъ на жениха). По окончаніи этой формулы, тотъ, къ кому онъ обращается съ нею, повторяетъ слова дибира съ отвѣтомъ: „отдаю“. Тоже самое повторяетъ дибирь, обращаясь къ жениху съ вопросомъ: „берешь ли?“ послѣдній, произнося въ свою очередь эти слова, отвѣчаетъ: „беру“. Эти слова троекратно повторяются дибиромъ и заключающими брачный союзъ. По окончаніи обряда, дибирь читаетъ молитву, благословляющую новобрачныхъ, и произноситъ: „фатиха“, т. е. совершилось. Этотъ обрядъ бракосочетанія наз. по аварски магари — тлэ, что иначе нельзя перевести, какъ словами: заключеніе брачнаго торга, о чемъ можно судить по слѣдующему обстоятельству. Когда по совершеніи брачнаго обряда окажется, что не были въ точности соблюдены правила, установленныя Шаріатомъ при бракосочетаніи, тогда бракъ считается недѣйствительнымъ и выражается словами: магари, или дарамъ-бегичу, т. е. торгъ не годится. Въ торговыхъ дѣлахъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ фразъ, произносимыхъ при заключеніи брачнаго союза, употребляется почти та-же формула, и торгъ (дарамъ) заключается при свидѣтеляхъ вопросомъ покупателя, обращеннымъ къ продавцу: „продать ли ты мнѣ такую-то вещь, за такую-то цѣну?“ Продавецъ, отвѣтивъ утвердительно, обращается съ вопросомъ къ покупателю: „ку-

¹⁾ Сборникъ свѣдѣній о Кавказс. горц. Т. III, стр. 30.

пиль ли ты“, а тотъ долженъ отвѣчать „вупиль“. Это наз. дарамъ-габизи, т. е. совершать или заключать торгъ. Безъ точныхъ соблюденій установленныхъ для коммерческихъ сдѣлокъ правилъ, или по другимъ какимъ либо причинамъ, торгъ считается недѣйствительнымъ и выражается словами, какъ при недѣйствительности брака, дарамъ-бегичу, т. е. торгъ не годится“ ¹⁾. Относительно сватовства въ Кумыкскомъ Округѣ постановленъ слѣдующій адатъ (обычай): „мужчина, желающій посватать избранную имъ дѣвушку, обращается прежде всего къ почетнымъ и объявляетъ имъ свое намѣреніе. Почетные идутъ къ родственникамъ той дѣвушки и заключаютъ условіе калыма и кебинъ - хакка. Черезъ почетныхъ передаются невѣстѣ всѣ подарки жениха и дѣлается угощеніе ея роднымъ; послѣдніе же дѣлаютъ разные подарки почетнымъ“ ²⁾.

Въ Южномъ Дагестанѣ, адатомъ Кюринскаго Округа, постановлено: „при выдачѣ дѣвушекъ въ замужество назначается приданое домашними вещами, которое поступаетъ: а) если дѣвушка по совершеніи кебина, перешла въ домъ мужа, то, въ случаѣ ея смерти, приданое остается мужу; б) если отданная безъ замѣна дѣвушка, по совершеніи кебина, не перешла въ домъ мужа, то, послѣ ея смерти, вещи остаются ея роднымъ; г) если умереть мужъ, то жена, возвращаясь изъ его дома къ роднымъ, получаетъ всѣ тѣ вещи, которыя остались въ цѣлости изъ числа унесенныхъ при ея замужествѣ, въ приданое. Въ прежнее время существовалъ обычай, позволявшій отцу, или родственнику дѣвушки, при выдачѣ ея замужъ, брать съ жениха іолъ, что было не что иное, какъ продажа. Въ послѣднее время, по согласію большинства жителей, іолъ воспрещенъ, чѣмъ значительно улучшилось положеніе женщинъ, служившихъ предметомъ промысла ихъ родственниковъ. Въмѣсто воспрещеннаго іола назначается приданое“ ³⁾.

Въ началѣ 60-хъ годовъ, въ племени Ингушъ, Терской Области, калымъ, какъ покупная плата, также уничтоженъ съ согласія жителей и замѣнъ этого калыма, мужчина, сватая

¹⁾ Idem, T. III, 24, 26.

²⁾ Idem, T. VI, 12.

³⁾ Idem, T. VIII, 14, 17.

дѣвушку или вдову, обязанъ заплатить родственникамъ невѣсты: 1) 25 р., въ задатокъ, коими невѣста можетъ располагать по своему усмотрѣнію, — употребить на изготовленіе своего приданаго или отдать часть ихъ и даже всѣ деньги родственникамъ своимъ за воспитаніе и присмотръ за нею, и 2) 80 р., въ обезпеченіе на случай смерти или развода съ женою¹⁾).

Адатомъ Кайтаго — Табасаранскаго Округа постановлено: „Всякій мужчина, желающій жениться на дѣвушкѣ или вдовѣ, долженъ заплатить за нее условленную плату (іоль-пули) ея родственникамъ, а за неимѣніемъ ихъ — опекуну (векилю)“. Адатъ этотъ отмѣненъ въ 1862 году, причемъ объявлено, чтобы, кромѣ кебина, ничего не платить, а кебинъ назначенъ отъ 30 до 40 р. — „Если мужчина, сватая дѣвушку изъ другого семейства, условливается въ свою очередь выдать за кого-нибудь изъ членовъ того семейства, свою сестру или дочь, то, въ такомъ случаѣ, іоль-пули не платилось и обмѣнъ этотъ называется *башъ-баша*. Если два семейства породнились между собою, т.-е. обручили одинъ у другого дѣвушекъ (*башъ-баша*) и у котораго-нибудь изъ этихъ семействъ умерла дѣвушка, то родные и родственники ея обязаны выдать другую, въ противномъ случаѣ, обязаны заплатить іоль-пули. Определенной цѣны іоль-пули не было; оно совершенно зависѣло отъ обоюдныхъ условій и доходило отъ 100 до 400 руб. Обыкновенно, за дѣвушку платилось болѣе, нежели за вдову. За исключеніемъ іоль-пули, назначается кебинъ, т.-е. женихъ записываетъ женѣ своей кебинныя деньги: если невѣста дѣвица, то отъ 15 до 40 р., а если вдова, то отъ 5 до 20 р., что составляетъ неотъемлемую собственность женщины“²⁾).

Въ Верхнемъ Кайтагѣ, въ Магалахъ Ганкѣ, Гапшѣ и Мюра, адатомъ постановлено: „Всякій желающій женится прежде всего приглашаетъ къ себѣ въ домъ и угощаетъ отца той особы, которую хочетъ сватать, причемъ дѣлаетъ предложеніе; когда отецъ даетъ согласіе, то на другой день мать или сестра желающаго жениться беретъ кольцо и что-нибудь изъ сѣснаго и отправляется въ домъ невѣсты; по принятію невѣстою кольца, и дня черезъ два, женихъ приноситъ въ ея домъ мѣдной посуды руб-

¹⁾ Idem, T. IX, 45.

²⁾ Idem, T. VIII, 31, 32.

лей на 5; затѣмъ всякій праздникъ (оруджъ и курбанъ-байрамъ) приноситъ въ домъ невѣсты деньгами по 50 к., и на большомъ чурекѣ халву; все это отдаривается сырными пирожками; передъ свадьбой, по желанію невѣсты, покупается разной матеріи, рублей на 30, до 60, которая также посылается въ домъ невѣсты; приготавливаютъ бузу и совершаютъ кебинъ, причемъ записывается въ кебинъ отъ 40 до 100 р.; когда-же невѣста входитъ въ ворота дома жениха, ей назн. одна штука рогатой скотины или эшака, при входѣ же въ комнату ей дарится сундукъ¹⁾.

Въ Магалѣ Каракайтагѣ постановлено: „Если невѣста откажется отъ жениха, то родители ея возвращаютъ жениху всѣ расходы втрое и даютъ одного быка въ штрафъ“.

Въ Магалѣ Терекеме: — „Если жена не пожелаетъ жить съ мужемъ, то она можетъ уйти въ домъ своихъ родителей и требовать развода, причемъ она не только лишается кебинныхъ денегъ и всего своего имущества, но еще платитъ мужу пешманъ-пули, 25 р.“. Въ остальномъ, касающагося брака, адаты тѣ-же, что въ Магалахъ Ганкѣ, Гапшѣ и Мюра²⁾.

Въ селеніи Башлы адатомъ постановлено: „Во время сватовства назначается кебинъ въ 120 р.; эти деньги женихъ обязанъ отправить въ домъ своей невѣсты; на нихъ, какъ равно и на то, что по состоянію своему отецъ дастъ своей дочерѣ, покупается одежда и прочія вещи, необходимыя въ хозяйствѣ, и когда все это приготовится, совершается кебинъ“³⁾.

Въ Самурскомъ Округѣ, адатомъ постановлено: „Желающій жениться на дѣвушкѣ или вдовѣ долженъ заплатить за нее условленную плату (іоль-пули) ея родственникамъ, а за неимѣніемъ ихъ - векилю. Определенный цѣны іоль-пули нѣтъ; она совершенно зависитъ отъ обоюдныхъ условий; но вообще за дѣвушку платится болѣе, нежели за вдову. За исключеніемъ іоль-пули, женихъ обязывается подарить женѣ деньги, наз. кебинными: дѣвушкѣ не менѣе 15 р., а вдовѣ — не менѣе 7 р. 50 к., эти деньги - неприкосновенная собственность этой женщины“⁴⁾.

¹⁾ Idem, T. VIII, 41.

²⁾ Idem, 46, 51.

³⁾ Idem, 63.

⁴⁾ Idem, 71, 72.

У Кавказских Осетинъ, если между женихомъ и невѣстою дѣло покончено, то „старшина, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ также и женихъ, съ депутаціей молодыхъ людей отправляется въ домъ невѣсты съ напыщенной рѣчью и церемоніями, платитъ задатокъ, примѣрно въ 5 или 10 р., корову или, какъ шахимъ,—одну лошадь. У Алдаръ, или вообще у зажиточныхъ сословій, встрѣчаются почетные подарки, какъ напр., Fatibaech, Madibaech, Argwadibaech, Maderwadebaech, цѣною въ 30 рублей. По полученіи этого задатка сватовство считается поконченнымъ и неизмѣннымъ... До торжественнаго заключенія помолвки уже сообща опредѣляли калымъ (igaed) по договору между родами. Онъ состоялъ вообще до 25 коровъ, которыя отдавались или въ натурѣ, или другою скотиной, оружіемъ, мѣдной и желѣзной посудой. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, размѣръ калыма былъ еще меньше. У Алдаръ обычный калымъ былъ 300 руб., исключая вышеупомянутыхъ почетныхъ подарковъ“. ¹⁾— „Предки Осетинъ, установивши обычай брать калымъ за дочерей отъ жениховъ ихъ, имѣли благую цѣль, чтобы часть калыма этого была употреблена на нарядъ невѣсты, а остальная часть должна была остаться въ полномъ ея распоряженіи; но послѣдователи установившихъ это правило употребили его во зло, такъ что отецъ дочерей, выдаваемыхъ замужъ, беретъ за нихъ условленную плату въ свою пользу, нисколько не заботясь о будущемъ ея счастья, отчего и произошло, что нѣкоторые мужья, къ стыду ихъ, смотрятъ на жену свою, какъ на купленную, и таковая женщина, видя стѣсненное свое положеніе, груститъ и забываетъ чувство благодарности къ родителямъ ея“. ²⁾ Вслѣдствіе этого, на будущее время, на Народномъ Собраніи циркуляромъ Начальника Осетинскаго Округа, постановлено: „Каждый изъ молодыхъ людей, задумавши жениться, платитъ самъ, или родители его, отцу невѣсты калымъ, наличными деньгами, или, вмѣсто оныхъ, оружіемъ, разными цѣнными вещами и скотомъ,—но только третья часть калыма должна принадлежать собственно самой невѣстѣ, въ видѣ приданаго и кромѣ платя ея,

¹⁾ Сборн. свѣд. о Кавказѣ, Т. II, 295.

²⁾ Циркуляръ Начальника Осетинскаго Округа, *idem*, стр. 305.

на обезпеченіе въ случаѣ смерти мужа, уплатившаго калымъ“¹⁾).

„Сватовство у калмыковъ сопровождается платежемъ за невѣсту, „шагате“, подарками свадебными, „хурюмъ“ и, само собой разумѣется, брачнымъ пиромъ... Собственно шагате, значить родственное сближеніе, вступленіе въ родство; но, въ сущности, заключается въ передачѣ за невѣсту платежа, составляющаго, впрочемъ, теперь будущее имущество новобрачной четы“²⁾).

Постановленія о калымѣ у Монголо-Калмыцкихъ племенъ, въ Монголо-Ойратскомъ уставѣ „Цааджинъ-Бичиеъ“ — мы имѣемъ по списку Имп. Новороссійскаго Университета, по списку Палласа и по новѣйшему списку, изданному г. Голстунскимъ. По списку Палласа, ст. 40 по списку Новороссійскаго Университета, въ оригиналѣ, стр. 200³⁾: „Wenn ein vornehmer Mann seine Tochter verheirathet, der soll an Verlobungsgabe (Insa) dreissig Kameele oder andere Kostbarkeiten, 50 Pferde und 400 Schaaf nehmen“, т.-е. если знатный человекъ выдаетъ дочь свою за мужъ, долженъ взять по сговору „инса“: 30 верблюдовъ или другихъ драгоценностей, 50 лошадей и 400 овецъ. По списку Новоросс. Унив., эта статья, какъ и прочія, сюда относящіяся, Ойратскаго устава, переводится: за такую невѣсту жениховъ отецъ заплатить долженъ, или: платежъ за дочь такого-то, столько-то⁴⁾. „Dagegen soll er den Werth an Aussteuer ersetzen, doch nach eigenem Gutbefinden des Vaters. Saissanen über hundert“, т.-е. зайсанга надъ сотнею, или, по редакціи Нов. Унив., ясашный сборщикъ сорока кибитокъ, — sollen für ihre Töchter nehmen 5 Kameele, 25 Pferde, eben soviel Kühe und vierzig Schaaf; dagegen soll die Tochter zur Aussteuer bekommen zehn Stück genähte Kleider und eben soviel ungenähte, nebst vollkommenem Reitzug, Hausgeräth, Brautkleid, zwei Reitpferde und zwei Kameele. Giebt der Brautvater der Tochter einen Knecht oder Magd mit, oder ist die Aussteuer sonst von

¹⁾ Idem. 312.

²⁾ Сборникъ статист. свѣд. о Ставропольской губ. Вып. II, стр. 146 и 153.

³⁾ Pallas, Sammlungen historischer Nachrichten über die Mongolischen Völkerschaften, 1776, Th. I, S. 200.

⁴⁾ Ст. 46.

Werth, so unterbleiben die Kameele“ ¹⁾). По редакціи Нов. Унив.²⁾: „а если дается въ приданные служитель или служительница, то зять тества и тецу долженъ отдарить верблюдомъ“. Между тѣмъ, по редакціи Палласа смыслъ другой: unterbleiben sein, значить: не быть исполненнымъ, не исполнять, т.-е., если дается холопъ, то обязанность дать въ приданое двухъ верблюдовъ не исполняется: верблюды остаются у отца. „Geringere Saissanen (меньшіе зайсанги) sollen für die Tochter nehmen 4 Kameele, 20 Pferde, 20 Kühe, 30 Schaafe, dagegen soll die Aussteuer aus fünf genähten und fünf ungenähten Kleidern, einem Pferde, einem Kameel, und Hausgeräth nach Billigkeit bestehn. Ein wohlhabender Gemeiner soll für die Tochter nehmen 15 Pferde und Kühe, 3 Kameele, 20 Schaafe; zur Aussteuer aber soll ein Pferd, ein Kameel, 4 genähte, acht ungenähte Kleider und Geräth nach Vermögen gegeben werden. Ein Geringer soll sur Brautgabe höchstens zehn Pferde und Kühe und 15 Schaafe verlangen und die Tochter mit einem Pferde, Kleid, Reitzzeug und hinlänglichem Hausgeräth ausstatten“ ³⁾). Wann eine Jungfer während der Hochzeitszurüstungen stirbt, soll die Brautgabe ihrem Vater verbleiben; stirbt sie aber vor den Anstalten, so mögen die beiderseitigen Eltern, wegen der schon empfangenen Brautgabe, sich theilen und vergleichen. In sothaniger Theilung der Gaben soll ein Helm gegen ein Kameel oder neun Stück anderen Viehes, ein Paar Armschienen 5 Stück Vieh, eine Flinte 5 Stück Vieh, ein Panzer nebst Helm und Armschienen zehnmal neun Stück Vieh, ein guter Säbel neun, ein schlechterer 5 Stück Vieh, eine Lanze 3 Stück Vieh, Bogen und Pfeiltasche dreimal 9 Stück Vieh gerechnet werden; und so auch bei Strafgaben“ ⁴⁾). Смыслъ этой статьи совершенно другой по русскимъ спискамъ. По списку Нов. Унив. читаемъ ⁵⁾: „которая дѣвка, вышедъ замужъ и будучи еще у отца своего, умереть вскорѣ, то обещанное за нею приданое имѣть зять мужъ ея; а которая сговоренная дѣвка до замужества умереть, то женихъ ея изъ даннаго за

¹⁾ Ст. 41.

²⁾ Ст. 47

³⁾ Ст. 41.

⁴⁾ Ст. 44; въ Sammlungen, S. 201.

⁵⁾ Ст. 50.

нею отцу ея скота имѣть возвратно къ себѣ взять половину“. По списку Голстунскаго (стр. 43): „Если дѣвица по случаю сговора которой было уже пиршество, умереть, то приданое ея должно быть возвращено; (?) если то будетъ дѣвица по случаю сговора которой еще не было пиршества, то (женихъ) имѣть получить половину своего скота (т.-е. выкупа), если даль шлемъ, или латы, или панцырь, то имѣть получить“, и т. д. По списку Палласа смыслъ опять совершенно другой: если невѣста умереть во время приготовленія къ свадьбѣ, „свадебный даръ“, остается отцу ея, если же умереть до приготовленія къ свадьбѣ, то родители съ той и другой стороны „die beiderseitigen Eltern“ изъ-за (по причинѣ, ради) полученнаго уже „свадебнаго дара“, да раздѣлять они его по-ровну, т.-е. на равныя части: „so mögen sie theilen und vergleichen“. Это тройное различіе и, повидимому, невѣрная передача смысла подлинника — есть ничто иное, какъ слѣдствіе того ложнаго взгляда, который проглядываетъ всюду и вездѣ на приданое. Исслѣдователи никакъ не могутъ отрѣшиться отъ принятаго взгляда, что приданое всегда и всюду существуетъ или, по крайней мѣрѣ, съ весьма древняго времени, что брачный даръ и плата одно и то же; это послѣднее мы видимъ, именно, въ переводѣ Палласа, когда онъ обнаруживаетъ притязаніе соединить плату и даръ въ одно понятіе. Дѣйствительно-ли приданое имущество то, которое онъ, какъ и остальные, называетъ этимъ именемъ? Ибо, мы должны помнить, что Палласъ изслѣдователь новѣйшаго времени, а мы очень обстоятельно до сихъ поръ видѣли, насколько новѣйшіе изслѣдователи лишены субъективности при изслѣдованіи древнѣйшихъ институтовъ права. Вслѣдствіе разногласія всѣхъ трехъ списковъ, мы должны отнестись съ крайней объективностью и осторожностью, собственно не къ свидѣтельству, а къ переводу: дѣйствительно-ли свидѣтельство въ своемъ оригиналѣ говоритъ о дѣйствительномъ приданомъ имуществѣ, или это только современные понятія переводчиковъ, перенесенныя на почву калмыцкаго права. Не указываетъ-ли это разногласіе на неясность этого мѣста подлинника и на незнаніе переводчиковъ, о какомъ имуществѣ собственно идетъ рѣчь, не придерживаясь строго-научнаго разграниченія *dos* отъ *pretium'a*,

вогда ОДИНЪ СМЫСЛЪ оригинала переводится ВЪ ТРЕХЪ РАЗЛИЧНЫХЪ СМЫСЛАХЪ? На стр. 42, списка г. Голстунскаго, читаемъ: „Отецъ долженъ выдѣлить своимъ сыновьямъ наслѣдство по обычаю; если отецъ обѣднѣетъ, то изъ пяти скотинъ имѣеть взять по одной“. А на стр. 110, читаемъ примѣчаніе къ предъидущей статьѣ: „Женскій полъ не имѣеть доли въ наслѣдствѣ, а все поступаетъ въ пользу сыновей; но, при выходѣ замужъ, наслѣдники, воспользовавшіеся имуществомъ, *обязаны дать соответствующее положенію приданое*“. Не напоминаетъ-ли это примѣчаніе, черезъ-чуръ вольное объясненіе статьи Русской Правды о наслѣдствѣ г. Неволіна ¹⁾, которая *будто бы* содержитъ постановленіе о приданомъ: „Оже ли будетъ сестра въ дому тѣ тои статовъ не надобе нѣ отдавать ю за мужъ братья како си могутъ“ ²⁾.

Но кромѣ всего приведеннаго, мы располагаемъ еще однимъ драгоценнѣйшимъ матеріаломъ, подобнаго которому, по полнотѣ и качеству, мы можемъ найти въ литературѣ ТОЛЬКО въ драгоценныхъ, строго объективныхъ трудахъ Коммисіи по преобразованію Волостныхъ Судовъ. Подъ этимъ эпитетомъ, я подразумѣваю слѣдующій трудъ: Сборникъ обычнаго права Сибирскихъ Инородцевъ, изданный проф. Самоквасовымъ, въ Варшавѣ. Происхожденіе этого сборника, по словамъ г. профессора, слѣдующее: „Въ 1874 году, юридическій факультетъ варшавскаго университета предложилъ мнѣ дать заключеніе о значеніи для науки содержанія нѣсколькихъ рукописей, которыя библиотека университета намѣрена была приобрести отъ сенатора Губе, въ числѣ другихъ библиографическихъ приобретений. Мною высказано было мнѣніе въ пользу приобретения рукописей университетомъ и, по возможности, скорѣйшаго ихъ изданія, по слѣдующимъ мотивамъ. Изъ содержанія самыхъ рукописей и изъ объяснительной къ нимъ записки, приложенной сенаторомъ Губе, оказалось, что эти рукописи представляли собою сборникъ обычнаго права сибирскихъ инородцевъ, составленный въ двадцатыхъ годахъ текущаго столѣтія, по распоряженію нашего правительства, подъ надзоромъ генераль-губернатора Сибири и спеціальной коммисіи, самими инородцами, на собственныхъ ихъ

¹⁾ Неволинъ, Исторія Росс. Гражд. Законовъ, ч. I, стр. 109 и 110.

²⁾ Калачовъ, Русская Правда, стр. 167.

языках; свои показанія инородцы обязаны были утверждать собственноручными подписями или приложеніемъ печатей и фамильныхъ знаковъ. По переходѣ главнаго начальства надъ II Отдѣленіемъ Собственной Его Величества Канцеляріи, гдѣ хранились, въ подлинникахъ и точныхъ переводахъ, возникшіе сказаннымъ путемъ сборники права сибирскихъ инородцевъ, къ графу Сперанскому, было предположено, согласно съ возникшею тогда мыслию о составленіи сводовъ всѣхъ вообще мѣстныхъ законовъ и обычаевъ Имперіи, приготовить также сводъ законовъ и для сибирскихъ инородцевъ. Этотъ трудъ былъ порученъ д. с. с. Величкѣ, въ распоряженіе котораго послѣдовали и своды обычаевъ сибирскихъ инородцевъ, составленные официальнымъ путемъ въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія. Сенаторъ Губе, состоявшій при главноуправлявшемъ II Отдѣленіемъ, графъ Блудовъ, имѣлъ возможность разсмотрѣть и оцѣнить эти въ высшей степени интересныя и въ своемъ родѣ единственныя сборники, и приказалъ сдѣлать съ нихъ для себя копіи, съ цѣлью издать ихъ со временемъ, еслибы они не были опубликованы правительствомъ. Но правительствомъ они опубликованы не были, а между тѣмъ, по словамъ сенатора Губе, послѣ смерти Велички, онъ не могъ уже получить никакого извѣстія о подлинникахъ сборниковъ, которыхъ не оказалось въ дѣлахъ II Отдѣленія, и которые, по всей вѣроятности, пропали. Въ прошедшемъ году, уважаемый издатель „Сборника историко-статистическихъ свѣдѣній о Сибири“ искалъ сказанныхъ сборниковъ, какъ въ Россіи, такъ и въ Сибири, но ихъ нигдѣ не оказалось. Такимъ образомъ, копіи, сохранныя сенаторомъ Губе, представляютъ собою, въ настоящее время, единственное воспроизведеніе сборника обычаевъ первобытныхъ народовъ Сибири, составленнаго въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія“¹⁾. Слѣдовательно, мы имѣемъ полное право поставить эти два матеріала на одну ступень: какъ въ первомъ, организованная коммиссія обращается для составленія свѣдѣній о существующихъ обычаяхъ къ самому населенію, такъ во-второмъ, специальная коммиссія изъ самихъ инородцевъ составляетъ сборники собственнаго обычнаго права. Слѣдовательно, оба сборника лишены той субъ-

¹⁾ Сбор. обыч. права Сибирс. Инородцевъ, предисловіе, IX, X.

ективности, которая всегда может проглядывать въ этнографическихъ сочиненіяхъ путешественниковъ, ибо, какую гарантію могутъ они намъ представить, что они, отправляясь изслѣдовать мѣстные обычаи даннаго народа, отправлялись чуждые предвзятыхъ идей собственныхъ юридическихъ институтовъ, что они понимали и смотрѣли на мѣстные обычаи, очами и понятіемъ туземцевъ, что тамъ, гдѣ они свидѣтельствуютъ о приданомъ, было-ли это дѣйствительно приданое, по мѣстнымъ обычаямъ, или это, какъ будто, приданое имущество, т.-е. по нашимъ понятіямъ, у которыхъ оно существуетъ — это ТОЛЬКО приданое. Именно, эта строгая объективность трудовъ двухъ названныхъ комиссій и придаетъ ту высшую степень драгоцѣнности ихъ труду, составляетъ, именно, тотъ драгоцѣннѣйшій матеріалъ, которымъ, къ сожалѣнію, такъ бѣдствуетъ наша литература. Естественно, что инородцы не могутъ свидѣтельствовать о существованіи въ ихъ обычаяхъ юридическаго института, о которомъ они не имѣютъ понятія и который у нихъ не существуетъ.

Обычай Инородцевъ Бійскаго уѣзда: калмыкъ и татаръ: „Свадьбы бывають, по обряду ихъ, болѣе основаны на калымѣ, который состоитъ изъ скота, отъ 100 до 1000 головъ, смотря по достатку жениха и невѣсты; голова же значить лошадь, корова, баранъ, соболь, лисица, волкъ, росомаха, рысь, выдра и бѣлка, а таеже, если есть у кого, и верблюдъ; верблюдъ же полагается за 12 лошадей, а лошадь за двѣ рогатыя скотины, или 10 барановъ; звѣрь же, соболь, рысь и выдра, идетъ голова за голову; лисицъ и волковъ по двѣ въ голову, а бѣлокъ по 100; все сіе выраживають по числу; а когда выполнить женихъ ту обязанность, на коей порядится, тогда пріѣзжаетъ за невѣстой со своимъ виномъ, дѣлаемымъ изъ молока, т.-наз. аракой; тутъ подчуеть всѣхъ родственниковъ невѣсты и друзей; при семъ же угощеніи, зарѣзываютъ сытую лошадь и ѣдятъ ея мясо; потомъ, уѣзжаютъ домой, а невѣсту вслѣдъ за онымъ отвозятъ къ жениху, если есть, братъ женатый съ женою, или отецъ съ матерью, и тамъ уже отдають оную въ руки, гдѣ также довольно гуляють; особеннаго при свадьбахъ ничего не имѣють“ ¹⁾.

¹⁾ Idem, 4. стр. 2.

Обычай Инородцевъ Кузнецкаго округа: „Свадебный обычай таковъ: съ жениховой стороны родственники, приѣзжая къ родителямъ невѣсты съ виномъ, которое дѣлается изъ молока, угощаютъ и соглашаютъ отдать въ замужество дочь, обѣщая дать за то калымъ, по договору плата, скотомъ или деньгами; а когда калымъ сполна доставится, тогда женихъ увозитъ невѣсту къ себѣ, у коего, а равно и у отца невѣсты, во время таковыхъ свадебъ, по зову, собираются гости, не только ближніе, но даже живущіе верстъ за сто и болѣе, и всякій везетъ съ собою вино, которое по привозѣ и употребляютъ въ общемъ кругу“ ¹⁾.

Обычай Инородцевъ Тобольской губ.: Вогуль, Остяговъ и Самоѣдовъ: „Ежели женихъ заплатитъ калымъ за невѣсту, а она вскорѣ умретъ, калымъ обращается къ зятю, а къ тестю приданое, но если останется сынъ или дочь, тогда возврата не бываетъ. Ежели мужъ, по заплатѣ калыма, вскорѣ умретъ, а жена выйдетъ за другаго, то отъ другаго мужа калыма не требуется. Если по согласію послѣдуетъ разрывъ, мужъ отсылаетъ съ приданнымъ жену къ ея отцу, а тесть обращаетъ калымъ; но сіе дѣло обсуживаютъ прежде князя или старшины... Доколѣ калымъ не выложенъ, невѣста не отдается и женихъ иногда нѣсколько лѣтъ работаетъ на тестя. Цѣна калыма сто, двѣсти и болѣе рублей“ ²⁾.

Въ Сборникѣ Матвѣева, относительно брачныхъ обычаевъ Самоѣдовъ, читаемъ слѣдующее: „Немногочисленные брачные обряды Самоѣдовъ представляютъ самую безцеремонную торжественную сдѣлку, гдѣ дѣвушка является предметомъ торговли. Отецъ, задумавъ женить сына на извѣстной дѣвушкѣ, выбираетъ родственника или знакомаго сватомъ, по-самоѣдски *эву*, и посылаетъ его для переговоровъ съ родителями невѣсты. Эву отправляется въ невѣстинъ чумъ съ шомполомъ или варильнымъ крюкомъ въ рукѣ. Приѣхавъ туда, онъ сообщаетъ отцу невѣсты цѣль своего приѣзда и кладетъ ему на колѣно лисицу красную или бурую: цѣвтомъ ея опредѣляется состояніе жениха, самъ же выходитъ изъ чума или вовсе уѣзжаетъ обратно. Если отецъ невѣсты же-

¹⁾ Idem, II, ст. 8.

²⁾ Idem, 17, ст. 19.

даетъ отдать дочь замужъ, то оставляетъ подарокъ у себя; если же нѣтъ, то немедленно отсылаетъ его. Въ первомъ случаѣ, свать снова ѣдетъ въ чумъ невѣсты съ женихомъ, чтобы договориться окончательно о платѣ за невѣсту. Улаживается сдѣлка такимъ образомъ: свать, молча, подаетъ отцу невѣсты бирку, которую онъ привозитъ съ собою. Отецъ невѣсты дѣлаетъ на биркѣ столько рубезковъ, сколько онъ намѣренъ взять за дочь оленей, песцовъ и т. п., и затѣмъ отдаетъ бирку свату. Этому послѣднему уже извѣстно, во сколько покупатель-женихъ оцѣнилъ товаръ, и потому, если ему находить, что цѣна превышаетъ ту, на которой онъ уполномоченъ кончить дѣло, то онъ срѣзываетъ лишнее число рубезковъ... Такимъ образомъ, торгуются нѣсколько времени, обыкновенно молча, посредствомъ знаковъ. Если сойдутся въ цѣнѣ, то каждая изъ договаривающихся сторонъ кладетъ свое клеймо на концѣ палочки, которая затѣмъ раскалывается пополамъ: одна половина берется сватомъ, другая — тестемъ. Такъ заключается свадебный договоръ, и по заключеніи его женихъ входитъ въ чумъ; если же дѣло не уладится, то женихъ такъ и уѣзжаетъ, не показавшись въ чумъ невѣсты. По окончаніи сватовства, отецъ невѣсты идетъ въ чумъ жениха за полученіемъ платы. Но женихъ отдаетъ ему не всѣхъ оленей, а половину или двѣ трети ихъ, оставляя прочихъ до полученія невѣсты и ея приданого. Даваемый за невѣсту выкупъ, и довольно значительный, соразмѣряется съ достоинствомъ невѣсты и богатствомъ жениха. Достоинствомъ невѣсты считается ея богатое приданое, молодость и красота... Плата за невѣсту дается всегда оленями, сверхъ которыхъ прибавляются иногда шкуры песцовъ, лисицъ и другіе предметы. Вотъ какъ велика плата за невѣсту у Самоѣдовъ разныхъ состояній: Богатые даютъ по 100 или по 200 оленей; кромѣ того, 100—200 песцовъ, 1—2 черно-бурыхъ или 10 красныхъ лисицъ, 3 саж. тонкаго алаго, синяго или желтаго суена, 1 мѣдный котель. Самоѣды средняго состоянія: отъ 25 до 50 оленей, 25—50 песцовъ, 1—2 красныя лисицы, 3 саж. недорогога суена, 1 мѣдный котель. Бѣдные даютъ: отъ 10 до 20 оленей или деньгами отъ 7 до 15 руб. сер. Такъ дѣлается у Самоѣдовъ Большеземельной тундры. Въ другихъ мѣстахъ вовсе не даютъ денегъ, а плата производится

исключительно оленями отъ 10—100 штукъ. Женщина, выходящая замужъ вторично, цѣнится уже гораздо ниже. Взамѣнъ платы, родители невѣсты снабжаютъ ее приданымъ. Приданое состоитъ изъ чума съ *юками*, женскаго платья, хлѣба, масла, оленины, одѣяла, постели и пр.¹⁾

Объ обычаѣ Лопарей читаемъ въ томъ же сборникѣ, слѣдующее: „Когда отецъ будетъ согласенъ отдать свою дочь замужъ, то присылаетъ своего сына съ утвердительнымъ отвѣтомъ къ отцу жениха. Тотъ, получивъ отвѣтъ, прїѣзжаетъ съ родными въ домъ невѣсты. Прежде всего заключается договоръ о платѣ, которую женихъ долженъ дать за невѣсту; условія этого договора никогда не бываютъ письменныя, такъ какъ, между Лопарями не распространена грамотность. Договоръ о платѣ ведется такъ безцеремонно, какъ бы дѣло шло о всякомъ другомъ предметѣ продажи и купли, при этомъ дѣлаются обыкновенно съ невѣстиной стороны непомѣрные запросы. Плата за невѣсту состоитъ въ извѣстномъ количествѣ оленей, мягкой рухляди, или, наконецъ, въ службѣ тестю въ продолженіи извѣстнаго срока. По заключеніи договора бываетъ рукобитье, затѣмъ богомолье. На рукобитѣ и богомольѣ условія о приданомъ не бываетъ. Женихъ и невѣста обмѣниваются подарками: невѣста даритъ чашку съ морошкой, пяккуи (обувь изъ кожи оленьихъ ногъ) или обору къ кенгамъ (тоже видъ обуви), вязанный колпакъ, поясъ свекрови, а получаетъ въ обмѣнъ кольцо, прялку, платокъ.—По обычаемъ Лопарей, приданое дается невѣстѣ послѣ брака: оно состоитъ изъ слѣдующихъ вещей: юпа (женская верхняя одежда), каньги, тюкъ сѣна въ нихъ, вареги, сушеная сосна, оленья постель, ровва, половина невода, пять сѣткѣ, олень. Приданое накопляется и отцомъ и матерью; по выходѣ дѣвушки замужъ, оно поступаетъ въ распоряженіе какъ жены, такъ и мужа, даже послѣдняго болѣе, а прочимъ роднымъ до него дѣла нѣтъ. По смерти жены, до истеченія трехъ лѣтъ, а въ другихъ мѣстахъ—шести лѣтъ брачной жизни, приданое возвращается въ ту семью; отсюда взята жена, а послѣ трехъ или шести лѣтъ, хотя бы дочерей и не было, приданое не возвращается и поступаетъ въ собственность всей семьи. Кромѣ того, по словамъ

¹⁾ Записки Имп. Русск. Геогр. Общ. Т. VIII, стр. 174, 177.

фонъ-Пошмана, у Лопарей въ приданое даютъ оленей, и эти олени называются *безсмертными*: это означаетъ, что число оленей должно быть всегда цѣло и неизмѣнно¹⁾.

У Корель, послѣ обычнаго смотрѣнія и обмѣна подарковъ, женихъ кладетъ на поднось деньги и приглашаетъ отца невѣсты получить плату за то, что кормилъ и поилъ свою дочь. Лишь только отецъ начнетъ считать деньги, какъ невѣста подходитъ къ нему, обхватываетъ его за шею и причитаетъ: „Ты немного бери, батюшка, ты оставь намъ съ чѣмъ бы отсюда выѣхать, ты оставь намъ на разживу, либо въ голодный годъ хлѣба купить, либо въ Финляндію торговать идти“. Плата за невѣсту соображается со стоимостью подарковъ, требуемыхъ родней жениха, но всегда бываетъ значительно ниже; такъ напр., если подарковъ жениховой роднѣ дѣлается на 50 р. (разумѣется у богатыхъ), то отъ жениха берутъ 15 и 20 р. Черезъ недѣлю послѣ свадьбы, зовутъ молодыхъ къ тестю за полученіемъ приданого. Приданое состоитъ въ коровѣ, чашкѣ, ложкѣ, тарелкѣ, солонкѣ, женскихъ сорочкахъ, которыхъ у богатыхъ невѣстъ бываетъ до 100, сарафанахъ, платкахъ, шубахъ, кафтанахъ, разной обуви и рукавицахъ. Родственники молодыхъ, присутствующіе тутъ же, дѣлятъ приданое и молодой подаетъ на блюдѣ деньги тестю и тещѣ. Въ приморской Корелии молодой за приданое платитъ по копѣйкѣ на каждый рубль оцѣночной суммы. Тесть и теща угощаютъ прибывшихъ обѣдомъ, и поѣздъ, получивши приданое, возвращается домой. Когда пріѣзжаютъ домой, то молодая раскладываетъ для показа на столъ свое приданое и, кланяясь въ ноги свекрови, проситъ, чтобы та выбрала для себя любую сорочку. Когда свекровь пересмотритъ приданое и выберетъ сорочку, молодая складываетъ его въ сундуки, чѣмъ заканчивается свадьба²⁾.

Обычай 15 Нерчинскихъ Тунгусскихъ родовъ: „Буде двое, по обычаю, сдѣлаются сватовьями, и тотъ, который имѣетъ сына, не будетъ благоволить къ невѣсткѣ, имѣя до двадцати лѣтъ. (?) и не будетъ свота онаго выдавать, тогда отецъ дочери извѣщаетъ ближнихъ начальниковъ; сіи тогда же тѣхъ двухъ человекъ (сва-

¹⁾ Idem, стр. 23, 27.

²⁾ Idem, стр. 104, 107.

товъ) взявъ предъ себя, да рѣшать ясно, по справедливости. Бude же не хочетъ сынъ, тогда оставя весь скотъ, да разлучатся. Но бude сынъ и хочетъ, но, по скудости и невозможности, на отдачу скота не имѣеть, то никогда да не разлучаются“¹⁾.

Обычай Братскихъ (Бурятъ); о бракахъ Братскихъ (Бурятъ) и разбирательствѣ калымовъ: „У всѣхъ инородцевъ дѣлаются ихъ браки, по древнему обыкновению и вѣрѣ, взятіемъ себѣ жены за калымъ, или на промѣнъ отданной за нее дочери.

Калымъ отдается за жену, по согласію родителей съ обѣихъ сторонъ, въ малолѣтствѣ еще дѣтей; онъ платится по состоянію не равно, изъ разнаго скота, отъ 30 до 100 и болѣе головъ, или вмѣсто онаго отдается такая же невѣста.

Такимъ образомъ, взятая Братскимъ жена почитается имъ какъ купленная, но не крѣпостная и въ общезитіи, ему равная помощница“²⁾.

Обычай Якутовъ: „Якуты женятся, отдавая за жену условленное количество живаго и убитаго скота, а иногда и денегъ, по временамъ и по частямъ, что называется калымомъ. Въ вознагражденіе сего убытка отъ родителей или родственниковъ невѣсты, просватавшихъ оную, поступаетъ, подъ именемъ приданы, скотомъ, платьемъ, а иногда деньгами, на половину всего условленнаго калыма; менѣе же половины калыма, жена не можетъ имѣть приданой, а имѣеть болѣе, иногда превосходящее и весь калымъ (что очень рѣдко случается) остается на волѣ родителей ея; сверхъ того, женихъ на свадьбѣ даритъ родственниковъ невѣсты скотомъ или деньгами, или же звѣриными шкурами“³⁾.

Относительно тѣхъ же обычаевъ у Якутовъ, читаемъ въ сборникѣ Матвѣева: „По окончаніи предложенія отецъ невѣсты спрашиваетъ: „А что будетъ дано за невѣсту?“ „Столько, сколько угодно будетъ запросить моему будущему свату“, отвѣчаетъ отецъ жениха. Сперва отецъ невѣсты запрашиваетъ за дочь весьма значительную сумму, которую отецъ жениха старается

¹⁾ Сборникъ, I, стр. 25.

²⁾ Idem, IV, стр. 100.

³⁾ Idem, XIV, стр. 221.

уменьшить; потомъ цѣна постепенно понижается, по всѣмъ правиламъ торга, и, наконецъ, доходить до нормальной. Если желающіе вступить въ родство имѣютъ достаточное состояніе, то цѣна останавливается обыкновенно на 10 *курумахъ*, иногда болѣе, а иногда и менѣе. Курумомъ называется у Якутовъ лошадь или быкъ, но не корова. Такимъ образомъ, въ 10-ти *курумахъ* должно быть 3 быка, 3 кобылы и 4 жеребца или мерина; изъ этого числа 5 животныхъ могутъ быть представлены въ штукахъ, а 5 на ногахъ. Кромѣ того, часть цѣны за невѣсту должна состоять изъ чистыхъ денегъ. Если цѣна остановилась на 10 *курумахъ*, то денежная часть состоитъ изъ 150—300 руб., и въ томъ числѣ четвертую часть непременно серебромъ, употребляемымъ на украшеніе сѣделъ, поясовъ и другія подѣлки. Опредѣливъ цѣну невѣсты, будущіе родственники начинаютъ толковать о томъ, какое приданое будетъ дано за нею¹⁾.

Мы видимъ, что общее предписаніе брачныхъ обычаевъ Инородцевъ—по обыкновенію и вѣрѣ взятіемъ себѣ жены за калымъ, или на промѣнѣ отданной за нее дочери. Это—основной обычай. Приданое тамъ, гдѣ хотя и встрѣчается въ ихъ обычаяхъ, какъ напр., у Вогуль, Остяковъ, Самоѣдовъ, Бурятъ Селенгинскаго вѣдомства, но далеко не то, что первое; очевидно, что оно не основной обычай, а второ степенной важности, ибо о немъ совсѣмъ не такъ подробно говорится, а вездѣ, какъ-то, мимоходомъ; оно въ зависимости отъ данныхъ обстоятельствъ: можетъ и быть, какъ можетъ и не быть. У Калмыковъ и Татаръ Бійскаго округа, расположеннаго въ Алтайскихъ горахъ, у инородцевъ Кузнецкаго округа совершенно умалчивается о приданомъ. Въ общихъ обычаяхъ у Бурятъ рѣзко выражается основаніе брака „по древнему обыкновенію и вѣрѣ, взятіемъ себѣ жены за калымъ, или на промѣнѣ отданной за нее дочери“, правило, которое можно принять за основаніе брака, для всѣхъ инородцевъ вообще.

Соотвѣтственно мѣстностямъ, кладка носитъ названіе: столовыхъ денегъ или денегъ на столъ, выговоромъ, вкладомъ, выводомъ, выходомъ, наградою или наградными деньгами. Мы можемъ провести аналогію между Русью и Западомъ еще далѣе и

¹⁾ Записки Имп. Русск. Геогр. Общ., Т. VIII, стр. 280.

утверждать, что даже въ различныхъ названіяхъ одного и того же предмета—мы наблюдаемъ сходство между Русью и Западомъ. У каждаго народа Запада въ отдѣльности, pretium носить свое собственное, національное названіе. Meta, geipus, wittemon, mundr, ceap—суть дѣти одного большаго семейства, имѣющаго одного общаго родоначальника: pretium. Столовые деньги, выговоръ, владѣ, выводъ, выходъ, награда, кебинъ, магари, іоль-пули, праэдъ, инса, шагате, валымъ, мехръ, мохаръ—суть дѣти болѣе обширнаго еще семейства, имѣющаго одного общаго родоначальника: pretium. Безъ сомнѣнія, современный русскій pretium-кладка совсѣмъ другое, чѣмъ pretium варваровъ, чѣмъ pretium Среднихъ Вѣковъ, когда онъ является необходимою для дѣйствительности брака, въ смыслѣ законности брака, какъ въ христіанской странѣ церковное вѣнчаніе и брачный контрактъ. Онъ совсѣмъ другое даже у русскихъ инородцевъ, какъ напр. въ Аварскомъ племени Дагестанскихъ горцевъ эта законность такъ рѣзко выражена, что другой такой въ свидѣтельствахъ болѣе не находимъ. Но не представляетъ трудности понять причину этого различія, которая кроется единственно въ различіи христіанства отъ язычества, ибо христіанскій духъ совсѣмъ другое, чѣмъ духъ язычества. На Западѣ, pretium хотя и находимъ въ самомъ началѣ введенія христіанства, но, по идеи, онъ весь еще принадлежитъ язычеству. Его зарожденіе, дѣтство и юность относятся къ этой послѣдней эпохѣ. Естественно, слѣдовательно, что русская кладка - pretium на столько различна отъ pretium'а народовъ Запада, насколько христіанскій духъ отличается отъ языческаго. На Руси, гдѣ слѣды брака pretium-emptionis, даже въ первоначальныхъ свидѣтельствахъ лѣтописцевъ, такъ слабо выражены, и гдѣ Римская дотальная система была перенесена, такъ старательно духовенствомъ, pretium-emptionis проглядываетъ и въ народныхъ обычаяхъ, онъ проглядываетъ и въ народныхъ пѣсняхъ и сказаніяхъ, а именно при расплетаніи и продажи косы. Я привожу нѣсколько свадебныхъ пѣсенъ ¹⁾, содержащія слѣды глубокой древности, ибо и въ этихъ пѣсняхъ, въ этой народной поэзіи, выливается наружу обычай pretium-emptionis. Можетъ быть,

¹⁾ Дополненіе 4-е.

нѣкоторымъ покажется неестественнымъ, напускнымъ содержаніе этихъ пѣсенъ. Но, взглянувъ очами древности, мы увидимъ, что, когда pretium состоялъ въ строгой, дѣйствительной платѣ-покупки, эти слезы и стоны, слѣдствіе не мимолетнаго душевнаго настроенія, а дѣйствительнаго, глубокаго горя, горя тяжелой домашней обстановки. Въ этихъ свадебныхъ пѣсняхъ, въ этой народной поэзіи, правдиво и естественно выливается горе, единственно только для того, чтобы нѣсколько облегчить душу.

Для насъ представить громаднѣйшій, безграничный историческій интересъ прослѣдить теперь, на основаніи изложенныхъ свидѣтельствъ, тотъ постепенный историческій ходъ развитія dos отъ первыхъ свидѣтельствъ, помѣщенныхъ нами въ началѣ, т.-е. отъ этихъ восьми волостей: Поддубровской—Усманскаго уѣзда, Тамбовской губерніи; Бутырской волости, Липецкаго уѣзда, той же губерніи; Старобуяновской, Тенѣвской, Чистовской, Елшанской, Каменской—Самарскаго уѣзда, Самарской губерніи; Павловской волости Бузулуцкаго уѣзда, той же губерніи, т.-е. отъ мѣстностей, гдѣ говорится только о кладѣ и абсолютно умалчивается о приданомъ—къ мѣстностямъ, гдѣ приданое существуетъ ТОЛЬКО въ отвлеченномъ представленіи о немъ народа, которое еще не существуетъ въ реальной дѣйствительности (вышеприведенныя двадцать девять волостей девяти уѣздовъ пяти губерній). прослѣдить далѣе переходъ отъ этихъ послѣднихъ къ мѣстностямъ, гдѣ существуетъ кладва—dos и кладва и dos—(вышеприведенныя шестьдесятъ четыре волости двадцати четырехъ уѣздовъ семи губерній) и перейти, наконецъ, къ послѣдней переходной ступени: къ мѣстностямъ, гдѣ dos существуетъ въ реальной дѣйствительности.

Институтъ dos мы можемъ прослѣдить, шагъ за шагомъ, съ самаго перваго момента его появленія, со всѣмъ послѣдующимъ ходомъ его развитія. Мы можемъ, даже, прослѣдить весь процессъ его зарожденія, которому, конечно, предшествуетъ причина. Причина эта намъ положительно извѣстна; причина эта: вліяніе Римскаго Права. Римское Право, такъ сказать, оплодотворило духовную сторону русскаго народа (восемь волостей четырехъ уѣздовъ двухъ губерній), которое выразилось въ формѣ зародыша идеи, именно ТОЛЬКО зародыша, такъ какъ, первая

фаза, представляющаяся намъ вслѣдъ за оплодотвореніемъ, но выраженіе идеи въ реальной дѣйствительности, нѣтъ, а существованіе ея въ отвлеченномъ представленіи народа (двадцать девять волостей девяти уѣздовъ пяти губерній: вторая переходная форма), существованіе въ умственномъ содержимомъ народа, и это отвлеченное существованіе продолжается до тѣхъ поръ, пока не разовьется вполне въ ПОЛОЖИТЕЛЬНУЮ ИДЕЮ права. Вторая фаза зародышеваго развитія: переходъ отъ умственнаго представленія къ владкѣ и dos (шестьдесятъ четыре волости двадцати четырехъ уѣздовъ семи губерній: третья переходная форма) и наконецъ, РОЖДЕНІЕ ИДЕИ, выразившееся въ формѣ опредѣленнаго юридическаго образа въ мірѣ реальной дѣйствительности (восемь волостей семи уѣздовъ шести губерній: четвертая переходная форма). Мы видимъ, даже, что мы не только наблюдаемъ сходство, но можемъ прямо и непосредственно сравнить физиологическое зарожденіе съ интеллектуальнымъ. Также процессъ оплодотворенія предшествуетъ зарожденію идеи, оплодотвореніе въ формѣ воздѣйствія окружающихъ жизненныхъ условій на духовную сторону народа, дальнѣйшее развитіе зародыша идеи въ умственномъ содержимомъ народа и появленіе его наружу въ формѣ опредѣленной, созрѣвшей идеи. Только въ обычномъ правѣ, мы можемъ найти ИДЕЮ права и дѣйствительно глубоко изучить ее, только въ обычномъ правѣ, мы можемъ найти полную идею права: ея зарожденіе, развитіе и появленіе въ мірѣ реальной дѣйствительности во всей силѣ. Съ введеніемъ христіанства происходитъ рецепція института dos Грекоримскихъ законовъ—первый моментъ: оплодотвореніе духовной стороны народа; второй моментъ: возникновеніе зародыша идеи dos въ духовномъ содержимомъ народа; третій моментъ: переходъ отъ умственнаго представленія къ владкѣ—dos; четвертый моментъ: переходъ отъ умственнаго представленія къ dos отъ семьи невѣсты, переходъ, представляющій послѣднюю фазу зародышеваго развитія; пятый моментъ: появленіе на свѣтъ идеи dos въ формѣ опредѣленнаго юридическаго образа, въ формѣ dos Римскаго Права. Dos Римскаго Права оплодотворила духовную сторону русскаго народа, слѣдовательно, должна явиться Римская dos. Но должна ли русская dos—дщерь Римскаго Права абсолютно походить на своего

родителя? Для чего? Она будет походить на него настолько, насколько безчисленныя окружающія жизненныя условія способствуют ей слѣдовать въ своемъ развитіи по стопамъ своего родителя. Насколько, слѣдовательно, жизненныя условія отличаются тождественностью при развитіи русской дщери и римскаго родителя. Мы видимъ, какъ dos составляется, одновременно, и отъ семьи, и отъ владки, и только отъ семьи и при одновременномъ существованіи владки, то женихъ платитъ отцу, то отецъ жениху, „смотря потому, кто чего стоитъ“. Въ одной волости приданое возвращается въ случаѣ бездѣтной смерти жены, въ другой—возвращается только то приданое, которое было составлено семьей невѣсты, приданое, составленное владкою, остается у мужа или оно „пожалуй“ только остается мужу, или владка-dos никогда не переходитъ къ мужу. Въ одной волости приданое возвращается послѣ бездѣтной смерти жены, если бракъ не продолжался болѣе десяти лѣтъ; въ другой—приданое никогда не возвращается родителямъ, а остается у мужа вмѣстѣ съ владкой. Въ одной волости приданое возвращается родителямъ, если бракъ не продолжался болѣе двухъ лѣтъ, въ другой—мужъ обязанъ возвратитъ приданое послѣ смерти жены ея родственникамъ, если послѣдніе возвратятъ ему владку. Въ одной волости приданое всегда остается мужу, потому что онъ за жену деньги заплатилъ; въ другой—приданое, въ случаѣ смерти жены, вскорѣ послѣ замужества, возвращается родителямъ. Въ одной волости—хотя бы жена умерла бездѣтною и вскорѣ послѣ брака—приданое остается мужу; въ другой—отцы съ обѣихъ сторонъ заключаютъ условіе, какъ поступитъ съ приданнымъ въ случаѣ кончины невѣсты: должно ли оно остаться мужу или возвратиться родителямъ. Въ одной волости приданое бездѣтной жены, въ цѣломъ составѣ непременно возвращается отцу: „все, что срядилъ отецъ, то и возьметъ обратно“; если отецъ далъ корову, то корову онъ беретъ себѣ, а приплодъ оставляетъ у вдовца; въ другой—мы видимъ, говорится: „куда идетъ приданое бездѣтной жены, мы не знаемъ, и такихъ порядковъ у насъ никогда не бывало“. (Кюноновская волость, Семеновскаго уѣзда, Нижегородской губерніи). Въ переходной формѣ отъ pretium'a къ dos—мы на-

блюдаемъ такую массу видоизмѣненій, такой безконечный рядъ всевозможныхъ индивидуальныхъ измѣненій, что мы не въ состояніи прослѣдить, иногда, даже уловить, подмѣтить ихъ и не только у народовъ вообще, но среди одного народа измѣненія въ понятіи о цѣнности и возникновенія понятія о dos — безграничны; видоизмѣненіе ИДЕИ обычнаго права не имѣетъ границъ. И всѣ эти безчисленныя видоизмѣненія, мы можемъ обозначить только одной общей переходной формой отъ отвлеченнаго представленія народа о dos — къ совпаденію pretium'a и dos въ существованіи.

Въ четвертой переходной формѣ, гдѣ dos существуетъ положительно, мы видимъ, говорится: кладка не существуетъ, а напротивъ, приданое, т.-е. говорится такъ же, какъ во второй переходной формѣ, гдѣ кладка существуетъ въ реальной дѣйствительности, а dos только въ отвлеченномъ представленіи о ней народа, т.-е., что въ четвертой формѣ dos существуетъ въ реальной дѣйствительности, а кладка изъ міра реального переходитъ въ міръ невидимый, въ отвлеченное представленіе о ней народа. Мы видимъ, въ нѣкоторыхъ волостяхъ говорится: въ прежнія времена женихъ платилъ за невѣсту; въ другихъ — обычай кладки не существуетъ и наконецъ въ третьихъ — о кладкѣ совсѣмъ не упоминается, абсолютно умалчивается, а существуетъ одна dos. Но что же означаетъ это глубокое молчаніе о кладкѣ, что она у нихъ прежде никогда не существовала? Или, что она у нихъ не существуетъ въ отвлеченномъ представленіи? Она существуетъ въ отвлеченномъ представленіи, ибо если бы она не существовала отвлеченно, то идея dos видоизмѣнилась бы въ слѣдующую идею, а этого нѣтъ. А если она существуетъ въ отвлеченномъ о ней представленіи, то до этого она существовала положительно. Мѣстности, гдѣ не существуетъ ни кладки, ни dos, а свадебные подарки „замѣняютъ“ кладку — представляютъ для насъ въ высшей степени драгоцѣннѣйшій матеріалъ. Хотя въ волостяхъ и говорится: „нема никогда закона такого“ или кладка не существуетъ и даже никому неизвѣстна, или „кладка не существуетъ и никогда не существовала, на сколько запомнятъ старики“, то отсутствіе существованія кладки въ воспоминаніи стариковъ не доказательство ея несуществованія въ древ-

ности: развѣ они могутъ помнѣть, какой обычай существовалъ 200, 300, 400, 1000 лѣтъ тому назадъ, или до введенія еще христіанства. Но вѣдь у насъ выработана наконецъ формула, на основаніи общаго закона развитія идеи права, съ помощью которой мы можемъ точно и безошибочно узнать—существовалъ pretium въ древности въ этой мѣстности или нѣтъ. Если эти волости говорятъ, что владка не существуетъ, то этимъ они говорятъ, что хотя она и не существуетъ въ дѣйствительно-реальномъ мірѣ, но существуетъ въ отвлеченномъ о ней представленіи, а мы знаемъ, что отвлеченное представленіе идеи права составить для pretium'a въ формулѣ dos, или вообще въ формулѣ развивающейся идеи, первую переходную форму съ конца, отвлеченная форма, которую идея развивающаяся занимаетъ, какъ вторую съ начала, ибо переходныя формы идеи развивающейся подвигаются впередъ, а переходныя формы pretium'a, какъ отживающей свое существованіе идеи, подвигаются въ обратномъ направленіи, т.-е. назадъ. Слѣдовательно, если въ первой формѣ съ конца онъ существуетъ отвлеченно, то въ четвертой онъ существовалъ положительно.

О. о. п. D. D.   D. | формула pretium — dos.
 P.   P. P. о. п. P. |

Идея dos въ этихъ волостяхъ абсолютно отсутствуетъ: не существуетъ ни въ реально-дѣйствительномъ мірѣ, ни въ отвлеченномъ. Но на что же это указываетъ? Можетъ быть это указываетъ на отсутствіе также pretium'a? Посмотримъ. Если у насъ составлено понятіе объ извѣстной формѣ, когда съ этой формой соединено представленіе о такихъ-то и такихъ-то присущихъ ей отличій и мы этой формѣ въ дѣйствительности не находимъ, то отсутствіе этой формы не доказываетъ, конечно, отсутствіе родоначальника, отсутствіе предшествующей формы, точно такъ же, какъ несуществованіе въ дѣйствительности ребенка со всѣми тѣми отличительными признаками, которые мы о немъ себѣ заранѣе составили,—не есть доказательство несуществованія родителя, который, при другихъ условіяхъ, могъ бы создать именно такого ребенка, признаки котораго соответствовали бы заранѣе составленнымъ о немъ нами понятіямъ. Абсолютное отсут-

ствіе существованія именно **ТАКОГО** ребенка, или: абсолютное отсутствіе существованія dos, доказываетъ лишь отсутствіе ре-цепции, указываетъ лишь на отсутствіе оплодотворенія со стороны Римскаго Права ЭТОГО духовнаго содержимаго народа. Pretium, какъ идея отвлеченнаго и реально — дѣйствительнаго существо-ванія, ибо существуя въ дѣйствительно—реальномъ мірѣ онъ не можетъ не существовать въ отвлеченномъ представленіи о немъ народа, духовное содержимое котораго въ моментъ оплодотворе-нія состояло именно въ идеи pretium'a, то послѣдній, не по-лучая оплодотворенія со стороны Римскаго Права, а со стороны другихъ окружающихъ жизненныхъ условий—видоизмѣняется въ обыкновенные „свадебные подарки“,—подарки по случаю брака. Для такихъ мѣстностей формула будетъ:

O.	o. п.	B. П.	B. П.	B. П.	o. п.	NN.	. . .
P.	P.	P.	o. п.	P.	B. П.	. . . . .	
					a. o. P.		

На что указываетъ отвлеченное существованіе pretium'a? На то, что идея свадебныхъ подарковъ не видоизмѣнилась въ слѣдую-щую идею права. Взглянувъ на формулу, мы узнаемъ, что какъ скоро идея брачныхъ подарковъ видоизмѣнится, идея pretium'a перейдетъ въ абсолютное отсутствіе. И дѣйствительно, мы ви-димъ, что въ свидѣтельствахъ, кромѣ отвлеченнаго существованія pretium'a и реально-дѣйствительнаго существованія брачныхъ по-дарковъ, другая идея права абсолютно отсутствуетъ. Но, что мы еще видимъ въ отдѣлѣ реально-положительнаго существованія dos? Мы видимъ слѣдующую переходную форму, слѣдующее видо-измѣненіе идеи права. Могучій толчекъ, данный Петромъ Ве-ликимъ, видоизмѣняетъ идею права, видоизмѣняетъ ее въ слѣ-дующую переходную форму. Это послѣднее и новѣйшее видо-измѣненіе идеи: dos, какъ рагарhegna, какъ отдѣльное имуще-ство жены. Это дальнѣйшее видоизмѣненіе идеи мы наблюдаемъ въ Угодичской, Порѣчской и Воржской волостяхъ Ростовскаго уѣзда, Ярославской губерніи; въ Камышинской и Золотовской волостяхъ Камышинскаго уѣзда, Саратовской губерніи и въ Песковатской волости Царицынскаго уѣзда той-же губерніи. Если положительное законодательство и обычное право говорятъ:

приданое есть отдѣльное имущество жены, то этимъ они утверждають, что приданое, какъ имущество, переходящее въ мужу, хотя болѣе и не существуетъ въ реальной дѣйствительности, но существуетъ въ отвлеченномъ мірѣ, существуетъ въ отвлеченномъ представленіи о немъ народа. Отвлеченное представленіе идеи права dos, въ формулѣ отдѣльнаго имущества жены, занимаетъ первую переходную форму съ конца:

О. о.п.О.И.Ж.	О.И.Ж.	О.И.Ж.	формула dos—parapherna.
D.	D.	D.	
о.п.Р.	а.о.Р.	о.п.Д.	

Мы имѣемъ одно сообщеніе Лэббока¹⁾: у тѣхъ дикихъ племенъ, у которыхъ брачный обычай носить насильственный характеръ похищенія (usurpatio), дошли теперь до той степени развитія, на которой признаются родительскія права, и потому отцы могутъ и продають дочерей въ бравъ. Идея pretium'a у дикаря будетъ развиваться по тѣмъ-же переходнымъ формамъ. Формула pretium'a будетъ:

О. о.п.Р. Р.	Р.	формула usurpatio—pretium.
U.	U. U. о.п. U.	

Всѣ три формулы могутъ быть выражены такъ:

О.о.п.Р.Р.	Р.	О.о.п.Д.Д.	Д.	Д.	О.о.п.О.И.Ж.	О.И.Ж.	О.И.Ж.	О.И.Ж. . . .
U.	U. U.	о.п. U.	а.о. U.		Д.	о.п.Д.	о.п. NN.	а.о. D.
о.п. NN. а.о. NN.								

Въ формулѣ отдѣльнаго имущества жены существуетъ еще отвлеченное понятіе dos. Это понятіе перейдетъ въ абсолютное отсутствіе dos, когда идея отдѣльнаго имущества жены видоизмѣнится въ слѣдующую идею. А, такъ какъ, этого видоизмѣненія еще не произошло, то мы абсолютнаго отсутствія dos не имѣемъ. Такъ какъ, въ природѣ все совершается постепенно и послѣдовательно, то дальнѣйшее развитіе идеи права должно постепенно и послѣдовательно переходить съ одной формы въ слѣдующую, точно также, идеи отживающія свое существованіе будутъ идти въ обратномъ направленіи чрезъ всѣ тѣ переходныя формы, чрезъ которыя онѣ

¹⁾ The Origin of Civilisation and the Primitive condition of Man, by Sir John Lubbock, p. 100.

уже разъ прошли, идя впередъ. Но какъ мы можемъ узнать существованіе идеи въ какомъ либо историческомъ періодѣ, или на какой либо ступени общественнаго развитія народа? Мы должны твердо помнить, что изъ ничего мы ничего и не узнаемъ, ибо изъ ничего, ничего и не возникаетъ или „ничто не происходитъ изъ ничего и ничто не обращается въ ничто“. Мы должны взять двѣ положительныя формы или двѣ положительно существующія идеи: отвлеченную и реально-дѣйствительную и спустаться внизъ, по нисходящимъ ступенямъ. Подниматься вверхъ мы не можемъ, ибо не знаемъ, какъ окружающія жизненныя условія, воздѣйствуя на идею, видоизмѣняютъ ее. Мы должны, непрерывно, взять двѣ формы или двѣ идеи, ибо это положительный законъ, который мы можемъ прослѣдить чрезъ всю исторію развитія идеи, что положительно существуютъ двѣ противоположныя идеи одновременно: одна въ дѣйствительно-реальномъ мірѣ, другая—въ отвлеченномъ или одна положительная, другая отвлеченная. Всегда существуютъ двѣ протовоположныя идеи права, какъ *usurpatio* и *pretium*, *pretium* и *dos*, *dos* и *raparherna*, изъ которыхъ одна всегда отвлеченная, другая всегда положительная. Даже тогда, когда двѣ противоположныя идеи совпадаютъ въ существованіи такимъ образомъ, что существуютъ въ реальной дѣйствительности одновременно, то и тогда онѣ не прекращаютъ своего существованія отвлеченно, ибо невозможно представить, чтобы идея, существующая въ мірѣ реальной дѣйствительности, не существовала бы также въ отвлеченномъ о ней представленіи (форма $\frac{D.}{P.}$). Но существованіе въ этой формѣ развивающейся идеи есть только относительно положительное, она перейдетъ въ абсолютно положительную только въ слѣдующей формѣ, когда начнетъ одновременное существованіе съ отвлеченной, когда займетъ то-же самое мѣсто, которое одновременно существующая съ ней идея занимаетъ въ четвертой формѣ съ конца. Изъ формулы, выработанной на основаніи общаго развитія идеи права—мы знаемъ, что отвлеченныя понятія развивающейся идеи, т.-е. идеи, которая двигается впередъ въ своемъ развитіи, будутъ идти снизу вверхъ, положительныя понятія отживающей свое существованіе идеи, т.-е. идеи, которая двигается назадъ въ своемъ развитіи — сверху внизъ.

Возьмемъ двѣ положительно существующія формы: О. И. Ж.
о. п. Д.
одна будетъ положительная, другая—отвлеченная. Въ каждой формулѣ эта форма будетъ четвертая сначала или первая съ конца. Считаемъ съ конца. Спустившись внизъ, мы всегда найдемъ, что идея, которая въ первой формѣ положительна, въ третьей всегда отвлеченна, а идея, которая въ первой формѣ отвлеченна, въ третьей всегда положительна. Разъ мы найдемъ, что идея, которая въ первой формѣ положительна, въ третьей отвлеченна, то эта отвлеченная показываетъ, что она видоизмѣнилась изъ предъидущей положительной. Эта отвлеченная всегда видоизмѣнится изъ той формы, съ которой она существуетъ одновременно, такъ какъ, первая отвлеченная, то вторая—положительная, то предшествующая, изъ которой видоизмѣняется отвлеченная, всегда будетъ та положительная идея, съ которой отвлеченная существуетъ одновременно и всегда будетъ та, которая въ первой формѣ отвлеченна. Разъ мы узнали третью форму, узнать вторую легко: она всегда будетъ состоять изъ двухъ одновременно существующихъ противоположныхъ идей; идея, которая въ предшествующей формѣ была положительна, останется ею и въ слѣдующей формѣ; идея, которая въ предшествующей формѣ отвлеченна, перейдетъ въ слѣдующей въ относительно положительную, ибо въ абсолютно положительную, она перейдетъ въ слѣдующей переходной формѣ, когда будетъ одновременно существовать съ противоположной отвлеченной. Мы спускаемся на слѣдующую ступень и уже знаемъ, что одна идея будетъ положительная, и именно та положительная, съ которой послѣдующая отвлеченная существуетъ одновременно и которая въ первой формѣ отвлеченная. Спустившись на четвертую ступень или на первую съ конца для слѣдующей нисходящей формулы, мы должны обратиться къ свидѣтельствамъ, но не для того, чтобы узнать какая эта идея: положительная или отвлеченная, мы это и безъ нихъ знаемъ, что если одна положительная, то другая отвлеченная, мы знаемъ это на основаніи общаго закона развитія идеи, мы познали наконецъ этотъ положительный законъ, законъ двойственности идеи въ одной области понятія: одновременнаго существованія одной положительной и одной отвлеченной,

и положительная будет всегда противоположность отвлеченной, а отвлеченная будет всегда противоположность положительной. Мы обратимся къ свидѣтельствамъ, чтобы узнать названіе, имя этой идеи, ибо мы не знаемъ ни тѣхъ окружающихъ жизненныхъ условий, ни того названія, которое они дали видоизмѣненной ими предшествующей идеи. Разъ мы нашли имя этой отвлеченной идеи, а имя положительной намъ уже извѣстно, мы можемъ опять такъ же поступить, какъ въ формулѣ отдѣльнаго имущества. Дойдя до послѣдней четвертой формы, мы опять прибѣгаемъ къ помощи свидѣтельствъ, ибо опять не знаемъ имя отвлеченной идеи. Найдя это послѣднее, мы опять поступаемъ такъ же, какъ и въ предшествующихъ формулахъ. Такимъ образомъ, мы можемъ изслѣдовать идею у различныхъ племенъ, стоящихъ на различныхъ ступеняхъ общественнаго развитія. Въ этомъ отношеніи сравнительное изученіе идеи окажетъ безцѣнные услуги, ибо откроетъ намъ предшествующія, неизвѣстныя намъ идеи права. Если мы можемъ спускаться только внизъ, а не подниматься вверхъ, т.-е. впередъ, то это не означаетъ, что на основаніи изложенной формулы, мы не можемъ знать, какъ въ будущемъ будутъ развиваться идеи, они будутъ развиваться по тому же общему закону, закону двойственности идей, это означаетъ только, что намъ неизвѣстно то названіе, мы не знаемъ имя, которое окружающія жизненные условия, воздействуя на идею, дадутъ ей, во что, въ какую идею, они видоизмѣнятъ ее. Потому, изложенная формула можетъ быть разсматриваема, какъ частная формула. Я прилагаю отдѣльно общую формулу, гдѣ всѣ существующія названія подмѣнены вымышленными буквами и гдѣ мы можемъ прослѣдить весь ходъ развитія идеи вообще.

Представимъ себѣ возможности, отъ вліянія ненормальныхъ окружающихъ жизненныхъ условий: С получаетъ оплодотвореніе со стороны окружающихъ условий: зарождается отвлеченное понятіе D. Но окружающія условия разрушаютъ зародышъ идеи и вновь воздействуютъ на С., является новое зарожденіе идеи въ лицѣ отвлеченнаго понятія S, а отвлеченное понятіе D переходитъ въ абсолютное отсутствіе.

Окружающія условия оплодотворяютъ С и зарождается отвлеченное понятіе D., но въ дальнѣйшемъ развитіи и при совпа-

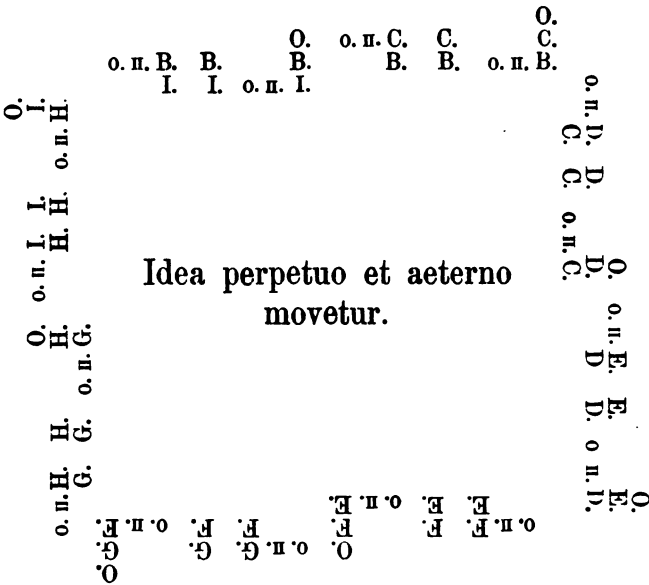
деніи D съ C, окружающія условия разрушаютъ D и вновь воздѣйствуютъ на C, является отвлеченное понятіе Q, а, такъ какъ, D въ этой формѣ не абсолютно-положительное, а представляетъ вторую фазу зародышеваго развитія идеи, обращается въ абсолютно-положительную только въ слѣдующей формѣ, при одновременномъ существованіи другой — отвлеченной, то и переходитъ въ абсолютное отсутствіе. Окружающія жизненные условия всегда будутъ воздѣйствовать и вновь также на C, ибо C есть та идея, та невидимая форма, въ которую облекается идея и которая въ данный моментъ составляетъ духовное содержимое народа.

Въ ученіи о dos и pretium-emptionis путемъ сравнительно-научнаго метода мы дошли до познанія закона, закона двойственности идеи въ одной области понятія, закона, который управляетъ всѣмъ духовнымъ или отвлеченнымъ міромъ человѣка. На основаніи общаго развитія идеи мы познали, что положительно существуютъ двѣ противоположныя идеи одновременно, изъ которыхъ одна всегда реально-положительная, другая всегда отвлеченно-положительная. Для возникновенія и существованія двухъ противоположныхъ идей существуютъ четыре переходныя формы, которыя одинаковы, какъ для идеи, находящейся въ состояніи движенія впередъ, такъ и для идеи, находящейся въ состояніи движенія назадъ. Какъ:

О. о. п. С. С.   С.
 . . . В.   В. В. о. п. В. . . .
 о. п. М.

Идея видоизмѣняется постепенно и послѣдовательно, переходя чрезъ всѣ переходныя ступени или формы, согласно правилу: *natura non facit saltum*. Зарождающаяся идея является реально-положительной только послѣ третьяго перехода. Причину наблюдаемыхъ явленій, въ этомъ мірѣ абсолютной духовности, мы можемъ понятнѣе объяснить на основаніи того-же закона эндосмоса и экзосмоса. Воспріятіе и выраженіе, и выраженіе **ВЪ ТОЙ ФОРМѢ**, въ какой дѣйствуетъ окружающее жизненное условіе въ извѣстный моментъ, при которомъ данное воспріятіе происходитъ. Для познанія явленія, способъ проникнуть во внутреннее содержаніе, въ глубоко сокрытую сущность явленія, въ эту отвлеченную

матерію или—высшая форма точнаго и полнѣйшаго познанія причины и сущности явленія—есть сравнительное изученіе разнообразнѣйшихъ формъ проявленія человѣческой мысли на всевозможныхъ ступеняхъ общественнаго развитія человѣка: отъ формъ болѣе высшихъ и сложныхъ, до самыхъ простѣйшихъ. И между этими двумя крайними точками человѣческой мысли происходитъ непрерывное видоизмѣненіе идеи: формы творятся и пропадаютъ, вновь творятся и вновь пропадаютъ или: *idea perpetuo et aeterno movetur*. Мы могли бы это безконечное движеніе идеи представить нагляднѣе, изобразивъ его безконечной, замкнутой цѣпью видоизмѣняемыхъ идей ¹⁾:

Это абсолютное движеніе совершается одновременно въ двоякомъ направленіи: въ движеніи впередъ и въ движеніи назадъ. Идеи, находящіяся ближе къ центру и дальше отъ насъ—двигаются назадъ, идеи ближе къ периферіи и ближе къ намъ—двигаются впередъ. Идея, находящаяся ближе къ периферіи и

¹⁾ Къ сожалѣнію, оказалось не удобно воспроизвести печатно безконечность видоизмѣненія идеи посредствомъ круга, т.-е. оказалось неудобнымъ перевести безконечность видоизмѣненія идеи наивозможно яснѣе, полнѣе и опредѣленнѣе изъ міра абстрактнаго въ міръ конкретнаго образа. Пришлось

ограничиться фигурой

ближе къ намъ, въ одной формулѣ — двигается впередъ, въ слѣдующей формулѣ удаляется отъ насъ, приближаясь ближе къ центру и измѣняетъ свое направленіе въ движеніи, двигаясь назадъ. Это движеніе постоянно, оно не имѣетъ начала и потому не имѣетъ конца. Оно абсолютно и вѣчно, какъ матерія, и если мы, до сихъ поръ, не знали, не предполагали о его существованіи или не замѣчали его, то только потому, что не дали себѣ труда выяснитъ этотъ естественный законъ природы идей: абсолютнаго движенія идей, а не потому, что мы будто бы не видимъ или не замѣчаемъ. Это движеніе идеи абсолютно и вѣчно, какъ матерія. Но необходимо, одновременно, дѣлать различіе между общимъ понятіемъ идеи, какъ о нѣчто цѣломъ, вѣчномъ, какъ о матеріи, силѣ и частнымъ понятіемъ идеи, какъ о формѣ или явленіи, которая творится и пропадаетъ. Т.-е., что идея, какъ матерія, вѣчна, а форма или тѣло, въ которое облекается идея, какъ временная форма, въ которой она является — творится и пропадаетъ. Такъ *usurpatio* переходитъ въ *pretium*, *pretium* въ *dos*, *dos* въ *parapherna*, но основная идея, какъ матерія въ реальномъ мірѣ, такъ идея въ отвлеченномъ, безъ начала и безъ конца, какъ матерія вѣчна, она не творится и не пропадаетъ, а только видоизмѣняется. Одна противоположная переходитъ въ слѣдующую противоположную, но сущность ея НИКОГДА не переходитъ въ противоположную, сущность одной противоположной, никогда не сообщается другой противоположной. *Usurpatio* никогда не дѣлается *pretium*'омъ по сущности, *pretium* никогда *dos*, *dos* никогда *parapherna*. Но матерія идеи будетъ всегда видоизмѣняться въ сущности, а форма идеи, какъ тѣло, какъ форма матеріи, будетъ безконечно переходить изъ одной противоположной формы въ другую: твориться и пропадать, ибо движеніе, какъ и матерія, вѣчно, и движеніе, какъ и идея двойственны. Движеніе движенія и движеніе идеи совершается двояко: впередъ и назадъ.

Идея (интеллектуальная сила) есть отвлеченная матерія. Слѣдовательно, если реальная матерія вѣчна, никогда не творится и не пропадаетъ, а только видоизмѣняется, то и идея, какъ отвлеченная, невидимая матерія или сила точно также вѣчна, никогда не творится и никогда не пропадаетъ, а только постоянно видо-

измѣняется и ея видоизмѣненія такъ же безграничны, какъ и видоизмѣненія реальной матеріи. Матерія не видоизмѣняется въ свою противоположность, но измѣняетъ только внѣшнюю свою форму при переходѣ изъ одного состоянія въ другое. Но эти формы суть противоположности съ внѣшней стороны. Въ отвлеченномъ мірѣ мы видимъ, что идея ВСЕГДА видоизмѣняется въ противоположную. Двѣ идеи совпадаютъ, но никогда не соединяются и не смѣшиваются, но одна идея всегда вытѣсняетъ другую — противоположную. Причина или условія, которыя дѣлаютъ необходимымъ видоизмѣненія идеи въ свою противоположность лежатъ въ самой сущности идеи, какъ отвлеченной матеріи. Причина или условія, которыя дѣлаютъ необходимымъ двойственность идеи вытекаютъ изъ необходимости видоизмѣненія идеи въ противоположность. Ибо идея, какъ нѣчто невидимое, отвлеченное, не можетъ видоизмѣниться иначе, какъ измѣнивъ свою сущность, внутреннее свое содержаніе, т.-е. обратиться въ противоположность. Идея, какъ нѣчто отвлеченное, можетъ видоизмѣняться только со своей внутренней стороны, ибо, не имѣя реально-матеріальной формы, она способна только на такое измѣненіе и только съ этой стороны мы можемъ видѣть и осязать ея видоизмѣненія. Понятіе сильнѣйшаго и слабѣйшаго, лучшаго и худшаго или богатства и бѣдности, скупости и щедрости суть противоположности. Если идея сильнѣйшаго не видоизмѣнится въ идею слабѣйшаго или наоборотъ, то, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, идеи останутся тѣмъ, чѣмъ онѣ были: сильнѣйшее — сильнѣйшимъ, слабѣйшее — слабѣйшимъ. Т.-е. если идеи не будутъ видоизмѣняться: противоположная изъ противоположной и противоположная въ противоположную, а иначе онѣ измѣняться не могутъ, то наступитъ моментъ абсолютнаго спокойствія. Но по всемірному закону вѣчности матеріи и силъ такого момента не можетъ наступить, и пока существуетъ движеніе, идеи будутъ видоизмѣняться: противоположная изъ противоположной и противоположная въ противоположную, ибо иначе онѣ видоизмѣняться не могутъ.

Идея принимаетъ форму худшаго (скажу: матерія принимаетъ форму извѣстнаго тѣла); окружающія жизненныя условія, воздѣйствуя на идею, видоизмѣняютъ форму идеи худшаго въ форму лучшаго. Но противоположности не терпятъ другъ друга;

потому, когда идея формы противоположной видоизмѣнится въ форму противоположную первой, то послѣдняя постепенно исчезнетъ, при послѣдующемъ видоизмѣненіи идеи.

Форма идеи измѣняется, идея неизмѣнна.

Въ племенахъ кавказскихъ горцевъ являются двѣ идеи: pretium и dos. Можно, конечно, воспрещать pretium, но тѣмъ не менѣе, природа не сдѣлаетъ скачка и идея будетъ развиваться постепенно, послѣдовательно и гармонично. Гармоничность общаго развитія идеи не будетъ чрезъ это нарушена. Эти двѣ идеи проходятъ чрезъ всю исторію развитія дотального права народовъ Запада. Мы видимъ pretium и первоначально отвлеченное понятіе dos.

Намъ ясно представилось, и какъ прямое слѣдствіе историко-юридическихъ свидѣтельствъ, что дотальная система носить характеръ единообразія, что совокупное дотальное право народовъ развивается каждое отдѣльно, не по различнымъ какимъ-либо законамъ, но, каждое отдѣльно развивается, — хотя и въ различное время и не одинаково быстро, но по одному общему имъ всѣмъ вмѣстѣ закону, закону, получившему импульсъ отъ Римскаго Права. Что dos до сближенія съ римлянами у этихъ народовъ не существовала и они ее не знали, что она впервые появляется у народовъ Запада лишь въ началѣ Среднихъ Вѣковъ и, что, наконецъ, дотальное право современныхъ намъ народовъ представляетъ продуктъ заимствованія изъ Римскаго Права.

Когда лѣтописецъ, сообщая одновременно объ обычаяхъ похищенія среди другихъ племенъ, населявшихъ древнюю Русь, и когда лѣтописецъ сказавъ: „а завтра приношаху что на ней владуче“ — на что указывалъ онъ, какъ не на

			O.
	о. п. Р.	Р.	Р.
	U.	U. U.	о. п. U.
о. п. NN.	а. о. NN.		

ДОПОЛНЕНИЕ I-ое.

Gans ¹⁾ идетъ еще дальше Гримма и говоритъ, что всюду, гдѣ въ древнихъ законахъ варваровъ встрѣчается: *dos*, *morgengabe*, *pretium*, то всѣ эти названія имуществъ по понятію одинаковы, ибо, говоритъ онъ, „нигдѣ не говорится *одновременно* о *pretium'*ѣ и *dos*, но то, что дается женихомъ, носитъ названіе, то *dos*, то *pretium'*а и подъ *pretium'*омъ подразумѣвается и *Wittum* и *morgengabe*“. Но въ какихъ же законахъ не говорится одновременно о *pretium'*ѣ и *dos*? И какіе же законы подъ *pretium'*омъ подразумѣваютъ одновременно и *dos*, и *morgengabe*, и *Wittum*. Уже *lex Burg.* дѣлаетъ различіе между *morgengabe*, *pretium nuptiale* и *dos* ²⁾, также *lex Rip.* „*dos* и *morgengabe* ³⁾“, *lex Alam.* *dos* и *morgengabe* ⁴⁾, *lex Long. mēta et morgengab* ⁵⁾. (См. Jacob Grimm, *Deutsche Rechtsalt.* S. 446 и 442). „Die alte lat. ubertragung von Cnuts Gesetzen gibt tit. 71, die Worte tholige heo thaere *morgengife* durch *careat date*; eine Urk. des 13. Jh. in J. F. Gruner opusc. 1, 155 redet: de jure *dotis*, quod *morgengabe* vulgariter dicitur“. (См. прекрасное историческое изслѣдованіе различій: *morgengabe*, *dos*, *Wittum* у Mittermayer'a, *Grunds. des D. Privatr. B. II*; S. 381 и слѣд.).

Какимъ образомъ имущества, имѣющія различныя назначенія и носящія различныя названія могутъ быть вполне тождественны по понятію? Какимъ образомъ имущества, имѣющія различ-

¹⁾ *Erbrecht.* Th. III, S. 202 и слѣд., IV, S. 684, 685.

²⁾ XLII, 2.

³⁾ XXXVII, 2.

⁴⁾ LVI, 1, 2.

⁵⁾ II, IV, 4.

ныя значенія, могутъ быть однимъ и тѣмъ же? Какимъ образомъ можемъ мы смѣшивать pretium съ morgengabe, съ dos и съ Wittum'омъ. Мы знаемъ, что въ древнихъ законахъ, pretium—плата, dos—даръ. Слѣдовательно, какимъ образомъ два противоположныя понятія: плата и подарокъ могутъ быть однимъ и тѣмъ же? Они одинаковы, уже если мы непремѣнно этого требуемъ, но только въ одномъ отношеніи, что всѣ являются со стороны мужа, т.-е. со стороны одного противоположнаго лица и что три изъ нихъ: dos, morgengabe и Wittum одинаковы въ отношеніи общаго своего признака, какъ дара. Естественно является вопросъ, если всѣ эти имущества одинаковы, то отчего же они носятъ различныя названія? Потому, что всѣ они различны въ своей сущности и каждое имѣетъ свое собственное назначеніе. И это различіе долженъ былъ ясно сознавать варваръ, иначе для чего бы онъ всѣ эти имущества назвалъ различными именами? О morgengabe и dos довольно темно говоритъ онъ въ lex Alamannorum, въ Codex legum antiquarum, слѣдовательно, и различія не могутъ быть для насъ совершенно ясны. „Dotis enim legetima XL. sol. constat aut in auro, aut in argento, aut in mancipiis, aut in qualiscunque re quam habet ad dandum“ и далѣе: „Si autem proximus mariti defuncti contradicere ipsam dotem illi muliere voluerit, quod lex non est illa, sequatur cum sacramento cum nominatis quinq; aut cum spatha tracta pugna duorum, si potest acquirere aut per sacramentum, aut per pugnam, illa pecunia post mortem mulieris retro nunquam revertatur. Sed ille sequens maritus, aut filii ejus usque in sempiternum possideant. Si autem ipsa femina dixerit: „*Maritus meus dedit mihi morgangeba: computet quantum valet aut in auro, aut in argento, aut in mancipiis, aut in equo, pecuniam XII solidos valentem. Tunc liceat illi mulieri jurare per pectus suum, et dicat: Quod maritus meus mihi dedit in potestate, ego possidere debeo: hoc dicunt Alamanni nastaid* ¹⁾ (J. Grimm: nastahit). Но, эти различія совершенно ясны въ Schwabenspiegel, ибо этотъ ландрехтъ изложенъ на его языкѣ; онъ излагаетъ здѣсь свои обычаи на своемъ родномъ языкѣ, ему не нужно подыскивать и употреблять иностранныя слова

¹⁾ LV, 2; LVI, 1, 2.

для описанія своего обычая, ему нѣтъ необходимости употреб-
лять латинскія выраженія для обозначенія своего обычая, ибо
они всегда останутся чужими другъ для друга: „Nu vernement
waz ein iegelich man der von ritterlicher art ist. sinem wibe ze
morgen gabe geben mac. des morgens an dem bete oder so er
zetische gat. oder ob dem tische so mac er geben sinem wibe
ze morgen gabe ane siner erben vrlop. einen kneht vnd maget.
die zir iarn chomen sint. vnd zvne vnd gezimmer ob der erde.
vnd als ir man stirbet. so sol si daz ertriche rvmen. inner sehs
wochen. oder nah dem drizegsten. vnd sol ez also rvmen. daz
si die erde niht verwvnde. si sol ez aber bieten zelosen nah fr-
mer livte kvr. So git der vrie herre daz hvndert marche giltet
zemorgen gabe siner frowen. ich mein fvrsten vnd ander hohe
vrie herren. Die miteln herren vrien mvgen geben daz zehen
marche giltet. Die dienstman“... и т. д. ¹⁾). „Ez git ein mân
sin eigen gvt wol sinem wibe mit der erben vrlobe ze lipge-
dinge, ob si ze ir tagen chomen sint“ ²⁾). Lipgedinge mac den
frowen nieman gebrechen. noch die erben mit den ez in gege-
ben ist. vnd stirbet ioch ir man. si hat ez doch mit rehte. vnd
verwvrchet ioch ir man sin gvt mit vntet. man chan ez ir mit
rehte nit genemen“ ³⁾). И еще яснѣе въ § 24: „Wirt der man
von sinem wibe gescheiden. vnd daz si beidiv niht enwissen daz
si bi ein ander ze vnrechte sazen. si behaltent ir selber gvt vnd
ir morgengabe. vnd ir lip gedinge daz er ir gab.“.

Когда бы pretium не вручался, хотя бы на другой день
брака, хотя бы, даже, на другой день, утромъ, но разъ это былъ
pretium, т.-е. имѣлъ назначеніе платы, онъ не былъ morgeng-
gabe, онъ не былъ Wittum'омъ. Точно также и morgengabe,
если бы она передавалась наканунѣ брака или вообще когда
бы то ни было, но разъ ея назначеніе есть morgengabe, по-
дарка, утренняго дара—она не была pretium'омъ. Гансъ гово-
рить: „Morgengabe“, по его мнѣнію, слѣдовательно, также pre-
tium, „на востокъ (?) имѣеть совсѣмъ другое значеніе, чѣмъ въ

¹⁾ § 18.

²⁾ § 19.

³⁾ § 21; см. morgengab и lipgeding (Wittum—отъ widmen, alt. lipgeding)
въ Saxenspiegel. I, 20, § 1, 2, 6, 8, 9; I, 24, § 1; III, 38, § 3; III, 74; III, 75
§ 1; I, 21, § 1, 2; II, 21, § 3.

германскомъ правѣ; тамъ это доказательство, что жена вещь, здѣсь же—это доказательство любви. На востокѣ это плата за „Anfang der Ehe“ въ германскомъ — забота объ обезпеченіи жены на случай смерти. Слѣдовательно, по его мнѣнію, morgengabe и Wittum одно и тоже. „На востокѣ“, будто бы, „какъ всякій pretium можетъ отсутствовать, (?) въ германскомъ же правѣ, какъ выраженіе любви мужа—она необходима“. Оставаясь на строго-научной почвѣ, невозможно допустить такое нелѣпо-метафизическое сужденіе. Каждое имущество имѣетъ свое собственное назначеніе: pretium'омъ—я покупаю, brautgabe (брачный даръ, dos)—я дарю, morgengabe — я не выражаю любви, но плачу именно за этотъ „восточный Anfang der Ehe“, кромѣ обыкновеннаго дара, онъ мнѣ служить, какъ munus virginitatis. Wittum'омъ—я не опредѣляю, конечно, мою любовь, а опредѣляю имущественную часть моей женѣ, на случай моей смерти. Утверждая вышеприведенное, мы совершаемъ такой-же логическій промахъ, какъ если бы мы стали утверждать, что добро и зло, или масса другихъ противоположностей, вполне тождественны по понятію. И здѣсь, какъ нельзя болѣе, приложимо выраженіе Цицерона (Ториса, VIII): „Quaerquam enim vocabula prope idem valere videantur: tamen, quia res differebant, nomina rerum distare voluerunt“.

Весьма сходное мнѣніе, мы находимъ въ сочиненіи Побѣдоносцева ¹⁾, относительно того же самага. Онъ говоритъ: „Церковь преслѣдуетъ германскій (?) обычай покупать жену“. Этотъ обычай настолько же германскій, насколько общій всѣмъ народамъ вообще. Далѣе: „Покупка замѣняется утреннимъ даромъ (morgengabe), который служить *цѣною уступки власти надъ женщиной*, впоследствии выродившійся во вдовью часть“, которая, будто бы, только „дареніе по случаю брака“, а не обезпеченіе жены въ будущемъ, на случай смерти мужа, на что указываетъ уже самое названіе „вдовья часть“, безъ всѣхъ, даже, историческихъ фактовъ. *Morgengabe' служитъ цѣною уступки власти надъ женщиной*“. Что могъ подразумѣвать подъ этимъ опредѣленіемъ авторъ? Что morgengabe—плата или подать за jus primaе noctis. Слово „уступка“ необходимо предполагаетъ существованія втораго лица, въ чьей власти могла находиться

¹⁾ Курсъ Гражд. Права, Ч. 2, стр. 15 и 40.

женщина. Но авторъ, въ этомъ случаѣ, глубоко ошибается. Даръ, даже не плата, который передавался не лицу, въ чьей власти могла находиться женщина, а вручался ей самой, никакъ не могъ быть платой за *jus primae noctis*, слѣдовательно не можетъ быть и цѣною уступки власти. Но откуда же видно, что авторъ подъ этимъ опредѣленіемъ подразумѣваетъ *jus primae noctis*? Намъ, конечно, не можетъ быть извѣстно, дѣйствительно-ли это подразумѣвалъ авторъ, но, что онъ долженъ былъ непременно подразумѣвать подъ такимъ опредѣленіемъ плату за *jus primae noctis*, разъ мы читаемъ: „*morgengabe* — цѣна уступки власти надъ женщиной“, но вѣдь мы хорошо знаемъ, что это такое за цѣна уступки власти, мы хорошо знаемъ, что въ исторіи права она извѣстна, какъ подать за *jus primae noctis*. Но, вѣдь мы имѣемъ твердыя, положительныя данныя, что *morgengabe* не была подать, плата за *jus primae noctis*, она не могла быть ею: какъ могу я получать плату за уступку права, которое я не осуществляю въ реальной дѣйствительности? И разъ, *morgengabe* не плата за *jus primae noctis*, то, какъ мы можемъ опредѣлять сущность *morgengabe* „цѣною уступки власти надъ женщиной“? Какъ можемъ мы называть утренній подарокъ, вручаемый самой женщиной, податью или платою за *jus primae noctis*?¹⁾ Далѣе, онъ продолжаетъ: „изъ той же платы или выкупа выродился обычай брачнаго дара (*morgengabe*)“ онять *morgengabe*, т. е. цѣна уступки власти, вѣроятно, по мнѣнію автора, она имѣетъ нѣсколько значеній? „отъ мужа женѣ для будущаго ея обезпеченія“. Слѣдовательно: и *brautgabe*, и *morgengabe*, и *Wittum* — все одно и тоже!

ДОПОЛНЕНІЕ 2-ое.

По мнѣнію нѣкоторыхъ изслѣдователей, предлогъ „за“ означаетъ приданое. Въ духовныхъ грамотахъ Великихъ Князей встрѣчаются выраженія: „...села и волости, которыя были за

¹⁾ *Marcheta*, какъ подать за *jus primae noctis* въ *Glossarium mediae et infimae latinitatis*, Du Cangé, V. 4, p. 281 и слѣд. См. также J. Grimm, *D. Rechtst.-alt.* S. 384. См. также объ этомъ прекрасное изслѣдованіе *Mittermayer'a*: „*Grundsätze des Gemeinen deutschen Privatrechts*“.

²⁾ Лѣт. по ипатскому списку, стр. 443.

княгиню“, то, согласно мнѣнію этихъ изслѣдователей, въ такомъ случаѣ, села и волости означаютъ приданое. Посмотримъ, какого рода имущество могли быть эти села и волости. Лѣтописецъ,¹⁾ по поводу брака князя Ростислава съ дочерью В. К. Всеволода, въ 1187 году, сообщаетъ слѣдующее: „Створи же Рюрикъ Ростиславу велми силну свадьбу, ака же несть бывала в Руси; и быша на свадьбѣ князи мнози, за 20 князей. Снось же своей далъ многи дары и городъ Бряинъ“. Въ духовной грамотѣ, 1406 г., В. К. Василя Дмитріевича¹⁾, князь пишетъ: „А што села Княгининские пошлые, то ее и естъ; а вѣдаетъ тѣ села пошлые Княгининские дотолѣ Княгини моя, доколѣ, дасть Богъ женится сынъ мой, а потомъ ина дасть тѣ села сына моего Княгинѣ, своей снось, которые бѣли издавна за Княгинями“. Слѣдовательно, эти села, волости и прочее недвижимое имущество назначались исключительно для содержанія княгинь.

ДОПОЛНЕНИЕ 3-е.

Мнѣніе Побѣдоносцева, что „понятіе о приданомъ, въ формальномъ значеніи, хотя и могло быть заимствовано у насъ изъ Римскаго Права, но не въ видѣ цѣльнаго учрежденія. Право мужа управлять и пользоваться приданнымъ не было извѣстно въ римской юридической нормѣ туземному гражданскому праву и обычаю“ — и на этомъ основаніи только почти допускать рецепцію римскаго юридическаго института — я считаю невозможнымъ. По моему мнѣнію, заявленіе подобныхъ мнѣній указываютъ лишь на полнѣйшее отсутствіе представленій о вліяніи окружающихъ жизненныхъ условій на образованіе юридическихъ институтовъ, у автора. Когда же чужеземный юридическій институтъ можетъ быть перенятъ „въ видѣ цѣльнаго учрежденія“? Отъ первой до послѣдней буквы закона? Отъ альфы до омеги? Когда же копія можетъ уподобиться оригиналу?

¹⁾ Собр. Рум. Ч. I, № 39.

Когда же сила творчества копии может равняться силѣ творчества оригинала? Одно названіе копии уже указываетъ, что личность неспособна самостоятельно проявить дѣятельность и она копируетъ. Разъ, она не проявляетъ самостоятельной силы творчества, то ея сила творчества развѣ можетъ быть уподоблена силѣ творчества оригинала? Никогда. Рецепція института происходитъ настолько, насколько окружающія жизненные условія народа, который производитъ эту рецепцію, способствуютъ къ этой рецепціи. Мы, даже, наблюдаемъ, какъ въ главныхъ, въ основныхъ чертахъ, рецепція измѣняется и измѣняется настолько, насколько позволяютъ безчисленныя окружающія жизненные условія для этой рецепціи, насколько сильно вліяніе этихъ условій. Авторъ говоритъ: „Приданое назначалось самой женщиной (??) и нѣтъ въ нашихъ законахъ *правила* о томъ, чтобы оно во всякомъ случаѣ составляло принадлежность мужа, либо переходило въ его владѣніе или распоряженіе“.

Правила объ управленіи и пользованіи *dos* по Римскому Праву, хотя и подверглись рецепціи, но остались безъ примѣненія въ дѣйствительной жизни. Остались безъ дальнѣйшаго развитія. Но на что же это указываетъ, что это право, именно право, а не правила, не было извѣстно нашимъ предкамъ? Нисколько. Оно не существовало только въ духѣ Римскаго Права. Римлянина не доставало, только римлянина. Римлянинъ бы развилъ, мы знаемъ, какъ римлянинъ развивалъ идею права. Но что такое: римлянина не доставало? Не доставало тѣхъ окружающихъ жизненныхъ условій, при которыхъ римлянинъ развивалъ свою идею, только. Не было римлянина, былъ только варваръ, варваръ съ своими жизненными условіями. Съ внесеніемъ правилъ о *dos* изъ Греко-Римскихъ законовъ въ Кормчую книгу, причемъ мы читаемъ, что *dos* переходитъ въ собственность мужа, но право собственности относительно приданого ограничено: мужъ не имѣетъ вообще права отчужденія безъ согласія жены; *dos* обезпечена его имуществомъ, которое также не можетъ быть отчуждаемо и до Уложенія А. М. мы не имѣемъ ни одного законодательства о приданомъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, мы знаемъ, что *dos* существуетъ, мы имѣемъ положительныя свидѣтельства, которыя говорятъ намъ, что *dos* съ XV вѣка суще-

ствуешь. Мы бродимъ во тьмѣ, ощупью ищемъ гдѣ же правила, правила? Никакихъ правилъ не находимъ, а находимъ въ актахъ что же? Что приданое полнѣйшая собственность мужа: онъ владѣетъ, пользуется и распоряжается. Въ силу основнаго, заимствованнаго правила, что dos переходитъ въ собственность мужа — она переходитъ и почитается его собственностью, слѣдствіемъ этого является народное правосозерцаніе: какъ существованіе dos соединено съ одновременнымъ понятіемъ брака, такъ и dos соединена съ понятіемъ собственности мужа. Хотя, мы и не находимъ ясно выраженнаго постановленія въ положительномъ законодательствѣ — въ чьей собственности находится или въ чью собственность переходитъ приданое, но изъ юридическихъ актовъ, — а что такое юридическіе акты, какъ не выраженіе въ реальной формѣ дѣйствительной жизни народа, — мы видимъ, что приданое почитается, именно почитается, какъ общее правосознаніе народа, имуществомъ мужа. Эти два понятія соединены и нераздѣльны. Одно названіе имущества: приданое, освящаетъ его право собственности безъ всякихъ правилъ и попытки послѣдующаго законодательства проявляются въ какой же формѣ? — въ формѣ попытки ограничить произволъ въ отношеніи абсолютной собственности мужа, ограничить полнѣйшій произволъ относительно этого имущества. Эти прохитивные указы показываютъ намъ, что **БЫЛА ПРИЧИНА** для ихъ появленія, что отчужденіе недвижимаго приданаго послужило причиной обнародованія этихъ указовъ. Относительно перехода **НЕДВИЖИМАГО** приданаго въ имущество мужа, авторъ объясняетъ причину такъ: это произошло не въ силу, будто бы, «кореннаго юридическаго начала, а правило это образовалось само собой вслѣдствіе особенностей нашего устройства, заключавшагося въ томъ, что съ правомъ поземельной, недвижимой собственности было соединено понятіе о несеніи службы, службы на Государя. „Женщина, на которой не лежала служба, не могла предъ лицомъ общественной власти занимать одинаковое положеніе съ мужчиной относительно правъ по имуществу“. Но вернемся къ первому отдѣлу этого изслѣдованія. Мы привели вѣдь довольно почтенную цифру юридическихъ актовъ, въ которыхъ говорится: недвижимое имущество, взшедшее въ составъ отдѣльнаго имущества жены, составляетъ ея отдѣльную, полную собственность.

Во второмъ отдѣлѣ мы читаемъ: движимое, какъ недвижимое приданое переходитъ и составляетъ первоначально полную собственность мужа. Въ первомъ отдѣлѣ мы привели одинъ драгоцѣннѣйшій актъ, въ которомъ говорится, что отецъ даетъ своей замужней дочери, вотчину въ ея полную собственность и въ Помѣстномъ Приказѣ эту данную на вотчину явилъ стольникъ Василій Ивановъ сынъ Чертковъ и по сей данной та вотчина за женою его Катериною справлена. Парафернальное недвижимое—собственность жены; приданое движимое, недвижимое — собственность мужа. Отчего же парафернальное имущество жены составляетъ ея полную собственность? Вѣдь авторъ говоритъ: „У насъ во всей исторіи съ замѣчательной послѣдовательностью проведено начало раздѣльности имуществъ между супругами. Мужъ никогда не занималъ юридически мѣсто распорядителя и владѣльца, хотя фактически и негласно могъ присвоить себѣ власть надъ имуществомъ жены, какъ глава союза, въ силу своего положенія могъ ее принудить, въ домашней жизни, къ дѣйствіямъ по имуществу, для нея невыгоднымъ; но ни одинъ изъ супруговъ не стѣснялся закономъ въ распоряженіи своимъ имуществомъ безъ согласія другаго, тѣмъ болѣе не имѣлъ права по своей волѣ распоряжаться имуществомъ другаго: оно въ отношеніи къ нему всегда было *чужимъ* имуществомъ. Не было запрещенія супругамъ перекрѣплять другъ другу и дарить взаимно имущества: ограниченія устанавливались тамъ только, гдѣ предполагалось умышленное дѣйствіе во вредъ третьимъ лицамъ. Свободно было и право вступать взаимно въ обязательства, и не было ограниченія взаимной отвѣтственности за долги“ ¹⁾. Это мнѣніе находится въ противорѣчій со всѣмъ послѣдующимъ, которое мы привели выше. Въ одномъ отношеніи, какъ будто, нѣтъ противорѣчія, ибо авторъ, говоря о началѣ раздѣльности имуществъ между супругами,—точно такъ же какъ и въ фразѣ, что „приданое назначалось самой женщиной и нѣтъ правила, чтобы оно переходило въ его владѣніе или распоряженіе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, одновременно утверждая, что женщина, на которой не лежала служба, не могла предъ лицомъ общественной власти занимать одинаковое положеніе съ мужчиной

¹⁾ Курсъ Гражд. Права, ч. 2, § 15.

относительно правъ по имуществу — можетъ быть, нечаянно, опускаетъ точное обозначеніе имущества: движимое или недвижимое. Но вернемся къ древнимъ юридическимъ актамъ и посмотримъ о какомъ имуществѣ въ нихъ говорится? О **недвижимомъ**. Игнорируя вліяніе Греко-Римскихъ законовъ въ этомъ направленіи, или совершенно не признавая ихъ вліяніе, необходимо доказать, почему недвижимое парафернальное имущество жены составляетъ ея полную собственность. Или, что она владѣетъ имъ на какихъ-нибудь особенныхъ правахъ собственности? Въ силу закона противорѣчія—утвержденіе и отрицаніе одной и той же мысли не могутъ быть оба истинны или оба ложны. Если разъ утвержденіе истинно, то отрицаніе—ложно, или: если отрицаніе истинно, то утвержденіе ложно. Если я говорю, что В есть С, то утвержденіе, что В не есть С—ложно, или, если я утверждаю, что В не есть С, то утвержденіе, что В есть С—ложно: изъ истинности одного вытекаетъ ложность другаго: изъ двухъ сужденій изъ которыхъ въ одномъ, что либо утверждается, а въ другомъ, тоже самое отвергается, одно непременно ложно. По закону противорѣчія, одно изъ двухъ: или В есть С или В не есть С, но одно и тоже мнѣніе нельзя одновременно утверждать и отрицать. Изъ такихъ противорѣчущихъ сужденій, изъ которыхъ одно есть простое отрицаніе другаго—слѣдуетъ, что одно изъ утверждений истинно, а другое ложно, но оба не могутъ быть одновременно и истинны и ложны, но изъ истинности одного вытекаетъ ложность другаго: если истинно, что В есть С, то, въ такомъ случаѣ, ложно, что В не есть С. Если истинно что В не есть С, то, въ такомъ случаѣ, ложно, что В есть С. Далѣе авторъ продолжаетъ: „обезпеченіе приданого на имущество мужа *не было вовсе* извѣстно нашему законодательству“. Если оно совершенно не было извѣстно, то что же такое 13 глава 9-й грани, Законовъ Градскихъ, 4-й артикулъ 10 главы, Правъ Малороссіи: „Между посагомъ, си-есть приданнымъ, и жежду вѣномъ разнствіе тое есть, посагъ или приданное значить тое имѣніе движимое и недвижимое, которое нибудь жена до мужа приносить, или что ему за женою придаютъ для вспоможенія въ супружествѣ ихъ, вѣно же есть даръ, что мужъ, или именемъ его родители, *противъ* приданного

женѣ, при стговорѣ или уже по стговорѣ сватебномъ, съ недви-
жимыхъ имѣній поступають и записываютъ, и то инако именуется
даръ брачный или даръ супружескій; се же для того, даби жена,
по смерти мужевой, била о томъ, на чемъ будетъ жить и чимъ
довольствоватись, извѣстна“. И пунеть 1 артик. 31: „Всякій
мужъ, на которомъ именно имѣніе своемъ вѣно своей же женѣ
запишетъ, того имѣнія никому иному ни продажею, ни закла-
домъ, и никакимъ образомъ завести не можетъ, хотя би и позво-
леніе отъ жени на писмѣ имѣлъ, и показывалъ безъ персональ-
ного предъ урядомъ сознатья ея; такожь и урядъ всякій ни на
какомъ записанномъ женѣ въ вѣно имѣніи никому награжденія,
за преступленіе и долгъ мужа ея, судомъ опредѣлять и отда-
вать не имѣеть, кромѣ добровольного и персонального на то
самой оной жени соизволенія, на томъ же урядѣ (безъ всякого
мужняго принужденія) сознанныго“. Что же такое наконецъ
„правила“ Полтавской и Черниговской губерніи? На что все
это указываетъ, что правила Римскаго Права объ обезпеченіи
абсолютно не были извѣстны? Нисколько. Это указываетъ только
на то, что они первоначально, хотя и подверглись рецепціи, но
не подверглись абсолютному дальнѣйшему развитію. И здѣсь,
какъ во многомъ, римлянина не доставало, только римлянина.

Европейскіе народы, произведя рецепцію Римскаго Права,
произвели ее не въ равной степени и мы не видимъ ни у одного
народа, чтобы рецепція и дальнѣйшее развитіе римскихъ инсти-
тутовъ въ римскомъ духѣ представлялись бы однороднымъ.
Нѣтъ. Рецепція и дальнѣйшее развитіе института происходятъ
настолько, насколько національныя жизненныя условія позво-
ляютъ развиваться чуждому институту въ римскомъ духѣ. Во
Франціи, напр., римская дотальная система подверглась болѣе
обширному развитію въ римскомъ духѣ, чѣмъ въ древней
Руси. Но, развѣ окружающія жизненныя условія, при которыхъ
происходила рецепція и развитіе идеи института dos, были одни
и тѣже, какъ во Франціи, такъ и въ древней Руси? Доталь-
ное право народовъ имѣеть основаніемъ Римское Право, видо-
измѣненное каждое соотвѣтственно вліянію окружающихъ жизнен-
ныхъ условій.

ДОПОЛНЕНИЕ 4-ое.

РУССКІЯ СВАДЕБНЫЯ ПѢСНИ.

Кормилецъ ты мой, батюшка,
Уже что вы долго гуляли,
Вы какія купи закупали,
Не на меня ли красну дѣвицу,
Не на мою ль дѣвью красоту,
Не въ мою то ли русу косу ленту алуго?
Не спасибо, родной батюшка!
Запоручаль меня горькую
За поруки то.
Вы какимъ торгомъ торговали?
Не моей ли буйной головой?
Не прогнѣвайся, мой батюшка,
Что я тебя не встрѣтила
Среди двора широкова,
По конецъ моста калинова,
Двери на пяты не растворила,
Напротивъ креста не стояла!
Не за спѣсью, не за гордостью,
За своимъ горемъ за великіимъ,
За кручиною немалою;
Запоручаль ты, сударь батюшка,
За поруки то за крѣпкія,
За грамоты за боярскія.

(Обращаясь къ брату, когда женихъ выкупаетъ мѣсто подлѣ невѣсты).

Ты послушай, мой милый братъ,
О чемъ я тебя буду просити,
Крѣпче на крѣпче приказывать:
Не сдавайся, милый братъ,
На слова на ласковы,
На поклоны на низкіе,
На чару зелена вина,
На казну и на золото!

На хвалы молодца:
По бѣлѣ снѣга бѣлаго
По алѣ цвѣта алова.
Показался мнѣ молодець
По чернѣ чела чернаго,
По блѣднѣ листа капустнаго.
Отходить лѣто красное,
Приходить зима студеная
Со морозами со лютыми,
Забануть рѣчи во сердцѣ ¹⁾.

Братецъ, постарайся,
Братецъ, поломайся!
Не продавай сестру
Ни за рубль, ни за золото.
Брату мила сестра,
А золото милѣй.
Братецъ Татаринъ,
Продаль сестру за таларъ,
Русу косу за полтину!

Не трубушка трубила рано на зарѣ,
Свѣтъ дѣвица плакала по русой косѣ:
Вечоръ мою косыньку перевели,
И жемчугомъ косыньку унизали,
Какъ Богъ суди, Ивана Назаровича
Прислалъ ко мнѣ сваху немилостиву,
Учала мою косыньку рвать, порывати,
И золото съ косыньки обрывати,
И жемчугъ съ русыя разсыпати.

Ахъ вы дѣвки, дѣвушечки,
Голубины гнѣздышечки!

---

¹⁾ Изъ сборника Снегирева. Русскіе прост. празд. ч. IV.

Много васъ посяно,
Да не много выросло:
Одно поле Кіевско
А другое Черниговско.
Промежь тѣхъ двухъ полей
Не лебедь всликала,
Не куна взыграла,
Да что-ль Анна всплакала,
Что-ль Ивановна всплакала,
По своей русой косѣ,
Что-ль по красной-то красотѣ:

Ты коса-ль, краса моя,
Коса безручинная,
Коса безпечальная!
Какъ вчера русу косу
Въ парной банѣ парили,

А сегодня русу косу,
Подъ вѣнецъ поставили,
Женою называли:
Женою Ивана князя,
Женою Ивановича.

Что безъ вѣтра, безъ вихоря,
Воротички отворотилися,
Какъ въѣзжалъ на широкой дворъ
Свѣтъ Игнатій, господинъ,
Свѣтъ Петровичъ, сударь.
Увидѣла Прасковья душа,
Изъ косящатаго окошечка,
Закричала громкимъ голосомъ:
Сберегите, подружки, меня!
Сберегите, голубушки!
Вонъ идетъ разоритель мой,
Вонъ идетъ погубитель мой,
Вонъ идетъ расплести косу,
Вонъ идетъ увезти красу.

Какъ возговоритъ свѣтъ Игнатій господинъ,
Какъ возговоритъ свѣтъ Петровичъ:
Не пугайся, Прасковья душа,
Не пугайся, Тарасьевна!
Ужъ не я разоритель твой,
Ужъ не я погубитель твой,
Ужъ не я расплету косу,
Ужъ не я увезу красу;
Разоритель твой батюшка,
Погубительница матушка,
Расплететь косу свашенька,
Увезетъ красу друженька:
Мое дѣло постороннее,
Постороннее, мнѣ тебя взять.

Ахъ, вы гуси,
Ахъ, вы лебеди,
Вы куда, гуси, летали?
А мы ужъ летали, летали
Съ моря да на морѣ.
Да ужъ что вы, гуси, видѣли?
Сѣру утицу на морѣ.
Для чего же вы ее не взяли?
Хотя мы ее не взяли,
Крылья, перья вонъ повыщипали,
Горячую кровь пролили;
Ужъ теперъ же наша:
Вы, князья, вы, бояре,
Вы куда, князья, ѣздили?
А мы ѣздили, ѣздили,
А мы изъ города, въ городъ.
Ужъ и что, князья, видѣли:
А мы видѣли, видѣли
Душу Полинью въ теремѣ,
Свѣтъ Тарасьевну въ высокомъ.
Для чего-же вы ее не взяли?

Хотя мы ее не взяли,
По рукамъ ударили,
Быть сговору, дѣвишнику,
Быть дѣвичьему вечеру,
Мы русу косынку расплели,
Мы по плечикамъ распустили,
Ужъ теперь она наша стала. ¹⁾

Темно, темно на дворѣ,
Темнѣе того въ теремѣ.
Бояре ворота облегли,
Торгуютъ, торгуютъ Дуняшу.
Торгуйся, торгуйся братецъ,
Не отдавай меня дешево,
Проси за меня сто рублей,
За мою косынку тысячу.
За мою красоту смѣты нѣтъ.
Подите, бояры!
Подите, бояры!
Давно, мы васъ ждали. ²⁾

Для сравненія привожу нѣсколько славянскихъ пѣсень.
Галицкая свадебная пѣсня изъ пѣсенника Вацлава Олешки.

Благослови Боже, и ты родный батеньку!
Дежь твой, Марусеньку, старшій братъ,
Що твои косы розплетава?
Де твои выплетки, подѣвава?
Чи на тихій Дунай попускава?
Чи молодшой сестриньцѣ даровава?
Де твои, Марусенько, ковали
Що твою кососенку ковали?
Та нехай прійдуть, розкуютъ,
Все собѣ сребро, золото заберуть.

¹⁾ Изъ сборника Сахарова.

²⁾ Изъ сборника Терещенки, „Быть русс. народа“, ч. I.

Ой Татаръ, братчикъ Татаръ,
Продавъ сестру за таляръ!
Русу косу за шостакъ,
Румяно личико таки такъ!

А не вѣй вѣтре въ лозы,
Повѣй по дорожѣ,
Розвѣй русу косу,
По червонимъ поясу!

Сербская свадебная пѣсня изъ пѣсенника Вука Караджича.

Ой и два свата и два упросника!

Ле, леля, ле!

Куда вы идете, что вы ищете?

Ле, леля, ле!

И мы идемъ, мы ищемъ дѣвойки!

Ле, леля, ле!

У насъ она есть не прошенная,

Ле, леля, ле!

Мы пришли за тѣмъ, просить ее!

Ле, леля, ле!

Вы за тѣмъ пришли, да мы не даемъ!

Ле, леля, ле!

Ой дадите же, будетъ нашею!

Ле, леля, ле!

Свекоръ придетъ ли, принесетъ сукна?

Ле, леля, ле!

Женихъ придетъ ли, принесетъ кольцо?

Ле, леля, ле!

И женихъ будетъ и кольцо будетъ!

Ле, леля, ле!

Деверъ придетъ ли, принесетъ вѣнецъ?

Ле, леля, ле!

Будетъ деверъ, вѣнецъ принесетъ!

Ле, леля ле! ¹⁾.

---

¹⁾ Сахаровъ, Сказанія русс. народа, ч. I, книга третья.

